

**Об этом память уничтожить
и годы счастья не вольны...**

Г. Сиварин.

Управление Государственной архивной службы
Новосибирской области
Государственное казённое учреждение Новосибирской области
«Государственный архив Новосибирской области»

Е. К. Стюарт

**“Об этом память уничтожить
и годы счастья не вольны...”**

Автографы 1941–1945 гг.
в фондах Государственного архива
Новосибирской области

Новосибирск
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-5
С 88

Редактор

кандидат исторических наук Д. Г. Симонов

Статья о творчестве Елизаветы Стюарт

кандидат филологических наук И. Е. Лоцилов
(Институт филологии СО РАН)

Составители

О. В. Выдрина, И. В. Самарин

Е. К. Стюарт. “Об этом память уничтожить и годы счастья не вольны...”

Автографы 1941–1945 гг. в фондах Государственного архива Новосибирской области. – Новосибирск. 2024. – 292 с., илл.

ISBN 978-5-6050827-2-9

Сборник включает стихотворения (автографы) Елизаветы Константиновны Стюарт (1906–1984), фактически написанные ею в период 1941–1945 гг., и воссоздающие достаточно полную картину её творческого проживания сложнейшего исторического периода Отечественной истории XX века – Великой Отечественной войны в условиях тылового города Новосибирска. Автографы Е. Стюарт поступили в Государственный архив Новосибирской области в составе личного фонда поэтессы. Книга адресована широкому кругу читателей.

© Е. К. Стюарт (наследник, лицензиар)

© ГКУ Новосибирской области

«Государственный архив Новосибирской области»

© И. Е. Лоцилов (статья о поэте)

Ручеек

Из-под снега в поле чистом
Ручеек струится быстрый
– Ручеек, куда бежишь?
Почему ты так спешишь?

Отвечает ручеек:
– Предо мною путь далёк –
Я к реке большой бегу,
Я иначе не могу!

Спит река под слоем льда,
Тихо плещется вода.
Мы со всех сторон бежим,
Мы со всех концов спешим,

Ручейков повсюду много
И у всех одна дорога.
Сговорились ручейки
Всем добраться до реки.

Скажем ей: – Довольно спать,
Мы не можем дольше ждать!
Мы поможем ей подняться,
Мы поможем лёд сломать!

Предстоит мне дальний путь,
Нет минутки отдохнуть.
Я к реке большой бегу,
Я иначе не могу!

4 апреля 1941 г.

Расставанье

Нам расставаться не впервой с подругой...
К разлукам долгим нам не привыкать.
Любви нелегкой верная порука
Прибавит силы и поможет ждать...

Тоске не место и слезам не время
О самой драгоценной из утрат...
Скрипит песок. Звенит чуть слышно стремя.
Курится дым походного костра.

Простые письма, стершиеся в сгибе,
В последний час на память перечтём...
Но даже смерть ещё не значит – гибель,
Когда за Жизнь мы жизни отдаём...

Промчится время, шелестя годами,
Но дни войны быльём не порастут,
А счастье, завоеванное нами,
В грядущих поколениях обретут.

И в мире их весёлом, многолюдном
О нас не позабудут ни о ком –
Как мы любили трепетно и трудно,
Как землю покидали нелегко...

Пусть различат далёкие потомки
След нашей славы на путях веков...
К ним перейдут священные обломки
Сердец и жизней, сёл и городов...

И каждый камень стёршийся и черствый,
Трагический свидетель наших дней,
Расскажет о невиданном упорстве
И мужестве исчезнувших людей.

Но, погибая, мы не умирали –
Мы, встретив грудью огнёмётный смерч,
Любили жизнь и за неё сражались
И перед нами отступала смерть!

25 апреля 1941 г.

В Констанцу!

В Констанцу на седом рассвете
Шли боевые корабли...
Не долетал далёкий ветер
С едва видневшейся земли...

Но краснофлотцы у орудий
Готовы к бою. И тотчас
Громовым залпом тишь разбудят,
Как только прозвучит приказ.

И он звучит. На вражий берег
Снаряда нашего полёт.
Наводчик точен и уверен,
Без промаха по цели бьёт!

И вот бензиновые баки,
Что разглядели с кораблей,
Уже горят, горят, как факел,
Отбрасывая жаркий блеск!

И лег корабль на курс отхода...
Приказ исполнен боевой.
В морскую вспененную воду
Глядит советский рулевой.

Грохочут вражьи батареи,
В волнах торпеды виден ход,
Над кораблём, как коршун реет
Стальной фашистский самолёт.

Но на борту советским людям
Страх перед боем не знаком!
В ответ зенитные орудья
Теперь заспорили с врагом.

На миг он свастики мазками
Под солнцем утренним сверкнул
И, разом, падая как камень,
В кипящем море затонул.

За ним другой упал туда же...
На миг затишье. И опять
Машины вылетели вражьи,
Чтоб в море гибель отыскать!

Флажок в руке артиллериста
Давал условленный сигнал
И смертью новому фашисту
Огонь орудий угрожал.

Поспешно бомбы сбросив в море,
Машины повернули вспять.
Не удалось им, с нами споря,
В бою победу одержать!

Но самолёты тучей черной
Там, вдалеке, опять видны
И первый, четырехмоторный,
Ведёт по небу остальных...

Но что же не дают сигнала?
Флажок недвижим... Медлят зря! ...
Из-под крыла в тот миг сверкала
Как будто новая заря.

И все увидели – веселый
Над синим морем день встаёт –
Плыл в ясном небе свой, тяжелый,
Родной советский самолёт!

А за его крылами следом
Шли ястребки над головой...
Корабль домой привез победу,
Приказ исполнив боевой!

23 июля 1941 г.

* * *

За капли нашей драгоценной крови,
За тысячи прощаний у дверей,
За трепет горя в материнском слове
Клокочет в сердце гнев, с краями вровень
И суд наш будет, всех судов страшней.

Мы поднялись, чтоб захлестнуть потуже
Смертельной петлей наглого врага.
За счастье человечества, с оружием,
Знай, Родина, что мы тебе послужим,
Ты будешь цвезть, навеки дорога.

Не птицы – пули вьют гнездо под крышей
Родных домов. Пусть ветер этих дней
Раздует ненависть, которой нету выше,
Пусть он над нами знаменá колышет,
От боя к бою делаясь сильней.

За наше знамя, что победно реет,
Все, как один, мы встанем грудью вновь.
В любом бою мы победить сумеем –
Нет силы сокрушительней, грознее,
Чем вставшая за Родину Любовь.

2 августа 1941 г.

Мобилизованные

Ещё за жизнь они цеплялись,
Ещё из серого мешка,
Что пахнет дымом камелька,
Калач домашний доставали.
Ещё никто забыть не мог
И, потеряв, ещё любили...
Но всё уже покрылось пылью
Едва начавшихся дорог...
Промчатся мимо полустанки,
Обнимет дым стволы берёз...
Обрывки песен... шум колёс...
И незнакомые полянки...
Неумолим закон войны –
Иди вперед под гул снарядов...
И вспоминать уже не надо
Неповторимой тишины...
Жена... И детский голосок...
Ужель они когда-то были?
Но всё покрыто плотной пылью
Ещё не конченных дорог...
Лишь в смертный час, когда рука
Обнимет землю, на минуту
Припомнится тепло уюта
И дым родного камелька...

25 августа 1941 г.

Выселение

Всё выносили – стулья, стол
И шкаф ловил зеркальной дверцей
Дома и солнце, словом, то,
Что нужно оторвать от сердца.

Навек забыть, что дни текли
В покинутой теперь квартире,
Как мы забыть уже смогли
О счастье, о любви, о мире...

26 августа 1941 г.

1941 год

Мы в этот год извели до дна
Любовь, тревогу, горечь расставанья,
Борьбу и гнев, надежды и страданье –
Короткое и грозное: война!

И цену мы узнали в этот год
Рукопожатью, ласке у порога
И слову пред дальнею дорогой,
Что, может быть, назад не приведёт...

Впервые мы постигли близость звёзд
Над городом глухим и затемнённым
И был конверт в руках у почтальона –
Нам, как судьба, не ведом и не прост.

Мы поняли впервые в этот год,
Как тосковать о близких и любимых
И как вести часам неутомимый
И сердцем отмечаемый подсчёт.

Мы знали – не стереть и не забыть
Тех дней, что нас, как пламя, опалили
И с каждым днём сильнее жизнь любили,
Как любит тот, кто должен победить!

1 декабря 1941 г.

Неотправленное письмо

Я не могу ничем тебя приветить,
Письму к тебе дороги не найти –
Меж нами километры, снежный ветер,
Войною заметённые пути...

Прощаясь, мы ни слова не сказали,
Что дни в разлуке будут не легки,
И о любви друг другу промолчали,
В руке на миг не задержав руки.

И лишь теперь с тобою твердо знаем –
Мы встретимся, чтоб не расстаться вновь,
А то, что никогда не называем,
Конечно, называется – любовь...

Наступит день и подойдут к перрону
Усталые с дороги поезда
И ты меня, как выйдешь из вагона,
В большой толпе отыщешь без труда.

Быть может со слезами я не слажу
И припаду к широкому плечу,
Но счастливы мы будем, если даже...
Нет, я об этом думать не хочу!

Ты не узнаешь о часах тревожных –
Я этих строк тебе не покажу...
Твою шинель оправлю осторожно,
Пустой рукав за пояс заложу...

3–4 декабря 1941 г.

Письмо

Я с тобой простилась у вокзала...
В комнату затихшую пришла...
Никому ни слова не сказала.
Ни одной слезы не пролила.

В сумерках накинула на плечи
Старый твой прокуренный пиджак...
Этот первый, самый трудный вечер
Скоротала уж не помню как...

А на утро, вставши спозаранку,
Лишь едва забрезжил горизонт,
Увидала, как проходят танки,
Торопливо двигаясь на фронт...

Я тебе пришлю письмо другое,
Я другое написать должна...
Жду, как встретимся опять с тобою
Только, вот, закончится война...

Занята ещё сильнее, чем прежде –
Днём – работа, а по вечерам
Шью красноармейскую одежду
С женщинами нашего двора.

И работа делается споро –
Каждая здесь мать или жена.
Тихие, скупые разговоры.
Каждая – одна и не одна...

Если-ж брови сдвинутся угрюмо,
Станет строже взгляд горячих глаз,
Значит вновь нерадостная дума
Обожгла кого-нибудь из нас...

Может быть на этой плотной ткани
Вашей крови жаркой расцвести...
Может быть и нашей скрытой ране
Суждено не скоро зарости...

Все мы гоним эти мысли, верь мне.
Мы сейчас должны сильнее быть.
Вы в бою встречаетесь со смертью,
Мы хотим, чтоб вы остались жить.

Помните, что нам и всей отчизне
О погибших не легка печаль...
Побеждайте. Утверждайте жизнью
То, за что и умереть не жаль!

[1941 г.]

Города будущего

Я вижу улицы ночные
Просторных новых городов...
Горят огни береговые,
И окна светятся живые
Под крышами больших домов.

Лежит луна на тротуарах
И тени острое крыло...
А листья молодых бульваров
Хранят полдневное тепло.

Из окон – музыка навстречу,
Покоем дышит каждый дом,
И всюду счастье человечье
Свивает прочное гнездо...

И мы, изведавшие горе
До самой страшной глубины,
Идём по городу над взморьем
Под синим пламенем луны...

- - - - -

... О городах таких мечтаем
Мы в самый темный час беды,
Мы их сквозь бурю прозреваем
И сквозь пожары едкий дым!

Мы создадим их – это диво –
И в них под моря мерный плеск
Войдем счастливей всех счастливых
Среди живущих на земле!

15 марта 1942 г.

ВОЙНА

Был день, совсем такой, как все —
Безоблачен и светел.
Купался в молодом овсе
Июньский теплый ветер...

Но самый длинный день в году
Вдруг ночи стал темнее,
И ветер с запада подул
И смерть кругом посеял.

Жестокий враг пошел войной
На мирные селенья.
Он встал, как туча, над страной,
Все покрывая тенью.

Весть понеслась во все концы,
И мощными полками
Собрались братья и отцы
Под боевое знамя.

Они за честь родной земли
Шли, не жалея жизни,

Мы вместе с ними поклялись
Помочь своей отчизне!

За то, что горький дым боев
В дома ворвался наши,
За гибель молодых садов
И золотистых пашен,

За слезы маленьких детей,
Врагом лишенных кровель,
За горе наших матерей
Даем обет сыновий:

Погибнет враг! Сгорит в огне!
И будет прах развеян!
Растет великий грозный гнев
Из слез, что он посеял.

Встает стремительно волна
Растущей силы нашей,
И нет для нас тебя, страна,
Любимее и краше!

Г Е Р О Й

Не знают имени его,
Но он — один из многих,
Парнишка, что провел бойцов
Во тьме и без дороги.

И командиру это он
Доставил донесенье,
Что немцы нынче в их селе
Справляют «новоселье».

И это он гранату взял
И спрятал под рубахой,
Чтоб в группу вражеских солдат
Потом швырнуть без страха.

И он, узнав, что близко враг,
Прокрался в поле рано,
Поджег колхозные стога
И вышел к партизанам.

Быть может в этот самый час,
Стремительный, как пламя,
Из рук упавшего бойца
Он взял и поднял знамя.

И с благодарностью народ
Его не раз вспомянет,
И слава громкая о нем
Расти не перестанет.

И если даже он погиб
В жестокой схватке боя,
Его узнаем мы в других
По мужеству героя,

По блеску смелому в глазах,
Задору в смехе звонком,
По сердцу взрослого бойца
И облику ребенка.

ОТВАЖНЫЕ РЕБЯТА

Строчили весь день пулеметы
По крышам родного села,
А вражья за лесом пехота
Сигнала для боя ждала.

Народ по заросшим тропинкам
Стада из села угонял...
Дрожала в лесу паутинка,
И лист осыпался, звеня.

А осень нарядом богатым
Одела холмы впереди...
Покинув родимые хаты,
Народ из села уходил.

Ушли в этот день партизаны
В осенний сверкающий лес,
В листве золотой и багряной
Их след затерялся, исчез...

А тропкою самой пустынной,
Как тени бесшумно скользя,

По чащам лесным и долинам
Пошли молодые друзья.

Их двое. Смеркается к ночи...
Быть может вернуться назад?..
Но каждый торопится — хочет
Бойцам обо всем рассказать.

Чтоб красные части узнали,
Где враг притаился вдали,
Чтоб красные части прогнали
Его из родимой земли!

И двое, про страх забывая,
Бегут... А кругом тишина.
Лишь ветер порой набегает...
И выйти забыла луна...

И кажется — это не ветер,
А враг настигает, ползет...
И, верно, живым на рассвете
Из них ни один не придет...

Но только едва засверкала
Полоска далекой зари,
Друзьям запыленным, усталым
Уже командир говорил:

— Спасибо, ребята! Но знайте —
Не время еще отдыхать.

С бойцами в разведку ступайте,
Чтоб все о врагах разузнать.

Вернется разведка и — к бою!
Оружием грозным разя,
Пойдем мы лавиной стальной
В атаку... Идите, друзья!

Враги не однажды вспомнят,
Как мы опрокинули их.
И то, как потом партизаны
Их били на тропках лесных!

А сумерки тихо спустились
На крыши родного села,
И окна везде засветились
И жизнь, как всегда, потекла...

И спали спокойно по хатам
Друзья, не страшась темноты, —
Отважные наши ребята,
Такие же точно, как ты!

ПРОХОЖИЙ

Стало тихо на заводе —
Кончен день работы.
У ворот прохожий бродит,
Будто ждет кого-то.

У ворот играют дети
Стайкой голосистой.
К ним идет прохожий этот
Ласковый, речистый.

Разговор такой заводит:
— Кто, мол, точно знает,
Что такое на заводе
Этом выпускают?

Вам туда пройти, наверно,
Не дают, ребята?
Что ж там делают, примерно?
Пушки иль гранаты?

Кто ответит — на заводе
Много ли рабочих?
Сторожа какие ходят
В карауле к ночи?

Тут, нахмурившись, Сережа
Так шепнул мальчишкам:
— Что-то, кажется, прохожий
Любопытен слишком...

Улучу-ка я минутку,
Побегу, пожалуй...
Пусть не шутит с нами шулки
Этот «славный малый»!..

Из книги Е. Стюарт «Отважные ребята»... (продолжение)

И пока прохожий ловко
Задавал вопросы,
У него боец с винтовкой
Вырос перед носом.

— Извините, я немного
Вас побеспокою..
Отойдите на дорогу,
Следуйте за мною!..

Был шпионом вражьем этот
«Ласковый прохожий».
В нем врага по всем приметам
Угадал Сережа.
А врагу прохода нету
И пощады тоже!

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА

На город спускается медленно сон,
И он засыпает, от дел утомлен.
Все дремлет в тиши,
И кругом — ни души,
Лишь ветер чуть слышно по листьям
шуршит...

А в небе высоком гуляет луна,
Но только луна из-за туч не видна.
И всюду покой
Под туманной луной,
Ей в небе высоком не страшно одной.

Но вот на мгновенье на тучи легла
Какая-то тень от большого крыла...
Кто скрылся во мрак —
Не приносит добра,
Прорвался, наверное, к городу враг!

Чужого мотора разносится гул,
Ужели наш город так крепко уснул?
Но город не спал
И врага услышал —
Воздушной тревоги раздался сигнал!

А бомбы на город летят наугад.
Чужой самолет уплывает назад,
Но нету пути
И врагу не уйти —
Он смерть свою должен в дороге найти!

У нас же на крышах дежурные есть.
Стоять на посту — это доблесть и честь.
И в доме любом
Засыпают песком
Опасный огонь зажигательных бомб.

В ту ночь, подавая отваги пример,
Со взрослыми бомбы тушил пионер:
Руками их брал
И на землю бросал,
Чтоб там их дежурный песком засыпал.

Но вот над сараем и пламя, и дым.
Пожар возникает! Несите воды!..
И воду в ведре
Он принес поскорей
И старенькой крыше не дал прогореть!

За часом часы незаметно идут,
Предутренний ветер с востока подул.
А мальчик всю ночь
Торопился помочь
Да так, что любой бы успел изнемочь!

Он чувствовал боль в обожженных руках,
Но сбрасывал бомбы и воду таскал...
Тревоги отбой.
Наступает покой.
И только теперь он уходит домой!..

Спасибо за мужество в сердце твоём,
Таких же отважных немало кругом,
За смелость твою
И за стойкость твою,
За то, что героем ты будешь в бою!

НА ПОЛУСТАНКЕ

Посвящается Вале Деркач

На полусонный полустанок,
Завидев отдаленный дым,
Она выходит спозаранок
С кувшином ключевой воды.

И ждет на маленьком перроне,
Как через несколько минут
В остановившемся вагоне
Бойцов улыбки промелькнут.

Израненных в больших походах
Их здесь провозят поезда,
Чтоб дать героям этим отдых
В цветущих наших городах.

И вот — усталых, запыленных
В недавней схватке боевой,
Их на перроне ждет ребенок,
Чтоб свежей напоить водой.

Она рукою загорелой
Умоет каждого бойца
И вытрет полотенцем белым
И пыль, и пот с его лица.

F. S. [Signature] 1902

А в зной всего нужней прохлада.
И побывавшему в боях
Несет заслуженную радость
Воды прозрачная струя.

И на расспросы отвечая,
Простые говоря слова,
Боец ребенку обещает
Врагу пощады не давать!..

Когда и где бы ты ни встретил
Отважной родины бойца,
Сумей поласковой приветить
И пыль сотри с его лица.

Как в зной всего нужней прохлада,
Так побывавшему в боях
Нужна заслуженной наградой
Улыбка детская твоя.

П И О Н Е Р

Допрашивали долго. Угрожали.
И не однажды принимались бить.
И пытками жестокими пугали,
Чтоб, наконец, заставить говорить!

Особенно безжалостным и грубым
Был вражий разъяренный офицер.
А тот молчал, сомкнув сурово губы, —
Мальчишка босоногий, пионер.

— Когда здесь ваши проходили части?
Скажи скорее, если хочешь жить!..
И он ответил: — Я считаю счастьем
Своею смертью родине служить!..

И больше он не произнес ни звука...
И был убит озлобленным врагом...
Но тот, кто поднял на ребенка руку,
Сто крат за то расплатится потом!

А мужество героя-пионера
Мы пронесем, как знамя, впереди.
И будет вечно доблести примером
Большое сердце в маленькой груди!

О С Е Н Ь

В лесу грибной осенний запах
Тебя встречает, как войдешь,
И сосны на мохнатых лапах
Невидимый качают дождь.

А он, земли не достигая,
Легко шумит над головой

И в пышных ветках оседает
Голубоватую росой...

Осенним днем не для забавы
В лесу ребята собрались —
Искать лекарственные травы
По всем лощинкам разбрелись.

Пораньше кончили уроки —
Идет по лесу целый класс!
И любопытные сороки
На них косят пугливо глаз.

Но те сорокам не помеха,
Пускай хвостатые летят!
Ребятам не до игр и смеха —
Пришел за травами отряд.

Листва растений сохранила
Целебный сок родной земли,
И этот сок с чудесной силой
Бойца больного исцелит.

А лучше всех лекарств на свете
Придаст здоровья мысль о том,
Что со странною вместе дети
С любовью думают о нем!

Елизавета Стюарт

РАЗВЕДЧИКИ

О Г И З

Новосибирское Областное Государственное Издательство
1 9 4 4

Сборник стихов Е. Стюарт «Разведчики» ([Рис. А. Туркина]; Ред. А. Коптелов. – Новосибирск: Новосибгиз, 1944. – 16 с.). Книга подписана в печать 16 апреля 1944 г.

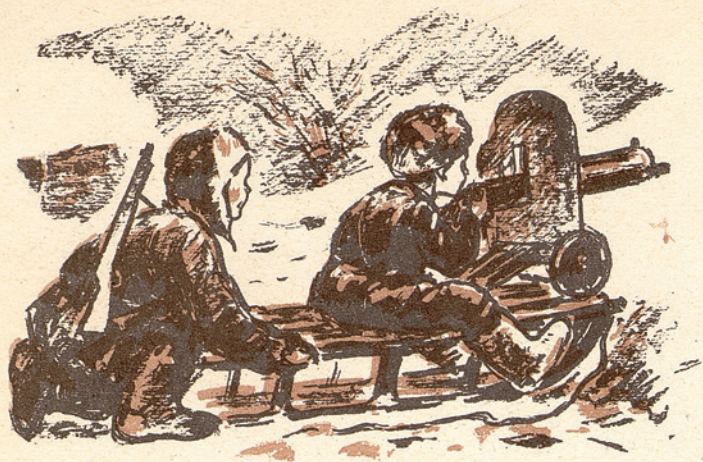

ВИНТОВКА

Винтовка—лучший друг в бою,
Когда стреляешь ловко.
Я из своей винтовки бью
Со снайперской сноровкой.

Не знает промаха руна.
За каждый выстрел меткий
Есть на винтовке у стрелка..
Особые пометки.

ПУЛЕМЕТЧИКИ

Возле снежного намета
Мы стоим у пулемета,
Мы—бойцы как на подбор,—
Будем бить врага в упор.
Очень грозен пулемет.
Очень дружен весь расчёт!

РАЗВЕДЧИКИ

Мы стреляем оба метко,
Не уйти врагу от нас.
Вместе мы идем в разведку—
У обоих зоркий глаз.
Мы—давнишние друзья,
Всюду вместе—он и я.

КАЗАН

Быстрый конь готов для битвы,
Сабля острая, как бритва,
И как сталь крепка руна
У лихого казана.

ЛЕТЧИК

Если утром в небе синем
Ты увидишь самолет,
Значит, я сижу в кабине
И веду его в полет.

Самолет быстрее птицы—
Это я на бой лечу,
Я с врагом хочу сразиться,
Я героем стать хочу!

ПАРАШЮТИСТКА

У мамы зонтик попрошу,
Сама его раскрою,
Как будто это парашют
Взвился над головою,
Как будто небо близко,
А я—парашютистка.

ПАРТИЗАНЫ

Шапка теплая—ушанка,
Из-под шапки—зоркий взгляд...
Партизаны, партизанки
Собираются в отряд.

Собираются в отряд,
Все тропинки сторожат,
Все тропинки, все пути,
Чтобы враг не смог пройти.

ПОЧТАЛЬОН

Идет бесстрашный почтальон,
Под пулями идет,
Несет большую сумку он
И письма раздает.

А в письмах ласку и привет.
Бойцам приносит он.
Для них желанней гостя нет,
Чем этот почтальон.

КАШЕВАР

В тучах дыма, в клубах пара
Еле видно нашевара,
Но в любую неполаду
Ждет обед бойцов с похода.

Мы придем с победою,
Мы обед отведаем.
Нашевар не оплошал—
Очень пища хороша!

ПЕРЕВЯЗКА

У меня беда случилась—
Нужно мишку полечить.
Я у мамы научилась,
Как за раненым ходить.
Я—сестра умелая,
Перевязку сделаю.

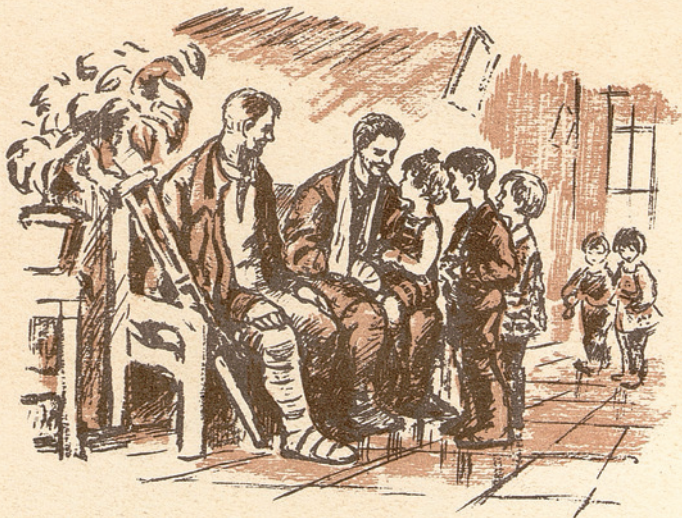
САНИТАРЫ

Кто уносит с поля боя
В битве раненных героев?
Кто под пулями врагов
Помогать бойцам готов?

Кто заботливо укроет?
Кто словами успокоит?
Облегчит и боль и жар?
Санитарка. Санитар.
Любят все бойцы недаром
Санитарку с санитаром.

ПОДАРОК

В тихом госпитале праздник—
Гости к раненым пришли,
Принесли с собой подарки
И веселье принесли.

Дарят раненым ребята
Нто—рисунок, кто—нисет,
А у маленького Пети
Ничего в подарок нет...

Но, лукаво улыбаясь,
Петя шапку достает
И пушистого котенка
На кровать к бойцу кладет.

И ему своим подарком
Петя очень угодил:
Был похож котенок этот
На того, что дома жил...

Цена 1 р 50 коп.

Рисунки в тексте худ. А. Туркина

Редактор А. КОПТЕЛОВ

Подписано к печати 16 апреля 1944 г. МНО8725. Тираж 20.000. Новосибирск
Государственный архив
Новосибирской области

Женщине

Ты будешь жить на много лет поздней, —
Ты будешь жить во много раз светлей...

Пусть вечный праздник для тебя в награду
Приносят дни веселья и тепла.
За каждый дом, разрушенный снарядам,
За все сады, сгоревшие дотла.

Ты будешь видеть солнце золотое
В ничем не омрачённой вышине
За то, что даже память о покое
Невозвратно умерла во мне...

За то, что я надолго забывала
О том, какой бывает тишина,
За то, что я ждала и не дождалась,
Пусть будет счастьем жизнь твоя полна!

И если друг, единственный и милый
Придёт к тебе, как жаждущий к ручью,
За то, что я сейчас не долюбила,
Ему всю нежность подари свою! ...

Над колыбелью сына наклоняясь,
Ты улыбнешься в тишине ночной...
Люби его, от горя охраняя,
За всех детей, невыношенных мной...

И всей душой весенним утром ранним,
Вбирай росу, и аромат и свет,
За все неутоленные желанья,
За всё, чему теперь свершенья нет! ...

И этот мир пленительный и милый,
Сумей ценить, как я б его ценила!

18–19 апреля 1942 г.

Весна 1942 года

Полгода нету писем с фронта.
А за окном опять весна...
И, как заря над горизонтом,
Моя печаль не знает сна.

Какою мерой время мерить?
Часы годами стать могли-б...
А сердце всё не хочет верить,
Тому, что ты уже погиб...

Я не могу тебя, такого,
И в мыслях даже потерять,
Я не хочу тебя, живого,
Суровой смерти отдавать!

Ещё нехоженые тропы
Нас дожидаются с тобой,
Ещё и листьев буйный ропот
Не отшумел над головой!

Ещё рассветом небывалым
Нам суждено идти вдвоём
И счастья столько нам осталось,
Что ввек его не изживем!

Не может быть, чтоб грозам этим
Нас не сплотить ещё тесней,
И чтоб одна на белом свете
Я горевала по весне! ...

Не может быть, чтоб темной гранью
Меж нами гибель пролегла,
И чтоб тебя на поле брани
Моя любовь не сберегла!

22–24 мая 1942 г.

Суд

Если ты в эти грозные годы
Не служил до конца народу,
И оружие посмел сложить,

Если сердце трусливо прятал, —
На дорогах твоих проклятых
Ни покою, ни счастью не жить!

Пред тобою закроются двери,
И позора тебе не измерить,
Если не был средь нас бойцом.

Встретив жителя Ленинграда,
Ты поднять не посмеешь взгляда,
Чтоб ему посмотреть в лицо!

Будут встречи ещё суровей,
И бесменно черная совесть
Будет душу твою сторожить.

И угла на земле найдётся,
Даже смерть от тебя отвернётся,
Чтобы муку твою продлить.

В знойный полдень деревья сада
Не подарят тебе прохлады
И напиться не даст река.

И герои былых сражений,
Победителей поколенья
Проклянут тебя на века!

И тогда на алом закате
Ты подумаешь о расплате.
Ты отыщешь осины сук.

Торопясь умереть скорее,
Ты накинешь петлю на шею
И свершишь вековечный суд!

11 июня 1942 г.

Статуя

Через много лет, когда покой и счастье
Вернутся вновь к живущим на земле,
По кручам гор взойдет великий мастер,
Чтоб высечь статую высоко на скале...
То – образ родины, что кровью истекала
В сраженьях за грядущий мир полей,
И образ матери, имевшей сыновей,
Которых в смерти слава увенчала,
И просто женщины, что муки испытала
И под знамена боевые встала,
Чтоб отомстить за смерть своих детей...
И вот она под облаком на взгорье
Уже стоит, взнесённая над морем,
И руки простирает на восток,
И след нечеловеческого горя
В чертах лица прекрасного залег.
Цветет земля, блаженно отдыхая
От грохота уже далеких бурь,
Заря, заря над нею полыхает,
Окрашивая золотом лазурь.
И каждый день по каменным отрогам
В молчании торжественном и строгом
Стекается к подножию народ

Склонить сердца на озаренных скалах
Пред мужеством и скорбью небывалой
Той, чья навеки слава не умрет! ...
Пока не разгорелся солнца пламень
Её глаза наполнены слезами –
Ночной, ещё не выпитой росой,
И все идут высокою тропой,
Чтоб увидеть, как может плакать камень! ...

31 июля– 5 августа 1942 г.

Родина

Родина! ... Поля да перелески...
Белая берёза у села...
По ночам зарниц немые всплески...
Это с детства память берегла.

Но такой ты можешь только сниться –
Над тобой не купол голубой,
Над тобой не тихие зарницы,
А сверканье бури огневой!

Белая берёза при дороге
Черная, спалённая стоит...
Ветер разоренья и тревоги
Серый пепел в поле шевелит...

Никнут нивы, погибают дети...
Крылья горя над моей страной...
Скоро нам за всё враги ответят
И заплатят дорогой ценой!

Будут ждать их жёны молодые
Понапрасну у своих дверей!
Будут, будут матери седые
Плакать горше наших матерей! ...

Этот год нам болью сердце выжег –
Нет у слёз у пересохших глаз...
Жгучее, как пламя, «ненавижу!»
С этих пор на знамени у нас.

В ненависть все чувства переплавим
Близок срок обиды наши счесть!
Мы на камне камня не оставим –
Ненавидим и готовим месть!

19 августа 1942 г.

* * *

Мне некому прочесть любимые стихи,
И некому сказать, что я устала...
Все вечера пустынно и тихи,
И до зимы недалеко осталось...

Я научилась днём не замечать
Осенней горечи пронзительной и тонкой,
Но собственное сердце по ночам
Я уговариваю, как ребёнка.

19–20 сентября 1942 г.

* * *

Все испытай – лишенья и страданья.
Запомни всё, чем эти дни полны.
Пойми, что значит – ожидать свиданья,
Отложенного до конца войны.

Пойми, что значит, если небо рухнет,
Расколото военной грозой,
Узнай, что значит, если печь потухнет
В пустом доме, где ты один живой.

Почувствуй тяжесть вымокшей шинели
И жар в глазах на третью ночь без сна,
Когда бойцы шепот махорки делят
И валит с ног, как пуля, тишина.

Пройди по развороченным дорогам,
Чужую боль, как собственную смерть,
И руки друга павшего потрогай,
Чтоб вновь и вновь возненавидеть смерть! ...

Забудь о смерти, если это нужно,
Забудь о ранах, если длится бой,
И, если нужно, брата по оружию
От вражьих пуль загороди собой.

Когда и смерть желанной показалась,
Когда вперед и шагу не ступить,
Преодолей внезапно усталость,
Чтоб с новой силой оставаться жить.

Пойми, что значит горечь отступленья,
Когда уходишь со своей земли,
И вместе с нами на полях сраженья
Ты, наконец, победу раздели.

Твоя судьба должна быть с нашей схожа.
И если ты всё испытал, тогда
Мы скажем – да, он вместе с нами прожил
Суровые и грозные года!

Мы вместе жили, погибали, бились! ...
И мы войдем в бессмертье навсегда,
Как после боя вместе мы входили
Во взятые обратно города!

30 сентября–6 октября 1942 г.

Москва

Ты навсегда запомнилась такой:
Март на исходе... Предвесенний вечер...
Туман по переулкам голубой
И тишина нежданная навстречу...

Лимонно-жёлтый медленный закат
И хрупкое подобие мороза...
И на лотках обрызганных лежат
Прозрачные, озябшие мимозы! ...

Их ветки с юга получала ты
На самолётах, по путям высоким,
Чтоб золотые нежные цветы
Твоей весны поторопили сроки.

Ты с этих пор не раз была иной...
Я и сама совсем теперь иная...
Но на путях, отмеченных войной,
Тебя такой я часто вспоминаю.

Не раз иной ты с этих пор была –
Рождались дни в дыму орудий гулких,
И тишина не прежняя жила
В готовых к бою, грозных переулках.

Ты знаешь всё... Борьба, страдания, кровь,
Как тяжкий груз легли тебе на плечи...
Но для меня, как первая любовь,
Ты все одна – в тот предвесенний вечер...

И сотни раз я жизнь бы отдала
За то, чтоб стихли над тобою грозы,
Чтоб снова продавали на углах
Прозрачные и нежные мимозы! ...

11–12 октября 1942 г.

* * *

«Вам чудится далекий светлый город...
Но время ли об этом говорить?
Сейчас – война. И, верно, нам не скоро
Иль никогда в нём не придется жить...»

Пусть доживет до этих дней не каждый,
Но в темный час я знаю лишь одно:
Мы будем жить, чтоб победить однажды,
И строит жить, хотя-б во имя жажды
Того, что увидеть не суждено!

12–13 октября 1942 г.

Мы никогда забыть не сможем

Об этом память уничтожить
И годы счастья не вольны! ...
Мы никогда забыть не сможем
О самых первых днях войны.

Нам сохранит навеки память,
Как враз перечеркнув покой,
Шли танки тяжкие ночами
По потрясенной мостовой.

Как наши маленькие дети
Играли под окном в войну,
Как налетал горячий ветер,
Взметая пыли пелену,

Когда, предвидя все утраты,
Был город грозно напряжён,
Отметив дверь военкомата
Толпою молчаливых жён...

И маршировки топот ровный,
И песни в тесных поездах –
Тех дней мельчайшую подробность
Мы не забудем никогда.

Как никогда забыть не в силах
Я той особой пустоты,
Что в нашем доме появилась,
Когда на фронт уехал ты.

16–17 октября 1942 г.

Эвакуированные

Осеннее хмурое утро...
Вагоны на рельсах рядком.
В них – дети и утлая утварь,
И горе на тряпках ничком...

Морозные долгие ночи...
Далекий, неведомый край...
Что может быть в жизни короче,
Чем тихое слово прощай! ...

Но вы и «прощай» не сказали,
Покинув родное гнездо,
Спеша на гудящем вокзале
К вагонам слепых поездов.

И дети надолго запомнят
Звонящее в окнах стекло,
И запах покинутых комнат,
Где счастье под пули легло...

Вагоны, да рельсы, да шпалы,
Да птицы на серых столбах...
Вот всё, что от жизни осталось,
Вот так обернулась судьба.

Не раз обстановку отметят
Сухие от муки глаза –
Где место такое на свете,
Что домом придется назвать?

Что в жизни больнее, чем рана
От краткого слова: война?..
Но утром молчит полустанок
И сон сторожит тишина...

Спят дети и жалкая рухлядь
И горе в тревожных сердцах,
И только седая старуха
Бессонно сидит на узлах...

25 октября 1942 г.

* * *

Жестокое время.

Суровые годы.

Нелегкое бремя...

И каждый из нас

Сраженьям горячую молодость отдал

И, может быть, всё, что имеет, отдаст...

Но мерой какую бы горе ни числить,

Какой бы утраты слезой не почтить,

Ничто в нас не сломит

ни мужества мысли,

Ни крепости сердца,

ни силы мечты!

2 ноября 1942 г.

Забвение

На мраморе листва осенняя видна...
Здесь мертвецам спокойствие досталось
И тишина, которой не хватало
При жизни...
Смерть все изменить вольна.

История легла в сухих страницах книг...
Забыто всё, что в них не поместилось...
И белый мрамор придавил могилы
И то, что время схоронило в них...

Трава лишилась соков, холодна...
Но меж могил забытых, по аллее
Пройдут влюбленные, волнуясь и бледнея,
От счастья...
Жизнь всё изменить вольна! ...

4 ноября 1942 г.

* * *

Прекрасный мир... Он был иль не был?..
И возвратиться ли опять?..
Мы разучились вспоминать
О песнях птиц и блеска неба.

О паутине золотой,
Легко плывущей в полдне синем,
О звонком ручейке в долине,
О тихих зорях над рекой...

В дыму сражений различи
Росы предутренней сверканье –
И сердцу боль воспоминанья
Прибавит мужества в ночи.

Захочется ещё сильнее
В душе, открытой бедам настужь,
Неоперившееся счастье
Закрыть от ветра этих дней...

И ты пойдешь в нелегкий бой
За песню птицы в небе ясном,
За мир далекий и прекрасный,
Закрытый горем и войной,

За то, чтоб тьме не изнемочь
С мечом прожектора у горла,
За то, чтоб звездный пот отерла
Последняя такая ночь!

6 ноября 1942 г.

* * *

Лучи луны свет беспощадный льют...
Ночных деревьев спутанные тени
Ложатся головою на ступени –
Поближе к человеческому жилью...

А там, на развороченном полу,
От синих окон светлые квадраты...
И чёрен мрак, сгустившийся в углу...
И самый воздух полнится утратой.

Повсюду искалеченные вещи...
Разбитые, слепые зеркала...
Здесь, верно, смерть хозяйкою была,
Здесь побыл враг жестокий и зловещий –

Обрывки нот... И меж листков видна
Растоптанная гипсовая маска...
А рядом с нею – брошенная каска
Того, кто э т о называл – война!

Его и камни даже обличат,
Ведя подсчёт неисчислимым бедам,
Когда пройдет врагов кровавым следом
Возмездия неотвратимый час!

29 ноября 1942 г.

* * *

Мы все любили так... Точь-в-точь, как
Птенец слетает из гнезда,
Как листья раскрывают почку,
Как с неба падает звезда.

Стремительно, неудержимо,
Со страстной нежностью в сердцах,
Своей судьбы неповторимой
Ещё не зная до конца.

И мы звездой сверкнувшей были,
Чья гибель, может быть, близка,
Но знали мощь окрепших крыльев
И трепет первого листка!

***

Мы шли, когда нельзя идти –
Сквозь ночь и гибель, без дорог,
Мы находили там пути,
Где их никто б найти не мог.

Но всё, чем сердце дорожит
В бою мы помнили всегда,
И это помогало жить
В те баснословные года.

И это помогало ждать,
И брать обратно города,
И научило побеждать
В те баснословные года.

[3 декабря 1942 г.]

«В те баснословные года...»

Ф. Тютчев

Здесь яблони не помнили о том,
Что все в цвету весной они стояли.
Здесь ласточки со сломанным крылом
О радости полёта забывали.

Здесь чёрный прах под солнцем пролетал
И мрак гасил полдненное сверканье –
А соловей о песне забывал,
Звезда – о блеске,
   сумрак – о молчаньи! ...

И только сердце помнило всегда
Всё, чем горело, трепетало, жило, –
Что в эти баснословные года,
Как никогда, взволнованно любило! ...

25 января 1943 г.

Раздумье

Давай, товарищ, вместе помечтаем...
Всё ближе час, когда утихнет бой...
И в мире встанет тишина такая,
Какую позабыли мы с тобой...

Но это будет краткое молчанье –
Нам дольше и невмочь перенести,
Нам только бы перевести дыханье
С тобою после трудного пути!

И песню снова петь захочет птица,
И в новый путь захочется тебе,
И мы с тобою станем торопиться
Навстречу изменившейся судьбе.

Нас будут ждать по городам сожжённым,
Чтоб мы пришли строителями к ним...
Нас будут ждать нетерпеливо жёны,
Забывшие о счастье в эти дни...

Мы города украсим и построим,
В садах опять совьёт гнездо покой...
Но сердце жён согреть и успокоить
Поверь, товарищ, будет нелегко.

Уж очень тяжки были их печали,
Суровы дни и горестны пути...
Мы слишком редко письма им писали...
Им это всё пришлось перенести...

Но мы придём. Откроем двери настежь.
И вместе с ветром фронтовых дорог
К солдатским жёнам, позабывшим счастье,
Оно опять шагнет через порог!

И радость, все тревоги отгоняя,
Сотрёт морщинки ранние со лба...
Давай, товарищ, вместе помечтаем
О том, как переменится судьба...

Январь 1943 г.

* * *

Всё пройдет... Даже наши печали...
Станет гордой легендой быль.
Над полями в закатные дали
Будет плыть золотистая пыль...

А с недавнею гибелью рядом
Снова жизни затеплится ток,
На земле, что в осколке снаряда
Хрупкой ножкою встанет цветок...

Только тех, кого тронул хоть краем
Этих битв сокрушительный вихрь,
По приметам особым узнают
И найдут среди тысяч других.

По внезапной серьёзности взгляда
(Словно туч набежавшая мгла),
По морщинке особого склада,
Что у губ навсегда залегла.

По тому, как особенно светел
Будет мир отражаться в сердцах,
Знавших горе такое на свете,
Что ему не гадалось конца...

И по той благодарности счастью,
Что всего горячее у них,
У прошедших под чёрным ненастьем,
Всё изведав и всё оценив.

23 марта 1943 г.

* * *

Ты пишешь другу: «Будь за нас спокоен.
Здесь всё обычной чередой идёт...»
Ты пишешь так, чтобы далекий воин
На сердце лишних не копил забот.

Ты пишешь так, чтоб в мыслях не носил он,
Чтоб не узнал по этому письму
То, как тебе нередко трудно было
О всех печалях не сказать ему.

Как одинок весенний светлый вечер,
Когда тоска, как пламя на ветру...
Как тяжело лег на узенькие плечи
И груз невзгоды и нелегкий труд.

Как иногда подкрадетя усталость,
И шевельнется в глубине души
К себе самой предательская жалость,
Тебя и сил и мужества лишив.

Как много раз ты воли не давала
Своим слезам и горю своему...
Напишешь так, чтоб ничего не знал он,
Не угадал по твоему письму...

Но если вам свиданья час назначен,
Быть может так, что у его плеча
За всю войну впервые ты заплачешь
И скажешь всё, о чем молчишь сейчас.

Но может быть и не придется даже
Тебе об этом говорить самой,
А просто сердце всё ему подскажет,
Как только он увидится с тобой.

И он заметит каждую морщинку
Родного похудевшего лица,
И он отметит каждую слезинку,
Всё в этот миг постигнув до конца...

И вот тогда, с его мужскою славой,
Какой героев чувствует война,
Ты равной в славе станешь здесь по праву,
Боец. Подруга. Женщина. Жена.

31 марта 1943 г.

* * *

Больше мне в мире тебя не найти...
Ты, не роняя из рук автомата,
Пал на тяжелом солдатском пути,
Умер в бою, как пристало солдату.

Ты эту землю любил и берег,
Только положенной жизни не дожил...
Шелест едва оперённых берёз
С горькою нежностью вспомнил быть может...

Может быть, вспомнил в единственный миг
Ту, что казалась и жизни дороже...
К пыльной траве головою приник.
Не долюбил. Не допел. И не дожил.

Сделаю всё, как хотели с тобой,
Всё, как тебе обещала когда-то:
Встречу одна над широкой рекой
Тёмное золото летних закатов...

Я между сосен одна поброжу
В свете вечернем спокойном и алом,
Белой берёзе поклон положу,
Той, что обоих когда-то встречала...

Всё долюблю, что ты в жизни любил,
Всё, что теперь ты не можешь найти в ней –
Свист журавлиных распахнутых крыл,
Запах дорог после теплого ливня...

Первый июньский живительный зной,
В солнечной сетке колеблемых листьев,
Просек таинственных дым голубой,
Где тишина стрекозою повисла...

Даже свою непомерную боль –
Так между нами условлено было;
Даже пришедшую снова любовь –
Значит, так надо, чтоб я полюбила...

В сердце моём за себя и тебя
Нужно вместить, уберечь и умножить,
Всё, что ты в жизни покинул любя,
Всё, что утратил и всё, что не дожил.

7 июля 1943 г.

* * *

Мы научились покидать
Родное тёплое жилище
И горсть земли с собою брать
На разорённом пепелище.

Мы научились хоронить
Друзей, не плача в миг разлуки,
И гнев сумели закалить
В огне неповторимой муки.

Мы научились не слабеть,
Когда томят и боль и усталь...
Но мы должны ещё суметь
Особым овладеть искусством:

Постигнуть, в горе не сгорев,
Вновь через всё, что пережито,
И песню птицы на заре
И прелесть почки нераскрытой.

Ноябрь 1943 г.

* * *

Я вижу этот час, добытый
В огне, в крови, в дыму атак...
Над полем отгремевшей битвы
Воспрянет мир...

И будет так:

Когда сомкнутся в звучном тосте
Бокалы полные вина.
На шумный пир почетной гостьей
Придёт и встанет тишина.

Неповторимая. Такая,
Какой прекрасней не сыскать,
Та, с какой не затихает,
Не прерывается тоска...

В ней будет всё, что сердцу любо:
Надежда, отдых и любовь,
И горе, что пошло на убыль,
И счастье, что приходит вновь.

Но если кто-нибудь заплачет
В той долгожданной тишине,
То значит – он не мог иначе,
В час мира, вспомнив о войне...

Ноябрь–декабрь 1943 г.

Молчи. Мужайся. Нет ещё конца
Твоих забот. Ещё сражение длится.
И горя, опалившего сердца,
Ещё не перевернута страница.

Ещё нетерпеливей с каждым днём
Нам писем ждать, как ждёт голодный хлеба
И согреться их живым теплом
Здесь, под военным беспокойным небом.

Ещё ветрам над пеплом пролетать,
Идти боям на полосах несжатых,
А нам с тобой ещё овладевать
Суровым, трудным ремеслом солдата.

Но хороша солдатская судьба
За краткий миг, что нам с тобою ведом, —
Когда внезапно на сухих губах
Ты ощутишь в сражении вкус победы.

И если в отвоеванном селе
Тебе старуха корку даст отведать
То ты узнаешь лучший на земле,
Уже знакомый, сладкий вкус победы.

Когда слышны салюты по ночам,
И мчится весть по огненному следу,
Оно летит у твоего плеча
Горячее дыхание победы.

Не скоро нам случится отдохнуть,
Но через кровь, страдания и беды
Вперед, на запад пролагаем путь,
Единственный и ясный путь победы!

1 декабря 1943 г.

* * *

Россия...

Родина...

рассвет...

Простор да тоненькие ели...

Но кровью наливался век,

Качая войны в колыбели.

Мы знали – этот срок придёт,

Бедой и горем угрожая...

Но мы навстречу шли вперёд,

Не по летам в пути мужая.

И час настал.

И был любой

Из нас, как лучший сын, Россия,

А всё, что было не тобой,

Как дым пожарищ относило.

И всё, что не было – Любовь,

Всё нашей ненавистью было,

И насмерть мы стояли вновь

Сердец несокрушимой силой.

Всей силой пережитых мук,
Всей горечью воспоминаний,
Тоскою разлучённых рук
И страстью прерванных свиданий.

За то, чтобы над мраком лет,
Где пули на просторах пели,
Поднялся медленный рассвет,
Качая счастье в колыбели.

1943 г.

* * *

Ты лети, моя дума,
По дальним дорогам и трудным,
Там, где гибель прошла,
Где сейчас на посту тишина.
Там, где мёртвые спят
На сожжённой траве беспробудно,
Спят на рваной земле,
По которой шагала война.

Обгорелые сучья
Берёзы над ними простёрли...
Слушай жалобу веток,
Которым листвою не шуметь,
Соловьиную трель,
Что простреляна в маленьком горле,
Крик, что смерть оборвала...
Должна ты и это суметь.

И когда, отягчённая,
Ты потемнеешь, заплачет
Самый воздух вокруг
И на камни росой упадёт, –
Ты приникни к земле,
Ты прислушайся к жизни,
иначе
Ты уже никогда не узнаешь,
Что значит – полёт.

Ты почувствуешь соки
В земле опалённой и ржавой
Проплывают толчками,
Как в теле горячая кровь,
И растут в глубине,
И спешат не рождённые травы
Дотянуться до солнца
Сквозь тяжкий и тёмный покров.

Рядом с горем, что было,
Постигни ты счастье, что будет,
Что торопит биенье
Могучего пульса атак,
То, что в битву ведёт
И греметь заставляет орудья,
То, чем грезили люди
Так страстно и трепетно так! ...

И тогда ты опять
Отягчённые крылья поднимешь,
Ты почувствуешь силу
И снова захочешь взлететь...
Ты, сражённая, падала.
Замертво. Рядом с другими.
Нужно снова подняться –
Должна ты и это суметь! ...

1943 г.

* * *

Как это трудно – взгляд последний кинуть
На комнату. Поправить половики.
На место кресло старое подвинуть
И к тишине прислушаться на миг.

Взглянуть в окно с далёкою звездою
И зеркало в немой голубизне,
В которое смотрелась молодою,
Стеклом тихонько повернуть к стене.

И выйти, унося одну кручину,
И не разжав сведённых мукой губ,
Поджечь всё это тоненькой лучиной,
Чтоб ничего не оставлять врагу...

Как нелегко молчать заставить память.
А возвратясь,
на пепле и золе
Вновь заложить тот самый первый камень,
Что всех прочнее ляжет на земле.

Как нелегко, все сосчитав могилы,
Не умереть от горя самому.
Как нелегко! ...

Но все это под силу
Прекрасному народу моему.

[1943 г.]

* * *

Когда последний выстрел грянет
Над затуманенной землёй
И мрак, перехватив дыханье,
Зажжётся робкою зарей,
Когда на невозможной грани
Внезапно встанет тишина
И время зваться перестанет
Жестоким именем – Война,
Когда гнездиться птиц заманят
Израненные ветки рощ
И ясная зарница канет
В налившую колосья рожь,
Когда наступит час желанных
И дни и ночи жданных встреч
И станет радостной и странной
Бессвязная от счастья речь,
А в городах поутру рано
Рванутся флаги в небеса,
И музыки над миром грянут
Взволнованные голоса, –
Тогда минутою молчанья
Почтите ранний их конец,
Тех, кто погиб на поле брани
За чаянья людских сердец.

А с ними – тех, кто горем ранен
Страшнее смерти во сто крат,
И кто на пепле всех желаний
Опять возделывает сад!

[1943 г.]

Но женщина тоску привычно гонит
И смотрит на заветное кольцо...
Нет, злая гибель витязя не тронет
И он, как прежде, ступит на крыльцо!

Пускай на небе саблю кривою
Всю ночь над миром месяц занесён! ...
Ей верится – вернется с битвы воин,
Его минуют стрелы и полон...

И снова пряжа под рукой струится,
И пляшет до утра веретено,
И, как большая розовая птица,
Заря с востока просится в окно.

Нам крепость сердца тем же древним чувством
Через века случилось проверять,
И мы постигли трудное искусство –
Ждать воинов и веры не терять.

[1943 г.]

* * *

Тихон Шишкин – парень бравый,
Нету краше молодца! –
Со своей стоит забавой
У тесового крыльца.

Говорит ему девица:
– Я желаю, дорогой,
Вам скорее возвратиться
В наш сибирский край лесной...

Отвечает Тихон Шишкин:
– В порошок врага сотру! ...
Не грустите только слишком
И не плачьте на ветру...

И ещё такого факта
Я прошу не упустить
Поскорей освоите трактор,
Тракториста заменить...

И смущенно Шишкин Тихон
Гладит девичью ладонь...
А потом разводит лихо
Голосистую гармонь:

– Вы, говорит, моя, говорит,
краса, говорит, девица,
Я, говорит, уже, говорит,
влюблён, как говорится!
Но, говорит, боюсь, говорит,
признаться даже,
Пусть, говорит, гармонь, говорит,
сама, говорит, расскажет...

И звенит гармонь ладами
Вплоть до утренней зари...
И о чём, гадайте сами,
Парень с девкой говорит! ...

А на утро – расставанье...
Затуманит взор слеза...
Тихон Шишкин на прощанье
Смотрит девушке в глаза...

И потом уже в вагоне,
Средь бойцов, сидящих вокруг,
Говорит, что без гармонии
Тихон Шишкин, как без рук.

О разлуке, о невзгоде –
Всё сумеет рассказать.
А теперь, вот, час проходит
И походную сыграть...

Только с места поезд тронет,
Песня льется на ветру! ...
Ну, а не было б гармони –
Тихон Шишкин, как без рук!

Пишет с фронта Тихон Шишкин:
«Не плохи мои дела,
Только письма долго слишком
Не приходят из села...

От меня досталось фрицам,
Я таиться не могу –
Я их бью, как говорится,
Словно зайцев набегу!

И такой своей работе
Я веду особый счёт...
Ждёте вы или не ждёте?..»
Ну, и прочее ещё...

А ему девица пишет:
«Мол, скучаю, дорогой,
Возвращайтесь, милый Тиша,
Непрерменно как герой.

А насчет моей работы –
Трудодням ведется счёт!
Не имейте, мол, заботы» ...
Ну, и... прочее ещё...

И с собой письмо такое
Тихон Шишкин в бой берёт...
Словно став сильнее вдвое,
Ровно вдвое немцев бьёт!

А гармонь под вечер тронет –
Зазывает песня в круг! ...
Ну, а не было б гармонии –
Тихон Шишкин, как без рук!

[1943 г.]

Сыну

Мой сын, мой мальчик! ...

Я тебя

Любить учила в небе звёзды,
Не обижать других ребят,
Не разорять сорочьи гнёзда.

Чтоб ты хорошим подрастал,
Чтоб злым не подражал проказам...
А ты предо мной стоял
Нетерпеливый и чумазый!

Ты, верно, думал о своём,
Смотрел весёлыми глазами
И снова бегал под окном
Родной, растрепанный, «не мамин» ...

Но ты меня вознаграждал
Неотразимой детской лаской,
Как только вечер наступал,
А я рассказывала сказку.

Сквозь дрему слушал, чуть дыша,
Ты о сороке – о вороне,
И мне была твоя душа
Птенцом, пригревшимся в ладонях...

И, сонного, я на руках
В кроватку относила сына...
Как ноша матери легка!
Как срок разлуки отодвинут! ...

И, пяля пуговичный глаз,
Медведь ложился на подушки...
А вот в твоих руках сейчас
Совсем не детские игрушки...

Мой сын, мой мальчик – на войне.
Мы так давно с тобой не вместе...
И чаще пишешь ты не мне,
А тоненькой своей невесте...

Ну, что ж, ты, значит, возмужал...
А я заметить не успела,
Как выросла твоя душа,
Как по-мужски окрепло тело.

Я только в день, когда прошла
С тобой от дома до вокзала,
Так на тебя взглянуть смогла,
Что многое понятным стало...

И за минуту до свистка
Я видела тебя – мужчину...
Как ноша матери тяжка!
И как разлуки срок придвинут! ...

Сейчас над головой твоей
Земли окопной горечь злая,
И тяжкий грохот батарей
Ни днём, ни ночью не смолкает.

А на твоей лежит судьбе
Войны неумолимой мета...
Но ты сильнее врага в борьбе –
Ты победишь. Я верю в это!

[1943 г.]

Одиночество

Когда мужей от сердца отрывали,
Едва умея слезы удержать,
Я не была среди женщин на вокзале,
И некого мне было провожать.

Но то, чтобы не стать в те дни вдовою,
Не расставаться с самым дорогим,
Купила я жестокою ценою –
Безмерным одиночеством своим.

Мне больше всех знакома эта мука –
Прощанье... Горечь одиноких дней...
Вся жизнь моя была такой разлукой
С ним, никогда не встретившимся мне.

Он не дарил цветов мне, как невесте,
Совета не просил, как у жены,
Но с новой силой я с другими вместе
Осиротела в эти дни войны.

А вы тогда отметили ревниво
Глаза без слёз и увядший рот.
Вы говорили: ей легко, счастливой...
А я боялась посмотреть вперёд.

Там, впереди для вас конец разлукам,
Вам можно жить надеждою теперь,
Вам не понять, какой отмечу мукой
Я самую большую из потерь! ...

И в час, когда вы вновь дождетесь встречи,
Шаги мужей слыша у ворот,
Сочтёмся горем, павшим мне на плечи –
Ко мне никто в тот вечер не придёт! ...

Январь 1944 г.

* * *

Над головою – вешний крик гусей,
Летящих вновь к покинутым гнездовьям,
И сердце откликается слышней
Очнувшейся на этот зов любовью...

И всё, что затихало, улеглось,
Во мне опять тоскует без отчёта,
Как только может тосковать крыло
О высоте весеннего полёта.

21 марта 1944 г.

*«Моя святая тайна,
Мой вересковый мёд...»
Р. Стивенсон*

* * *

На обтаявшем тротуаре
По-весеннему гулок шаг...
Слышу я, как обрывки арий
Пролетают по этажам.

Запах варева и пелёнок
Меж собой роднит этажи.
Где-то горько плачет ребенок,
Испугавшись, что нужно жить...

На полночных пролетах лестниц,
Чьи провалы черны невмочь,
Кто-то с губ заводских прелестниц
Поцелуи срывать не прочь.

На случайном чужом пианино
Кто-то вальсы колотит сплеча...
Мне-б из сердца ту музыку вынуть,
Как смертельную сталь меча! ...

В эту ночь коммунального дома,
Населённых и сонных квартир,
Я закинута, словно в омут,
В затенённый глубинный мир.

Мне-б не вынести этих пыток,
Но в душе у меня живёт
Сладкий вересковый напиток –
Драгоценный и тайный мед!

Ночь на 26 марта 1944 г.

* * *

Я не могу писать стихов...
В душе, где только серый пепел,
Не отыскать горячих слов –
Следов былых великолепий.

В ней ничего не отыскать...
Лишь, пьяная своим позором,
Моя голодная тоска
Лежит, как нищий под забором.

Март 1944 г.

Портрет дочери

Одна далёко. Улучив минуту,
Поспешно пишет сразу всей родне.
Она – на первом курсе института,
А здесь – другая, в рамке на стене.

На узенькой студенческой кровати
Той даже в снах все время недосуг,
У той галоши порвались некстати,
А тут ещё зачёты на носу! ...

Она смеётся и задорно спорит,
По коридору, как стрела, летит,
И в сумраке больших аудиторий
Притихшая на лекции сидит.

Днём к театральной кассе за билетом
Она в трамвае мчится впопыхах,
В почти слетевшем лепестке берета
На светлых непокорных волосах.

А к ночи, дырочки зашив на свитре,
И почему-то вспомнив слово «дом»,
Она слезу углом подушки вытрет,
Затосковав о маме перед сном...

Для той привычно от меня таиться...
Не скажешь ей – поговорим ладком...
А скажешь – разом вскинутся ресницы
С девичьим осторожным холодком.

У той и в письмах не бывает жалоб –
Зачем тревожить, коль прошла беда,
Я той сама, пожалуй, не сказала-б
Как мне в разлуке трудно иногда.

С какой горячей напряженной страстью
Мечтаю я о счастье для неё...
А эта – смотрит со стены с участием
На мамино притихшее жильё.

И кажется – ещё совсем немного
И всё бы, всё она смогла понять,
Не то что та, девчонка недотрога,
Что в мыслях постоянно у меня...

Но, может, лучше, что не будет жалоб
И откровенности, пришедшей вдруг...
Пусть только знает – в трудный миг, пожалуй,
Ей преданней не отыскался-б друг.

Пусть даже письма пишет торопливо –
Ей некогда, ведь у неё дела –
Ей нужно непременно стать счастливой
За то, что я счастливой не была...

Но этого не стоит знать о маме...
Она и не узнает никогда.
А с той, что здесь, в простой спокойной раме,
Мы погрустим, быть может, иногда.

19 апреля 1944 г., 1967 г.

Весенняя ночь

Сегодня внешними капелями
Звучала за окошком ночь.
Они всю ночь сегодня пели мне,
Что поздно, поздно мне помочь.

Что уж навеки позабыла я,
Как губы ищут нежных губ,
Как-будто вовсе не любила я,
У счастья не была в долгу...

Что позабыла запах пажитей,
Подснежники у кромки льда,
Что слишком много горя нажито
И с ним не справлюсь никогда.

Нет, ничего не позабыла я,
Но я подняться не могу! ...
Лежит мечта моя бескрылая
На чёрном тающем снегу...

А ночь и самой малой малости
Надежд не оставляя мне,
И, словно черный страж без жалости,
Стоит без сна и звёзд в окне...

Весна 1944 г.

В старом городе

Как сад запущен – он ещё тенистей! ...
Как покосился старенький забор...
В углу под кучей прошлогодних листьев
Ещё ледок не стаял до сих пор...

Но день, как в детстве, солнцем весь пронизан,
Ещё не зноен, но уже горяч...
Я знаю, что за этим вот карнизом
Лежит закинутый когда-то мяч...

Как детство близко. Как прозрачна память...
Мне показалось – я сейчас найду
И куклу с безмятежными глазами
Однажды позабытую в саду,

И водосток, где пел весёлый ливень...
А где же книжка с радостным концом?
Там юный принц, чтоб стать ещё счастливей,
Пошёл искать волшебное кольцо...

Где-ж девочка с каштановой косичкой?
Мне никогда уже не стать тобой...
...С печальным криком маленькая птичка
Встревоженно порхнула надо мной...

Травой одета прежняя дорога...
И далеко прошли мои пути...
Но я вернулась к этому порогу
Чтоб детства след в густой траве найти.

Я закрываю ветхую калитку,
Где тихий дом, где сырость под окном,
Где в золотистом сумраке улиткой
Свернулось Время под большим листом.

14 июня 1944 г.

* * *

Я верно-б легче умерла,
Когда бы день был сер и тих,
Когда бы жизнь оборвалась,
Как не закончившийся стих.

Когда бы гроб не гробом был,
А узким легким челноком,
Он колыхался бы и плыл
Толпой, как волнами, влеком...

И пусть сердца моих друзей
Сквозь горе различить могли
И свежий лепет тополей,
И нежный аромат земли.

Когда ж они пойдут назад,
Я шла бы с ними тишиной,
И разгорался бы закат,
Когда-то так любимый мной...

Но знаю, будет всё не так –
Мне до конца дано испить,
Как будет спорить смертный мрак
С мучительным желаньем жить.

Как будет жаден круг людей,
Когда мой гроб снесут с крыльца,
Но только горсточка друзей
Пойдет со мною до конца.

Как будет тесен жесткий гроб,
Как будет скучен звук шагов,
Как будет бледен мертвый лоб
Меж пестрых купленных цветов.

Как скажут надо мной слова,
Желая одного – конца,
Как по соседству зарывать
Придут другого мертвеца.

Как ляжет тень живых листов
На холмик, тихо шевелясь,
Как будет сыпаться с боков
Сухая, мертвая земля...

И станет уж не я, а смерть
Всё мниться в облике моём,
И вы уйдёте, не посмев
Спокойно думать о своём...

Но это – только путь назад,
А там – привычный круг забот,
И обо мне, живой, слеза
Из глаз ничьих не упадет.

Но так и должно – не тужить,
Печаль о мёртвом не нести,
Затем, что это значит – Жизнь,
А жизни суждено идти.

Июнь 1944 г.

Идёт солдат в окопы...

Вершины голых сопок
Сомкнулись в тесный строй.
Идёт солдат в окопы
Дорогой фронтовой.

Устал. Присел на камень
У ската серых скал,
И встала пред глазами
Солдатская тоска.

Страшнее самой смерти
Она к нему пришла
И, верьте иль не верьте,
Солдата доняла.

Противная такая, –
Мол, ты да я с тобой,
Мол, что людей таскает
Дорогой фронтовой?

Мол, как-то нынче дома?
Дождётся ли жена?
Мол, здесь – страшней, чем в омут,
Здесь, говорит, война...

На Рыбачьем

Кто в эти годы воевал
На полуострове Рыбачьем,
Тот не забудет серых скал
И дней, которым счёт утрачен.

Запомнит медленный прибой,
В камнях шипенье пены белой
И силу дружбы фронтовой,
Которая и в стужу грела.

И то, как холодно горит
Закат с вершиной сопки вровень,
И склоны Муста-Тунтури,
Обильно политые кровью...

Когда закончится война,
Придут с Рыбачьего солдаты,
И жизнь откроется, полна
Всем, что манило их когда-то.

Но иногда среди друзей
Они задумаются...

Значит,
Они опять душой своей
На полуострове Рыбачьем.

Там, где под ветром и огнём
Стояли насмерть в час ненастья,
Где все мечтали об одном
И постигали цену счастья.

*Бухта Ваенга,
Август 1944 г.*

Морские охотники

Здесь старшему едва-ли двадцать шесть,
Но орденом моряк отмечен каждый:
В бою с врагом они гвардейцев честь
На море отстояли не однажды.

Но если спросишь одного из них,
Какой он подвиг совершил геройский? –
Он улыбнется и, смутясь на миг,
Потом ответит просто и по-свойски:

– Не знаю, право... Бой на море был...
Как долг велит в бою мы поступаем...
Я самолёт врага над морем сбил...
А что ещё рассказывать – не знаю! ...

А то, что он часами поджидал
Врага, притихнувшего под водою,
И на Большую землю не ступал
Годами, разлучённый с ней войною,

И то, как в шторм на вахте он стоял,
Когда на нём одежда обмерзала,
И как нередко в море тосковал
О девушке, что ждать не перестала,

И как в бою держался иногда,
Когда, казалось, нету сил держаться,
Он этого не скажет никогда –
Об этом можно только догадаться...

Но если в лица морякам взглянуть,
То в них увидишь мужество такое,
Что можно быть спокойным за страну,
Вручившую себя таким героям! ...

*Губа Долгая,
август 1944 г.*

Морская застольная

Полярный ветер песне вторит.
Друзья опять в поход ушли.
Сурово Баренцево море,
А в море – наши корабли.

Припев: Моряк не раз со смертью спорил,
Но к морю он привык давно...
Поднимем тост за тех, кто в море,
И до конца допьём вино! ...

Не часто здесь бывает тихо –
Быть может день один пройдет, –
Дадут и нам «добро» на выход,
Чтоб на врага идти в поход.

Припев.

Быть может вахту боевую
Придётся завтра нам держать.
Друзья под песню под такую
Нас будут так же вспоминать...

Припев.

А если Баренцево море
Возьмёт кого-нибудь из нас, —
Друзья разделят наше горе
И отомстят врагу не раз.

Припев.

Но если будет бой отмечен
Победой новой над врагом,
Друзья для нас устроят встречу,
И мы бокал полней нальём.

Припев: Моряк не раз со смертью спорил,
Но к морю он привык давно.
Поднимем тост за тех, кто в море,
И до конца допьём вино.

*г. Полярное,
Август 1944 г.*

* * *

В окне землянки с самого утра
Текут по стёклам дождевые слёзы.
И клонится в угодку всем ветрам
Среди камней полярная берёза...

На жаркой печке котелок воды
Поёт, не умолкая ни минуты...
Сырые стены... И на всём следы
Мужского неумелого уюта...

Здесь можно снять намокшую шинель,
Ладони протянуть к горячей печи,
И написать невесте ли, жене ль
О невозможной и желанной встрече.

И вновь, о кратком позабыв тепле,
У чёрных вздрагивающих орудий
В победу верить на родной земле,
Вот этот камень защищая грудью! ...

Порой случится сердцу заскучать...
Но даже чайки здесь не часто плачут! ...
Здесь можно жить. Здесь нужно воевать.
Так мы и побеждали на Рыбачьем.

П-ов Рыбачий, август 1944 г.

Во фронтовом клубе

В холодных северных широтах,
У моря, на краю земли
В свой клуб бойцы морской пехоты
Однажды вечером пришли.

И вот на полотне экрана,
Сверкнув далёкою красой,
Сирень качнулась крупным планом,
Отяжелённая росой.

И вздох, как из единой груди,
Наполнил полутёмный зал.
Четвёртый год сражались люди
Среди пустынных мёртвых скал! ...

И кто-то молодой, волнуясь
Воскликнул: – Здесь сирени нет! ...
– Что ж мы и за неё воюем! –
Ему откликнулись в ответ.

– Гляди, товарищ, – злее будешь! ...
И замер вновь притихший зал...
Четвёртый год сражались люди
Среди пустынных мёртвых скал.

А этот год и стал тем самым,
Что наградил за столько лет,
Когда бойцы вошли в Петсамо
Во славу жизни на земле!

*П-ов Рыбачий,
[август] 1944 г.*

П-ов Рыбачий

Землянки были целый день пусты.
Шёл бой. А здесь дрожали неустанно
Лиловые без запаха цветы
В тяжелых металлических стаканах.

И сто печалей в сердце затаив –
Далеких шефов тыловых подарок, –
Откинув бант на тонкий черный гриф,
Лежала, молча, смуглая гитара.

Но если ухо приложить, она –
Ты тотчас бы услышал – не молчала:
На каждый выстрел каждая струна
По-своему в гитаре отвечала.

Не первый год у моря длился бой.
И вот в землянки, где светло и чисто,
Уже под вечер, как к себе домой,
Пришли усталые артиллеристы.

Сначала зазвенели котелки,
В лицо дохнули ароматным паром,
А вскоре на движение руки
Отозвалась послушная гитара.

Ещё ни в ком не родились слова,
Но струны пели, струны громко пели!
Как будто из правого рукава
Сто лебедей под облако взлетели...

И душу поднимали на крылах,
Томя её какой-то светлой болью...
Не то мечта о счастье ожила,
И в мире всё дороже стало, что-ли...

Но говор стих, как будто сам собой,
И всё плотнее сдвинулись на нарах...
...Должно быть, слышав отдалённый бой
Всё поняла по-новому гитара,

И в этот поздний час, наедине
Беседуя с усталыми бойцами,
Она играла на такой струне,
Которую не выразишь словами...

[Август 1944 г.]

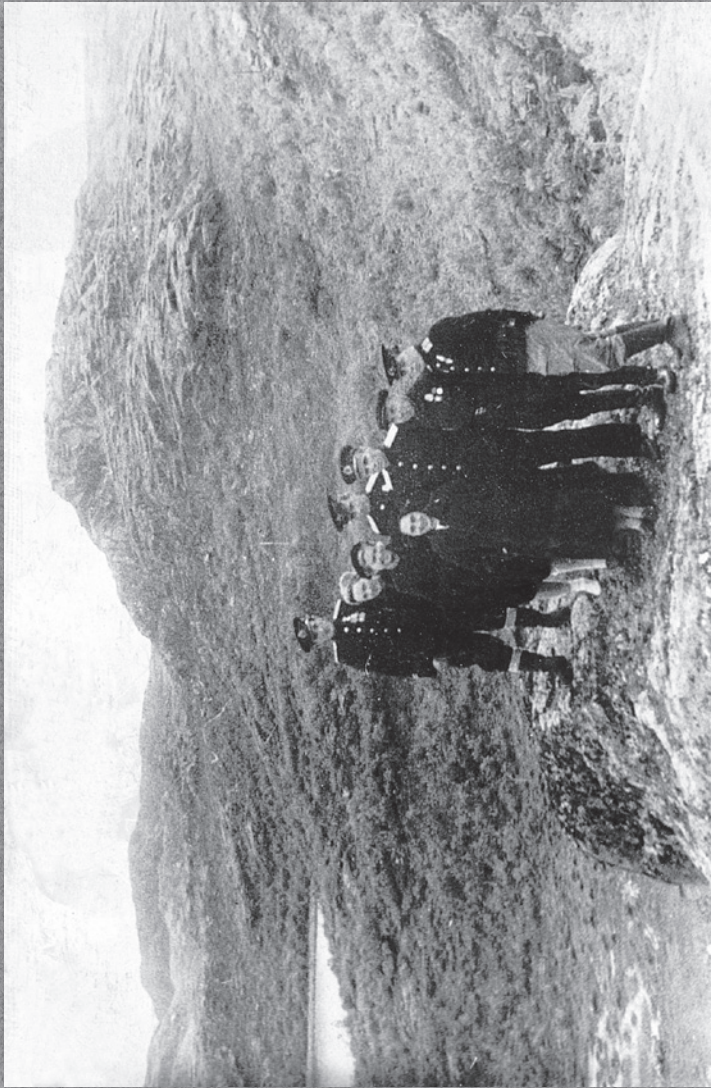

Е.К. Стюарт (крайняя справа) у стелы в честь пребывания на базе Северного флота в г. Полярном И.В. Сталина. Август 1944 г.
ГАНО. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 1.

Е.К. Стюарт (первый ряд, вторая справа) в составе новосибирской делегации с моряками Северного флота в г. Полярном, Август 1944 г.
ГАНО. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 4.

Е.К. Стюарт (в центре) с моряками-североморцами в окрестностях базы Северного флота.
г. Полярный, Август 1944 г.
ГАНО. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 6.

Е.К. Стюарт наблюдает за концертом для моряков, который устроила новосибирская делегация.
г. Полярный, Август 1944 г. ГАНУ. Ф. Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 9.

Импровизированная концертная площадка для моряков-североморцев.
г. Полярный. Август 1944 г. ГАНУ. Ф. Р-2072. Оп. 1. Д. 450. фото 11.

Делегация новосибирцев (Е.К. Стюарт – в центре) во время прогулки на весельной шлюпке в бухте базы Северного флота. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 15.

Новосибирцы (Е.К. Стюарт – крайняя справа) непринужденно общаются с моряками-североморцами.
г. Полярный Август 1944 г.
ГАНУ. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 17.

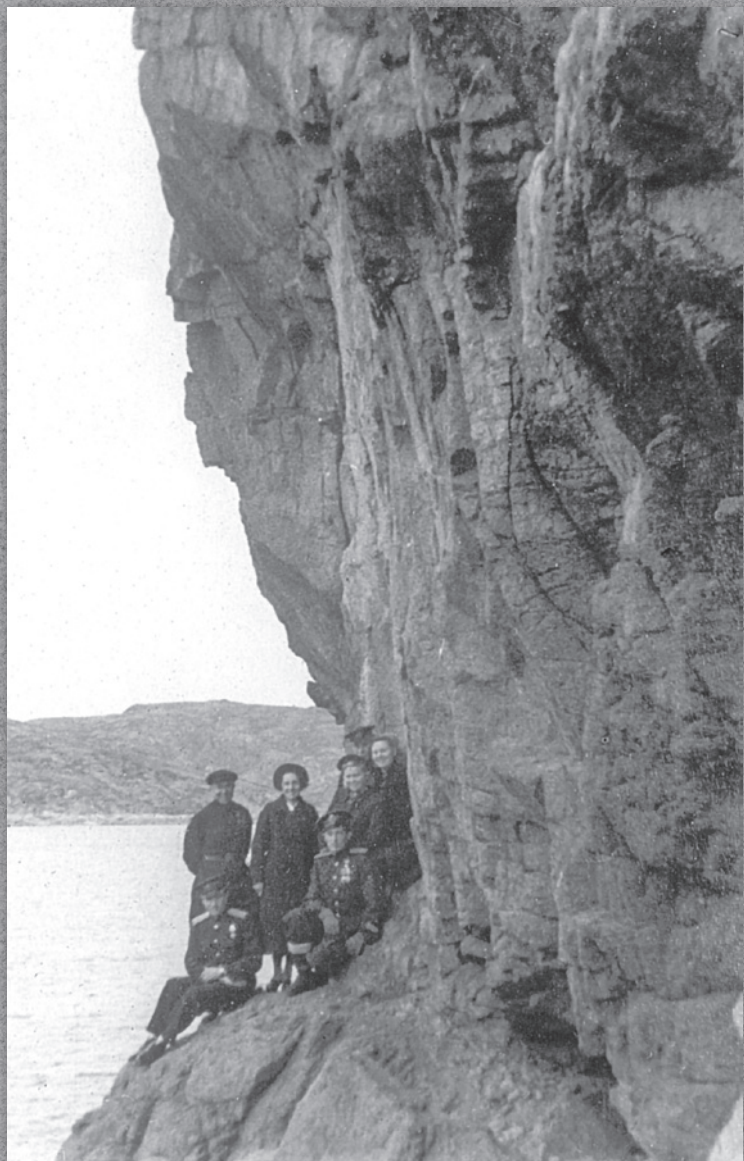

Моряки Северного флота рады гостям из Сибири. г. Полярный Август 1944 г.
ГАНУ. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 19.

Делегация трудящихся Новосибирской области на Северный флот. Е.К. Стюарт – во втором ряду в центре, справа от нее Татьяна Шеховцова (завод № 564), слева – Антонина Воронова (пединститут г. Томска). В первом ряду слева – зав. клубом завода имени В.П. Чкалова Ювонен, г. Полярный, Август 1944 г. ГАНУ, Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 70.

Е.К. Стюарт с моряками-североморцами. г. Полярный. Губа Долгая. Август 1944 г.
ГАНО. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 25.

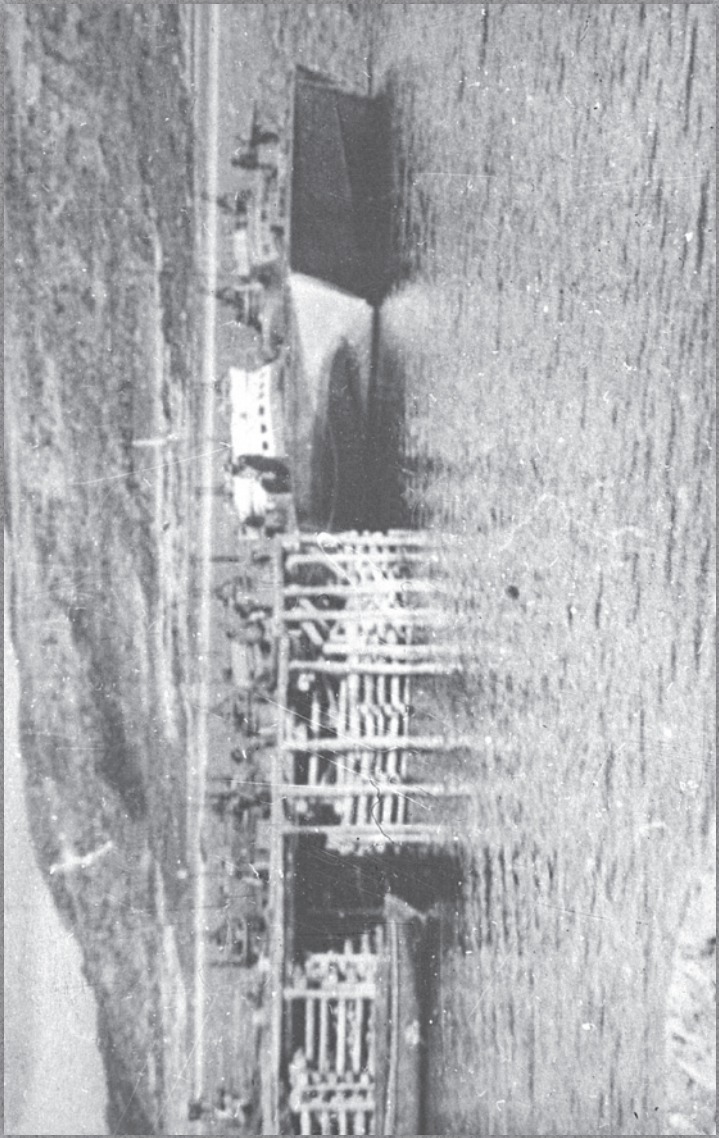

Члены новосибирской делегации (Е.К. Стюарт во втором ряду вторая справа) с моряками-североморцами. г. Полярный. Губа Долгая. Август 1944 г.
ГАНО. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 22.

Члены новосибирской делегации (Е.К. Стюарт в первом ряду вторая слева) с моряками-североморцами. г. Полярный. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 24.

Временный причал для стоянки катеров в районе Пуманок (залив между п/о Рыбачий и Средний). г. Полярный. Северный флот.
Август 1944 г.
ГАНО, Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 26.

Боевая тревога прервала встречу моряков с делегацией новосибирцев. Первый слева с баяном – зав. клубом завода им. В.П. Чкалова Ювонен.
Моряки срочно отбыли на свои боевые корабли. г. Полярный. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 27.

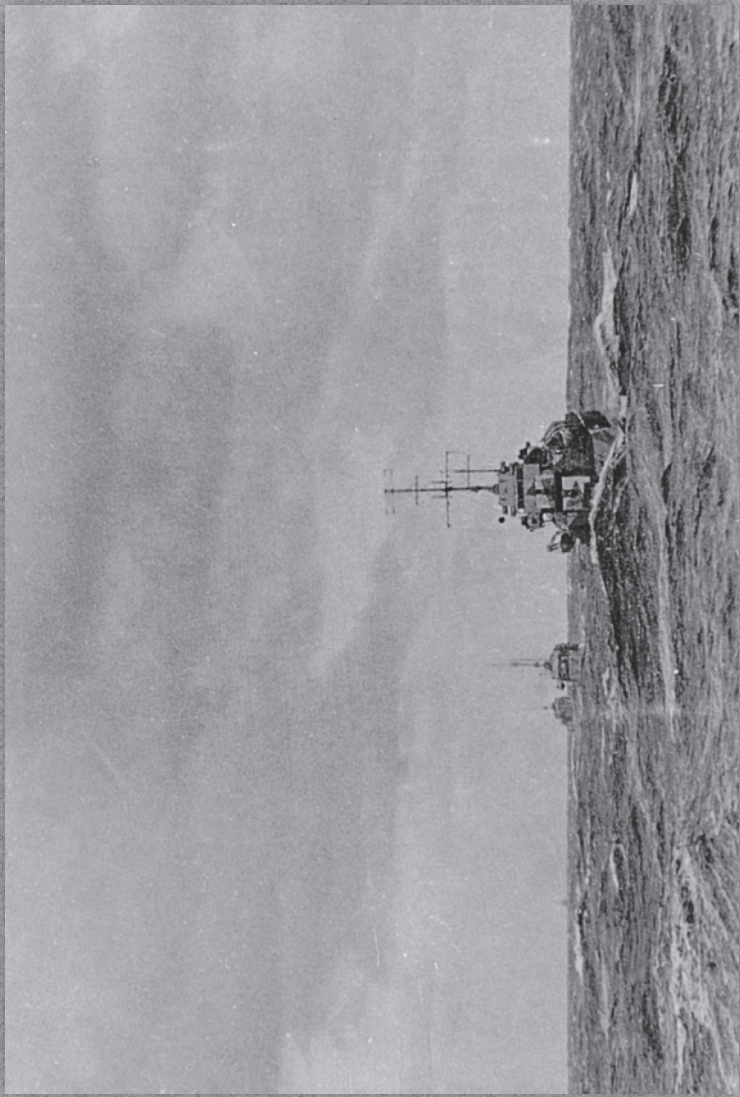

Митинг, посвященный встрече экипажей катеров с делегацией из Сибири. Выступает заместитель командира дивизиона торпедных катеров по политчасти Я.А. Вышкин. Е.К. Стюарт – в первом ряду слева. г. Полярный, Август 1944 г.
ГАНО: Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 28.

Моряки Северного флота встречают морской караван с грузом вооружения и боеприпасов. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф. Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 66.

Корабли Северного флота в походе в кильватерном строю. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф. Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 33.

Командующий Северным флотом адмирал Арсений Григорьевич Головкин. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 39.

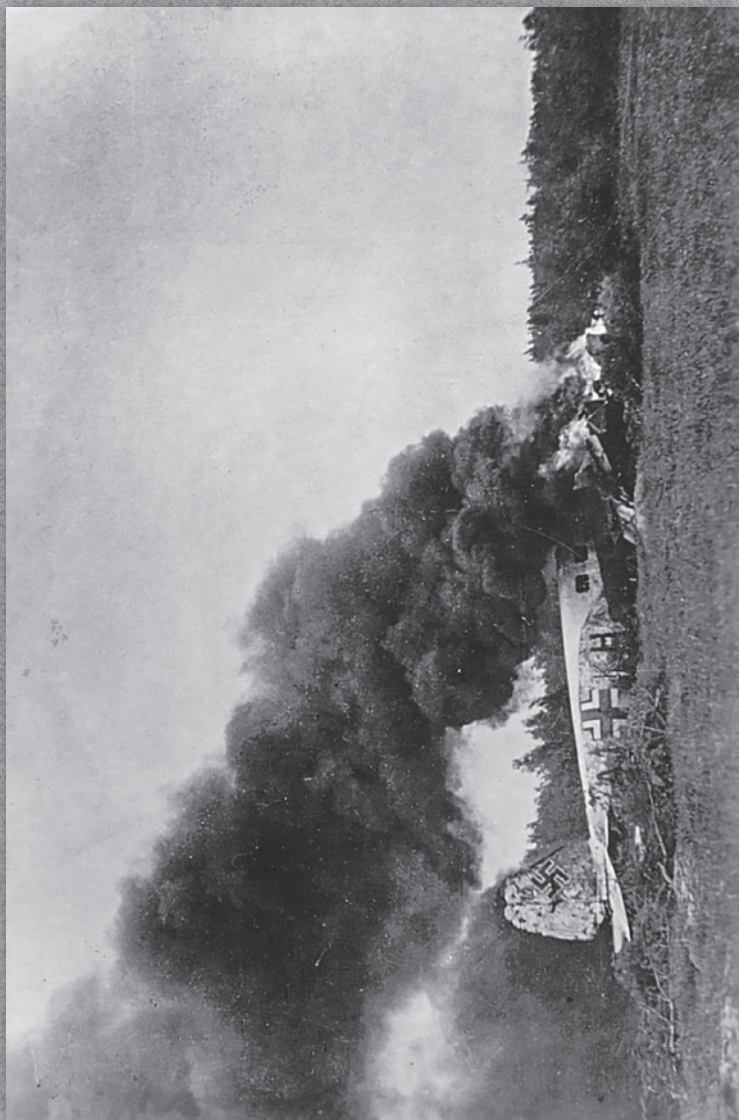

Воины-североморцы на передовой в землянке. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 35.

Корабельная пушка, перенесенная на берег, ведёт огонь по врагу. Северный флот. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф.р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 40.

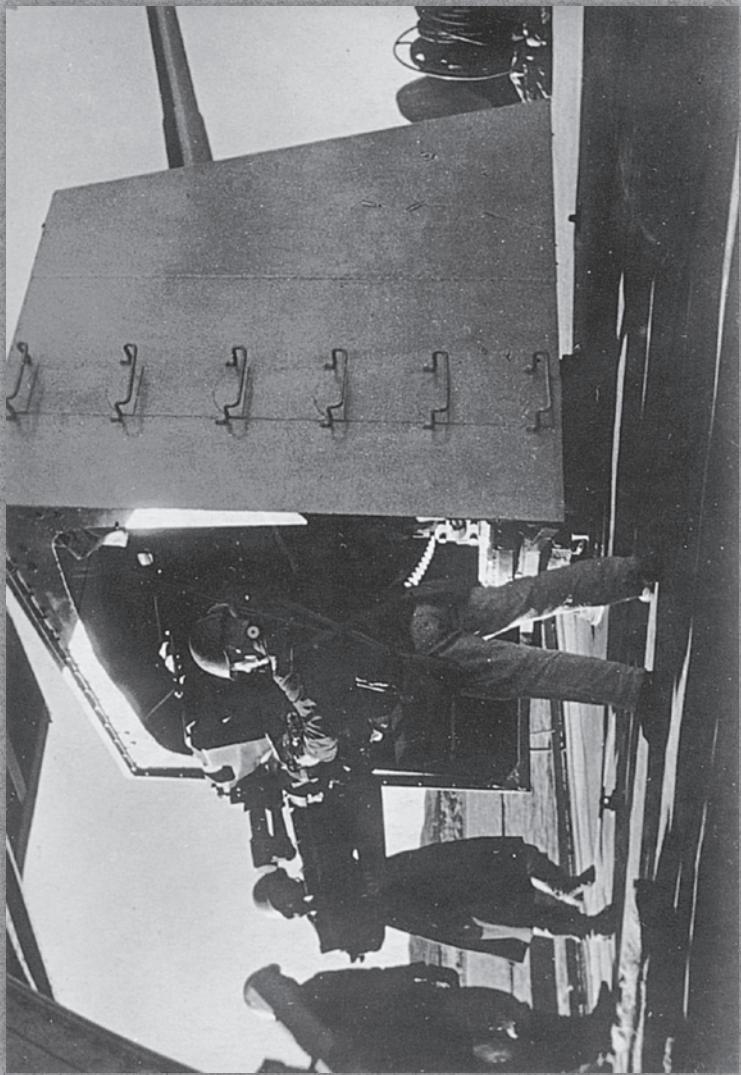

Догорают на земле сбитый самолет врага. Северный флот. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф.Р-2072. Оп. 1, Д. 450. Фото 42.

Боевой самолет морской авиации Северного флота в поисках цели. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф.Р.-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 43.

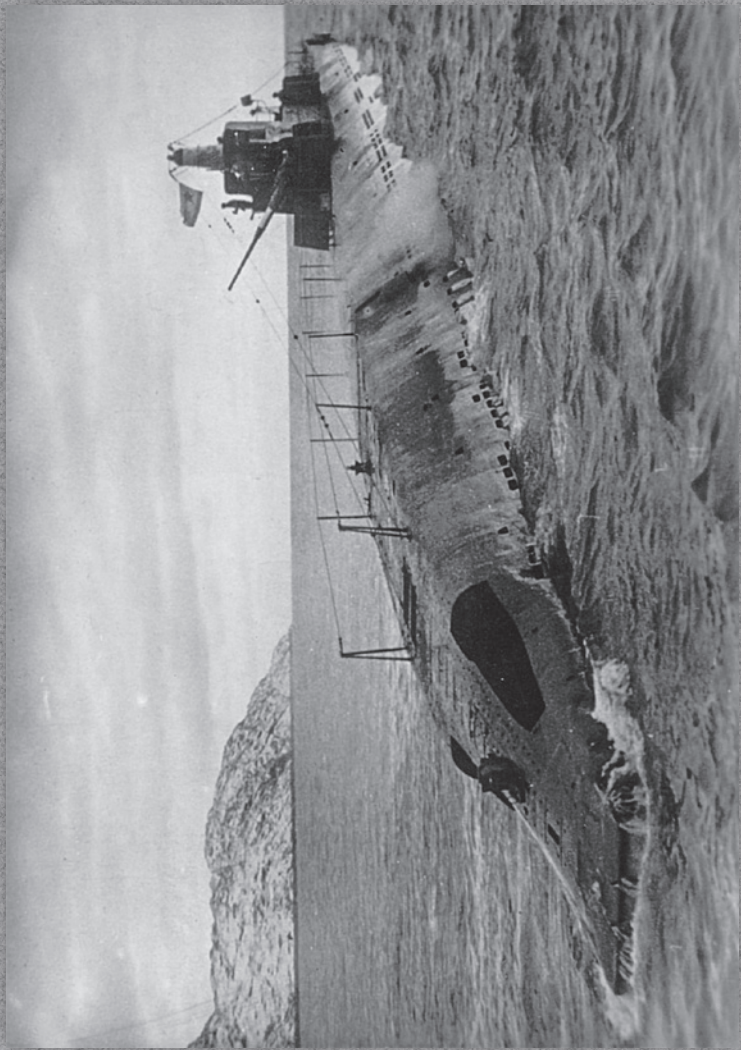

Огонь по врагу ведёт корабельная артиллерия, Северный флот. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 44.

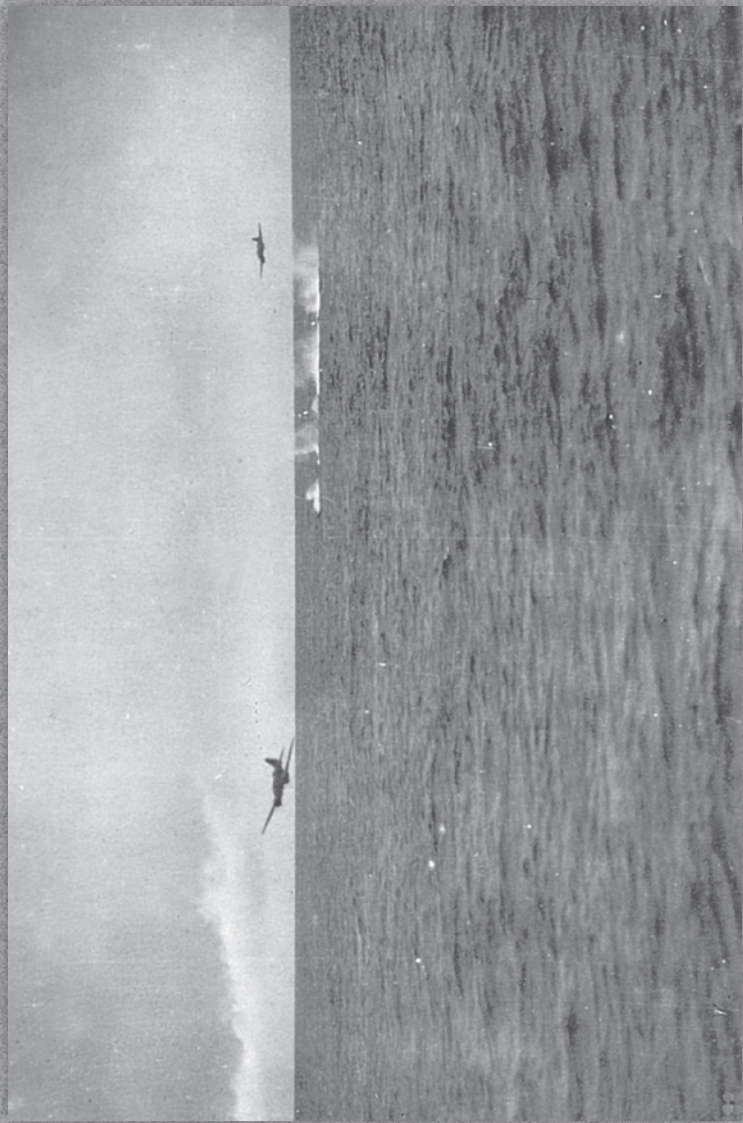

Высадка десанта. Северный флот. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф. Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 47.

Подводная лодка Северного флота направляется в боевой поход. Август 1944 г.
ГАНО. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 48.

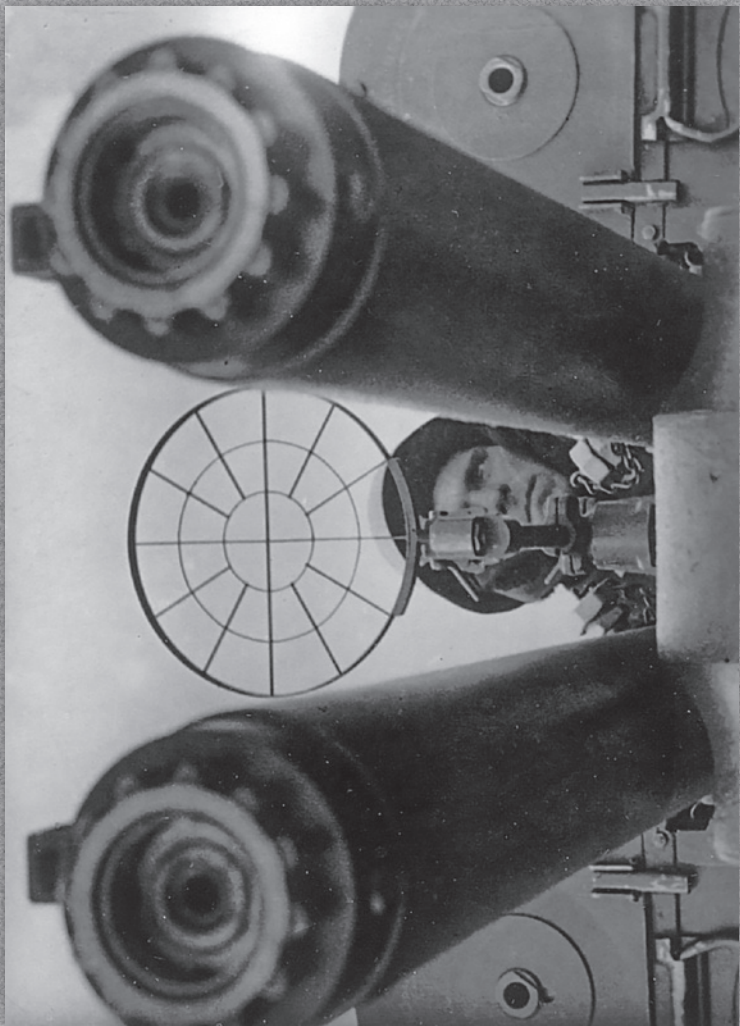

Самолеты-торпедоносцы Северного флота ведут торпедную атаку против вражеских кораблей, Август 1944 г.
ГАНО, Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 53.

Катера Северного флота в походе. Август 1944 г.
ГАНО: Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 54.

Огонь прямой наводкой по самолетам врага из крупнокалиберного пулемета. Северный флот. Август 1944 г.
ГАНО. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 55.

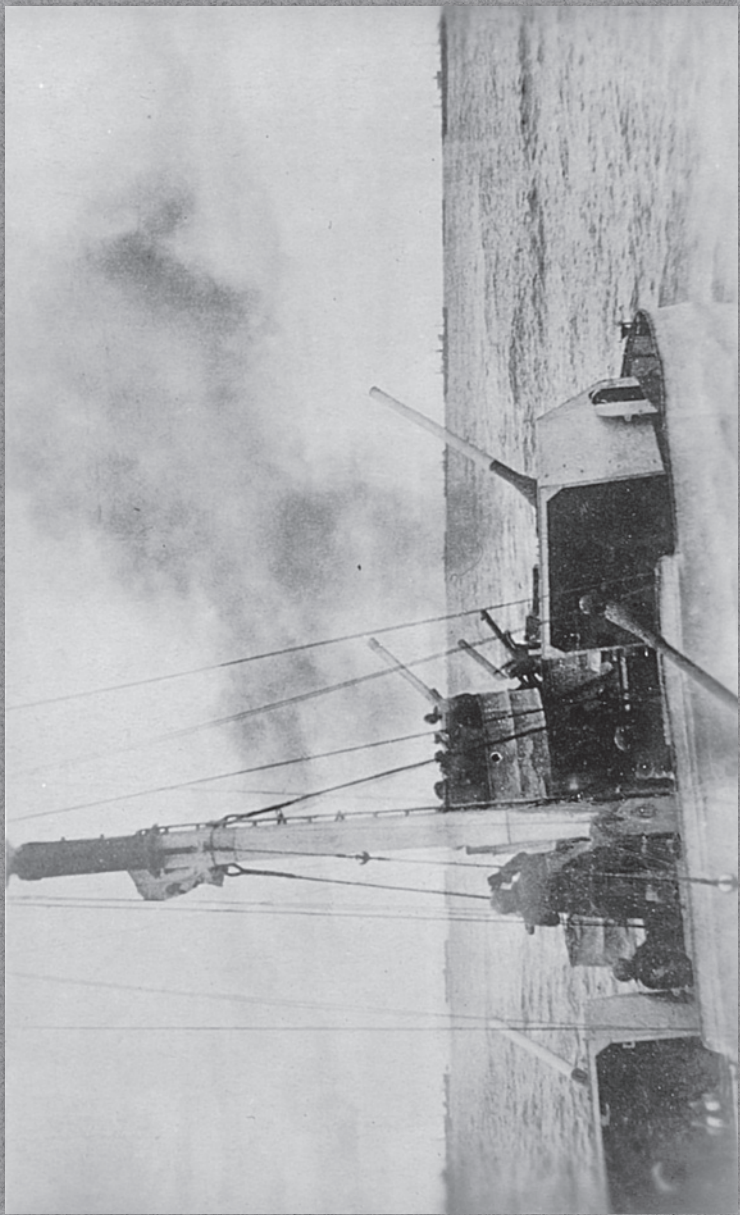

Звено торпедоносцев вылетело на боевое задание. Северный флот. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф. Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 57.

Вручение гвардейского знамени экипажу катера. Северный флот, Август 1944 г.
ГАНО. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 56.

Экипаж катера Северного флота ведёт бой с вражескими самолетами. Август 1944 г.
ГАНУ. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 59.

Боевой корабль Северного флота в походе во время тумана. Август 1944 г.
ГАНО. Ф.Р-2072. Оп. 1. Д. 450. Фото 32.

В поезде

В купе вагона медленно стемнело.
И, как всегда бывает в поездах,
За окнами стремительно летела
Большая золотистая звезда.

Деревья, как испуганное стадо,
Друг к другу жались, в темноте таясь...
А на скамью со мною села рядом
Давнишняя Знакомая моя.

– Ну, наконец, пришла моя минута, –
Она сказала, глядя мне в глаза.
– Ты все досуги отдаешь чему-то,
А мне и слова не даёшь сказать...

В вагоне спят... Да если б и не спали,
Затевяв меж собою нудный спор...
Они бы нам с тобой не помешали
Вести душевный этот разговор...

И вот я здесь... И я прошу ответить,
(Со мной ты можешь откровенной быть) –
Кто полюбил хоть раз тебя на свете,
Но так, что и себя сумел забыть?..

Скажи, кто помогал тебе подняться,
Когда отчаянье валило с ног...
И с кем ты не хотела расставаться
Затем, что расставаться-б он не смог?..

Кто ждет тебя вот в эту ночь глухую?
Нетерпеливый, кто грустит, любя?
Кто имя нежное произнесёт, тоскуя,
И кто любимой назовёт тебя?

И вновь, как прежде, я в ответ молчала...
Хоть слово бы... Хоть слёзы-б отыскать! ...
И вот тогда она с усмешкой встала
Моя знакомая, моя Тоска.

– Ты мне не отвечаешь почему-то...
Молчишь сегодня, как и до сих пор...
Но я дождусь ещё своей минуты
И мы продолжим этот разговор...

*Поезд Москва – Новосибирск,
[11] сентября 1944 г.*

Север

Ни птичьих криков. Ни полёта пчёл.
Немые камни. Влажный мох зелёный.
Да ветер, что на память перечёл
Листву берёз, сползающих по склонам.

Лишь синяя озёрная вода
Спокойно плещет, камни омывая...
Кто хоть однажды север увидал,
Тот никогда его не забывает...

И я запомню, как растёт с утра
Тумана мгла в молчании великом,
Как цвета голубино пера
На голых сопках зреет голубика...

И память мне надолго сохранит
Дыханье моря в тихий час отлива,
Бессменный день, и пасмурный гранит,
И над заливом чаек молчаливых...

Всё возвратится много раз ко мне
В мечте, в тоске, рванувшейся с причала,
И мне доскажет то наедине,
О чём теперь, быть может, промолчало...

[23 сентября] 1944 г.

В освобождённом городе

Он был разрушен весь, когда вошли
В него бойцы, что город штурмом взяли,
Но каждый обожжённый метр земли
Весенним солнцем был победно залит.

Среди камней, где оживала мгла,
Почти не веря собственным усильям,
На солнце сонно выползла пчела,
Чтоб отогреть слежавшиеся крылья.

Так начиналась жизнь. Она придёт
Нарядней и стремительней, чем прежде.
И пчёлы соберут душистый мёд,
А сердце снова место даст надежде! ...

19 ноября 1944 г.

Песня

При свете первых робких звёзд
На корабле большом
Стоит на палубе матрос,
Друзья его кругом.

В морских сраженьях и боях
Матрос не первый год...
Сейчас в руках его баян
Тоскует и поёт.

И если песня о войне,
О том, что длится бой, –
«Та песня, верно, обо мне», –
Подумает любой.

А если песня в тишине
Родится про любовь, –
«И эта песня обо мне», –
Подумает любой...

А песня строже и нежней
Звучит на этот раз
И о любви и о войне
И о любом из нас...

На рейде тихо. Ночь встаёт.
Мигают огоньки.
На всех морях, у всех широт
Тоскуют моряки.

За наш народ, за то, что ждёт
Тепло родной руки,
На всех морях, у всех широт
Воют моряки.

Для них победа, как маяк,
Указывает путь.
А старый друг – родной баян –
Поможет отдохнуть...

Споёт ли песню о войне,
Споёт ли про любовь, –
«Та песня, верно обо мне», –
Подумает любой.

На рейде тихо. Ночь встаёт.
И звезды в облаках...
У всех широт баян поёт
О наших моряках! ...

24 ноября 1944 г.

* * *

И твой наступит час, когда
Внезапное любви томленье
Тебя сказать заставит «да»
В ответ на все его моления.

И вот, взволнованно замлев,
Постигнешь с небывалой силой
Ты счастье жизни на земле,
Что нашей сделалось могилой.

Но пусть над нами прах земной
И прах забвения людского –
Ты будешь в этот миг со мной
И я с тобою буду снова:

Всей страстной жаждою любви,
Не утолённой ни однажды
И первым трепетом в крови,
Не повторяющимся дважды,

И жарким блеском всех огней,
Что погасила жизни стужа,
И всем, что умерло во мне,
Так и не вырвавшись наружу.

[14 декабря 1944 г.]

Украинка

Я впервые тебя повстречала,
Когда сердцем от горя замлев,
Ты под солнцем весенним стояла
На сибирской моей земле.

Ты хранила страшную память
О своём разорённом гнезде,
И недавнего горя пламя
Полыхало в тебе...

А здесь –

Снег в низинах неспешно таял,
Подсыхали вокруг поля,
И курилась ещё пустая
И неизвестная земля.

Ты казалась почти старухой
После многих своих утрат...
Ты сказала мне тихо:

– «Слухай...» –

Как самой себе говорят...

В небе слышался шумный гомон
Пролетающих птичьих стай,
Что весной спешили к дому
Гнёзда вить на родных местах.

И весь мир весенний и светлый
В это утро звучал кругом
Птичьим пеньем и звоном ветра,
Рассекаемого крылом.

И как можно себе, не другому,
Лишь себе самой говорить,
Ты сказала:
— «Они до дому...
Вышло время им гнёзда вить...»

А по осени в час заката
В жёлтом зареве тополей
Ты хозяйкой шла по богатой,
По моей земле и твоей.

А на ней – золотой, просторной –
Колос кланялся налитой,
И казались надеждой зёрна
На ладони твоей большой...

Ветер плыл по полям непрыткий,
Напоённый дневным теплом,
И полынью пропахшая свитка
Колыхала широким крылом...

[1944 г.]

Святки

Ещё в сарае где-то мерзнет ёлка,
И голы окна без привычных штор,
А в доме уж ведется разговор
От маленьких, конечно, втихомолку.
И мир далекий, неизвестный, взрослый
Становится в такие вечера,
Когда игрушки клеит детвора,
Шуршанием бумаги папиросной,
И тонкою пыльюю золотой,
И к стеклам подступившей темнотой
В морозных, рассыпающихся блёстках,
И необычной в доме суетой,
Когда на кухне важно пухнет тесто,
И где, конечно, маленьким – не место! ...

...Всё ближе праздник. Наконец – он здесь!
И вот уже открыты двери эти,
Где блеск дробится на большой звезде,
Где встречу хвойным запахом отметив,
Сверкает ёлка огоньками свеч.
Струится воздух золотой и жаркий,
Висят на ветках для детей подарки,
И тайну больше незачем беречь! ...
Стекает смолка по колючим лапам,
И парафином пол уже закапан...

И если б даже в эту ночь разбили
Игрушку ту, что больше всех любили,
Никто бы не заметил в суете,
Как под ногой хрустят её осколки...
Сегодня праздник! И встречает ёлка
Нетерпеливых радостных детей...

...Но близко полночь. Скоро спать пора...
На славу праздник! Только слишком краток...
Но в детских снах за сеткою кроваток
Он, может быть, продлится до утра...
И спит всех крепче маленький засоня.
На пухлых пальцах, липких от конфет,
Пыльцы с орехов золотистый след,
Как будто счастье он держал в ладонях! ...

...Ночь. На пол падают засохшие иголки.
И старый Ёлкич, весь пропахший смолкой,
Ведёт с мышами тихий разговор –
Он ищет выхода на лунный двор,
И городом ночным и приумолкшим
Уходит он в родимые леса...
А лунная из окон полоса
Ложится в опустевшем зале на пол –
Луна одна видала, как он плакал,
Когда прощался с ёлкой в эту ночь
И торопливо удалялся прочь...

...За днями дни уже проходят святки...
Дрожит на ёлке золотая нить...
А праздник невозможно сохранить,
Как украшенья ёлочные – в ватке...
Что вечно удержать его могло б?
Раздетой ёлкой, брошенной в сугроб,
Приходят будни...

1 января 1945 г.

* * *

Что может быть печальнее, чем пристани
В осенних сумерках, когда черна вода,
А первый снег мостки и трапы выстелил
И рядом с чёрным бел, как никогда! ...

Идёт по белому и неглубокому
Цепочкой чёрной человечесий след...
Я знаю – не помогут одинокому,
Его в живых уже, конечно, нет...

Да, верно, и ничто не удержало бы
Его, видавшего такие сны...
А снег ложится на немые палубы
Пустых судов, недвижных до весны...

И если я когда-нибудь не выстою,
И также в ночь уйду за край земли,
В последний час я вспомню эти пристани
И мёртвые под снегом корабли.

23 января 1945 г.

За городом

Две берёзы стоят над ручьём.
Чуть заметная вьётся тропинка.
Солнце тихо зажгло паутинку
В час заката холодным огнём.

По низинам тумана гряда
Над рядами жемчужной капусты;
А в полях приглушённо и пусто –
Только сонная шепчет вода...

Вот знакомый тропы поворот,
Тёмный стог и забытые грабли...
А в ручье – золотистый кораблик –
Лист берёзы неспешно плывёт.

И такая кругом тишина,
И такие спокойные дали,
Словно мы ничего не теряли,
Словно горя в упор не встречали
И не слышали слова – война...

Только там, где сиреневый дым,
Где бессонный, сверкающий город,
И дыханье заводов над ним, —
Поднимаются в гуле моторов
Самолёты один за другим...

5 февраля 1945 г.

Полярные ромашки

Где в скалах стелятся метели,
Где море дышит тяжело,
К семидесятой параллели
Их, верно, ветром занесло.

А, может быть, тропею нашей, –
Как память о родной земле, –
За нами вслед цветы ромашек
Пришли и встали на скале.

По щелям каменным над морем,
В неласковых ладонях гор,
На горсти праха нежный корень
Живёт, всему наперекор.

Ромашкам этим солнца мало,
Но их весною люди ждут,
И щель раскалывает скалы,
Чтоб только дать цветам приют.

5 – 7 февраля 1945 г.

* * *

Мы знали все, что поздно или рано
Среди других настанет день один,
Когда нам скажет голос Левитана,
Что наши армии вошли в Берлин...

И вот простые русские солдаты,
Которые сражались под Москвой,
Отстаивали Сталинград когда-то,
И шли в бои над Одером-рекой,

Те, что в сырых нетопленных землянках
С махоркой коротали вечера,
Те, что сушили мокрые портянки
У дымного походного костра,

Те, что в разлуке долгой сохраняли
Заветное из дому письмецо
И с шуткой и тоской перемежали
Солёное солдатское словцо,

Те, что прошли среди руин и пепла
В родимых разорённых городах,
Те, у которых сердце не ослепло,
Чтоб только всё запомнить навсегда,

В тот самый день, сурово брови сдвинув,
Винтовки оправляя на ходу,
По улицам разрушенным Берлина
Отяжелевшей поступью пройдут.

Не потому тяжёлой поступь будет,
Что слишком трудною была борьба,
А потому, что так приходят судьи –
Неумолимо.

Как сама судьба.

8 февраля 1945 г.

* * *

На бледном небе северной весны
Взошла звезда – нетающая льдинка...
Её закрыла веером сквозным
Берёзы обнаженная вершинка...

– Чего ты хочешь? – говорит звезда, –
Проси, поэт, и ты получишь это...
Но сердце отвечает: «Никогда
Покоя не подаришь ты поэту! ...»

Но он за это бьёт тебе челом, –
Что может в небе увидеть такую,
Которую не просит ни о чем,
И о которой на земле тоскует...»

18 февраля 1945 г.

* * *

В моих руках роман Бьёрнсона,
Как в годы юности моей...
И ночь идёт ко мне бессонной,
Но озарённой всех ночей.

И вот опять цветут линнеи
Далекой северной страны,
И Рагни, как цветок бледнея,
Опять уходит со страниц.

Гроб уплывает, колыхаясь,
За гробом только муж и друг...
А я, как с юностью прощаясь,
Стою на ледяном ветру.

25 февраля 1945 г.

Путь

Теперь крепись.

И ни на что не сетуй.

Судьба твоя тебе уже видна –

Перед тобою путь нелёгкий этот...

Идут в сраженья сверстники.

Война.

И ты пойдёшь сквозь пламя всех пожарищ,

Вдохнёшь сухой и горький запах гари,

Большое горе встретится с тобой

И, как своя, беда чужая грянет,

И навсегда судьба чужая станет

Твоей неотвратимую судьбой.

Ты будешь знать, каких страданий море

Скрывается за каждой из дверей.

Сама ты станешь этим общим горем

И каждую из жён и матерей.

И ты прильнёшь на миг перед разлукой

К шинели мужа, ослабев от слёз.

И враг, тебе выламывая руки,

В ночной избе начнёт чинить допрос.

И ты узнаешь, как босые ноги

Мороз январский жалит горячо

И как черна на снеговой дороге

Тень конвоира за твоим плечом.

И первая получишь ты записку

Друзей-бойцов – десяток трудных слов, –

Что смертью храбрых кто-то самый близкий
Пал, как солдат, в последнем из боёв...
И на погост ты понесёшь ребёнка,
От слабости шатаясь на ногах,
Блокадный ветер будет выть вдогонку,
А смерть и голод встанут на часах...
Ты смертный пот со лба сотрёшь герою,
И будешь помнить, где бы ни была,
Что в этот путь, отмеченный войною,
В одном строю со всем народом шла.
А в час, когда луна в зените стынет,
Ты в этот час на горестной земле
Останешься лицом к лицу с пустыней –
Страницей чистой на твоём столе.
И вот тогда вступай в единоборство
Со смертью, горем, слабостью, тоской,
И пусть надежда, мужество, упорство
Родятся в стоках под твоей рукой.
А сердце, где настойчиво и тонко
Стучится боль – ему уже невмочь, –
Уговори, как малого ребёнка.
Не сможешь ты, сумею я помочь...
Уговори...

И разом посветлеет
Ночное небо за твоим окном...
Я – это ты. Но я тебя сильнее.
А в эти ночи мы всегда вдвоём...
И, наконец, спокойно и широко

Коснётся свет развёрнутых страниц.
И вот тогда слова в бессонных строках
Вдруг встрепенутся, словно стая птиц!
О чём они споют тебе?

Должно быть

О том, что небу снова голубеть,
И будет мир, как в детстве синий глобус,
Весь до конца принадлежать тебе.

И в каждой строчке будет отблеск света –
Угаданного счастья впереди...
Перед тобою путь нелёгкий этот.
Прекрасный путь.

Он ждёт тебя –

иди!

29 марта 1945 г.

Школа

Рядами чинно выстроились парты.
Пятно чернил на маленькой руке...
Но смотрит мир со старой школьной карты
И первый день записан в дневнике.

А серый слон на новенькой резинке
Косит на будущее осторожный глаз...
И, обновив на пуговках ботинки,
Впервые детство прибегает в класс.

Уже в тетради начата страница
Ещё невнятным почерком твоим,
И буквы, словно пойманные птицы,
Наохлились по клеткам голубым.

Они обвыкнут. Хохолки пригладят.
Совсем ручными станут. А потом
В другой, не ученической тетради,
Они, быть может, шевельнут крылом...

Но это всё пока ещё далёко
И к сердцу не придвинулось в упор...
С тобою – свет высоких школьных окон,
Учителя неспешный разговор.

Тебе впервые дарят глобус синий
И младшая завидует сестра...
И манят вдаль косые ливни линий,
Которыми расчерчена тетрадь.

И ты ещё не знаешь, что борьбе
Невиданной отдашь ты юность, чтобы
Огромный мир, как в детстве синий глобус,
Весь до конца принадлежал тебе! ...

Март 1945 г.

Апрель

На светлом небе веток вязь,
Грачей крикливых росчерк...
Шумит апрель, остановясь
В дыму весенней рощи!

В логах прозрачны и чисты
Ручьи лепечут – крошки,
И всюду первые цветы
Уже встают на ножки.

Везде свежо, везде светло,
И чтоб не портить тона,
Смущенно теребит крыло
И чистит пух ворона.

И солнце светит целый день,
Прекрасно замечая,
Что облаков мгновенных тень
Весны не омрачает!

А ночь придет и лунный серп
Свои рога закрутит,
Посеребрив барашки верб
На талых алых прутьях...

Ночь на 30 апреля 1945 г.

* * *

Чем ночь темней, тем ярче звёзды в небе,
Чем чаще грозы, тем свежей листва...
Почуяв смерть, поёт впервые лебедь...
Чем жизнь труднее, тем светлей слова.

30 апреля 1945 г.

День Побед

В тот день уже была весна...
В тот день ещё была война.

Ещё не молк орудий гром,
Летел свинец косым дождём
И разрывались мины
На запад от Берлина.
Шагал на запад наш солдат
И, губ не разжимая,
Он гнал и гнал врага назад
В тот день – восьмого мая!
В тот день ещё была война...
В тот день уже была весна!
Краснела вербная лоза,
Шумела первая гроза
И разрывались почки
На молодых листочках.

В тот день, ещё войной дыша,
Уже вперед рвалась душа –
Мы всё чего-то ждали.
В тот день ещё была война...
Но как близка была Весна
Мы всё-таки не знали! ...
Но в этот день за много лет

Набрало счастье вешний цвет,
И грохотал, срываясь, гром,
И пролетал косым дождём
Уже последний день войны
И самый первый день Весны.

И вот за ним пришёл рассвет
И встало солнце Дня Побед!

9 мая 1945 г.

Лето

Даль слегка дрожит от зноя,
Не колышутся берёзы,
Над водою, над лозою
Дремлют синие стрекозы.

Сосны вытопили смолку,
Тишина над небом синим
И лепечут без умолку
Только листья на осине,

Да шмели под солнцем ярким
Над душистой вьются мятой...
Отчего шмелям не жарко
В мягкой шубке полосатой?

Облака остановились,
Верно тоже задремали,
В синей речке отразились
На себя залюбовались.

Зной и сон сошли на землю
Всё молчит – и зверь и птица,
Даже коршун в небе дремлет –
И крыло не шевелится.

Только курица не верит
В то, что кушать он не хочет,
Распушила грозно перья
И цыплят зовет, хлопочет.

А они, головки спрятав,
Крепко спят в тени сарая –
Подросли теперь цыплята,
Что им коршун? – пусть летает!

17 мая 1945 г.

Паучок

На травинке под талинкой
Притаился паучок,
Золотую паутинку
Намотал на кулачок.
Ждёт, что в тонкую ловушку
Залетит с размаху мушка,
Паутинка задрожит,
Он к добыче прибежит.
Час проходит... два проходит...
Паучок глаза заводит,
Отогнать не может сна...
Где же мухи? Тишина...
Вдруг как-будто грянул гром,
Задрожало всё кругом,
Паучок из-под талинки
Вылетает кувырком.
Видит – сеть. Дыра в сети.
И огромный жук летит.
На крыле его безвредно
Паутины клочок висит...
Всё разрушил жук негодный,
Продырявил сети зря...
Паучок спешит голодный
Сети новые напрясть.
Он поправить дело хочет

И прядёт до самой ночи.
И, склонясь на кулачок,
Засыпает паучок.
Всё уснуло. Тишина.
Ходит по-небу луна.
Слышно птичьи голоса,
Пала тёплая роса.
И на каждой паутинке
Под луной дрожат росинки.
И глядится в них луна –
Ей то ночью не до сна!

19 мая 1945 г.

* * *

Евгению Б.

Мы были вместе здесь когда-то...
С тех пор прошло немало лет,
Но память сохранила свято
Счастливых дней далёкий свет.

И снова всё полно тобою,
Хоть я одно сюда пришла...
Пьянеет сердце, как от зноя
Отяжелевшая пчела!

Но слёзы мне глаза туманят –
Так путь судьбы твоей суров...
И горек мёд воспоминаний,
Что я беру с живых цветов.

19 мая 1945 г.

* * *

Был день с утра отмечен грозами
И в речках поднялась вода...
Листом завянувшим берёзовым
Купальни пахнут у пруда...

Сейчас над лесом встала радуга...
Как тихо! Как легко дышать!
Лишь капли медленные падают,
В кустах смородины шурша.

А вот и солнце из-за облака!
И пар поднялся по лесам.
На мокрых ветках птицы пробуют
Нетерпеливо голоса.

У птиц еще сырые носики –
Дождинки и по ним скользят, –
Но песня так из сердца просится,
Что удержать её нельзя!

20 июня 1945 г.

Мир повторится

Мир повторится: в шорохе капли,
И в рыхлости разъезженных дорог,
И в том, как утром хрустнул на панели
У лужицы проломанный ледок.

Весна опять. Но раньше не впервые,
Проклёвывая почки, как птенцы,
Листы нетерпеливые, живые
Протянут к солнцу клейкие зубцы.

И заново дано свершиться диву.
И Золушка пойдет на первый бал
Лишь для того, чтоб с ножки торопливой
Вдруг башмачок на лестнице упал.

А юноша дорожный плащ накинёт,
Пойдет искать единственную, ту,
Что превратилась для него отныне
В высокую и дерзкую мечту.

Мир повторён. Но я благословляю
И таянье, и первый вешний гром
За то, что вёсны туфельки роняют,
А мы всю жизнь исканьям отдаём.

[Не позднее 22 июня 1945 г.]

На даче

Весь день крепчала солнца ярость,
А ночь прохладой полна.
И штора, словно белый парус,
Летит по ветру из окна.

А под окном кусты судачат –
Там листьев сонная возня.
И до утра на тёмной даче
Качает комнату сквозняк! ...

И в сумраке голубоватом,
Как бы под мерный шум волны,
Плывёт весь дом – корабль крылатый –
По океану тишины.

Да это так и есть, пожалуй –
Всё выше сонная волна...
Но вот с балконов – белых палуб –
Рассвет снимает тени сна.

Рассвет приводит ночь к развязке!
Комар поёт на потолке...
И кажется – ночные сказки
Висят на тонком волоске.

Да это так и есть, пожалуй –
Вот-вот прервётся дрёмы нить
И ты натянешь одеяло,
Чтоб сон предутренный продлить.

Чтоб дольше власть его простёрлась...
Но, слышишь – птичьи голоса!
И трель по маленькому горлу
Перекатилась, как роса.

Пора вставать! Танцуют блики
Над озарённой волной,
И солнце подняли на пики
Седые ели за рекой.

[24 июня 1945 г.]

Дождь

Дождь сначала шёл робея –
В сад тихонько заглянул,
В золотой песок аллеи
Десять капель завернул.

Подождал – что листья скажут,
Что-то выспросил у них,
А потом как будто даже
Окончательно затих.

Ждать пришлось совсем немножко –
Он рванулся вдруг да так,
Что лягушка на дорожке
Захихикала в кулак!

И деревья зашуршали:
– Ну, сильнее, дождик, грянь!»
А ребята закричали:
– Дождик, дождик, перестань!

12 июля 1945 г.

Дятел

Утром тысячи солнечных пятен
Разбежались в весёлой игре.
Очень вежливый серенький дятел
Застучал по сосновой коре.

– Тук-тук-тук! Это старый приятель...
Отвечайте же, если стучат!
Но букашки, прижавшись кричат:
– Мы боимся Вас, вежливый дятел!
Хоть стучите Вы, хоть не стучите
Всё равно не ответим «войдите»!

18 июля 1945 г.

* * *

За вечную тоску в груди,
За чувство горькой несвободы,
Вы что, пришли меня судить,
Мои безрадостные годы?

Ну, что-же? Это ваше право...
Но, верно, вам не хватает сил
Призвать меня на суд лукавый –
За охлажденный сердца пыл,

За беспокойных мыслей бремя,
За то, что в черноте ночей,
Казалось – ниспадало время,
Как тёмный плащ с моих плечей...

За то, что мукой окупались
Нестрашные мои грехи,
Что мне верны одни остались
Мной выстраданные стихи...

18 июля 1945 г.

* * *

Прозрачным белым кружевцем
Ромашки в перелесках
У них головки кружатся
От солнечного блеска.

А шалый ветер – выскочка
Играет с белой пеной...
Ему бы только выспаться
В тени над стогом сена! ...

Увядшей пахнет травкою
На ближнем сенокосе.
И значит – дело к августу,
И значит – скоро осень!

В полях звенят кузнечики
В зелёных волнах света –
Они с утра до вечера
Подпиливают лето.

Июль 1945 г.

* * *

Берут пыльцу заботливые пчёлы
С пропахших порохов цветов.

Прислушайся, какая тишина
Теперь ночами в городе бывает,
Как будто то, что кончилась война,
Впервые город ночью замечает!

[Июль 1945 г.]

* * *

Когда прощать душа устанет,
Сомкнёт молчанием уста,
Когда в глаза твои заглянет
Отчаянье и пустота,

Когда с холодным удивленьем
Друзья посмотрят на тебя,
И отойдут без сожаленья,
Не проклиная, не любя, –

Тогда войди в свой дом укромный,
Огонь затепли на столе,
И напиши средь ночи тёмной
О самом светлом на земле!

[6 августа 1945 г.]

* * *

Вот жизнь моя! ... Как тяжело чашу клонит...
Что на другую бросить я могла? –
Стихов тетрадка на моей ладони
Не тяжелей, чем мёртвая пчела...

[6 августа 1945 г.]

* * *

С какой печалью горестной и строгой
Стихи читаю женщины другой...
Ты тоже шла нелёгкою дорогой,
И спутник твой был не всегда с тобой...

Изнемогая от жестокой муки,
Та падала, почти совсем без сил...
Но ты к нему протягивала руки!
Он, хоть далёкий, вновь с тобою был! ...

И, умирая, ты не умирала.
И радость слёз не потеряла ты.
Что, женщина, ты о страданьи знала?
О холоде смертельной высоты?

В отчаянье – хранила ожиданье.
Ждала рассвета по ночам глухим...
Что, женщина, ты знала о страданьи?! ...
Моё – не помещается в стихи...

8 августа 1945 г.

Весна

I

Весною ты лениво шла из школы...
Стена под солнцем... Чей-то сад за ней...
С измявшимися крылышками пчёлы
Ползли неторопливо по стене

И по ветвям, пока ещё безлистным...
Вдруг вспомнилось со сладкою тоской,
Что в «Геометрии» лежит записка,
Где почерк по-мальчишески крутой...

Он в ней писал: «Весна. Кончаем школу.
Я, верно, в медицинский институт...»
Под солнцем отогревшиеся пчёлы
Едва заметный издавали гуд.

Казалось, что струна одна звучала
В тебе и в мире. Вешняя струна...
И ты записку вновь перечитала,
Пока была на улице одна...

... «Пойдём вдвоём, нарвём цветов весенних
И в школу их с собою принесём...»
Не в этих ли словах твоё волнение?
Не в этом ли единственном – «вдвоём»?

Не в этом ли?

Да, может быть, и в этом...

Хоть сердце и не знает почему...

Весна, весна! Ты лишь преддверье лета! ...

Нет имени волнению твоему! ...

II

Весна, весна, которой лучше

Для сердца не было и нет! ...

Какой прозрачный и не жгучий

Пресеивали сосны свет!

А у земли, где жарче воздух,

Мерцали первые цветы,

Как будто маленькие звёзды

Сошли на землю с высоты.

Был день других необычайней

Над спутником и над тобой...

Ты поняла его молчанье,

Его мальчишескую боль.

Когда смешной и угловатый

Коснулся он твоей руки,

Подснежников чуть розоватых

Затрепетали лепестки.

Но лишь цветы и полудети
Умеют сердцем познавать,
Что всех прекраснее на свете
Непрозвучавшие слова...

...С тех пор прошли другие вёсны,
Но этих не вернули снов,
И больше не шумели сосны,
Как той, единственной весной.

И, став печальней и суровой,
Ты лишь теперь понять смогла:
Твоей последнею любовью
Та первая любовь была...

8–13 августа 1945 г.

Ночь

Все в доме спят и лишь тебе не спится –
От книжки ты не отрываешь глаз.
И Маугли – страница за страницей –
Тебя сопровождает в поздний час.

Он расстается с детством в этот вечер
И джунгли покидает до зари.
Ему Багира нежно гладит плечи,
А мальчик ей в смятеньи говорит:

– Багира, тяжело! ... И томит угроза –
Не смерть ли это? Или – быть беде?..
– Нет, Маугли, ты плачешь. Это – слёзы.
Они бывают только у людей...

Ты засыпаешь с книжкой на рассвете,
От сказки сердце оторвать невмочь...

.....

Как далеко остались джунгли эти! –
Перед тобой иной разлуки ночь.

Глухая ночь. Военная невзгода.
И окна, словно ряд пустых глазниц.
Немое трепетанье небосвода
Над вспышками прожекторных зарниц.

В морозном дыме над продрогшим миром
Томилаь телеграфная струна...
И что-то сердце странно защемило,
Когда ты шла по улицам одна.

Та боль пришла, как смутная угроза
Не смерть ли это? Или быть беде?..
«Нет, Маугли, ты плачешь. Это – слёзы.
Они бывают только у людей...».

13 августа 1945 г.

Утка

У резиновой утки горе:
Утке хочется в синее море,
Утка серая горько тужит,
А вокруг ни реки, ни лужи! ...

Но однажды спросила Таня:
– Утка, хочешь купаться в ванне?
«Для меня, – подумала утка, –
И такое море – не шутка!»

Утка крикнуть от счастья хотела,
Да резиновая – не сумела.

[Не позднее 5 сентября 1945 г.]

Шутка

Весёлая старушка
Весь день сегодня шьёт.

За кругленькой катушкой
Следит пушистый кот.

Устала шить старушка
И села у ворот.

А с кругленькой катушкой
Играть пустился кот.

Пришла домой старушка
И видит – дремлет кот

И нитками с катушки
Опутан весь живот.

И молвила старушка:
– Ты сам теперь – катушка!

[Не позднее 5 сентября 1945 г.]

Сом

Под корягой дремлет сом,
Шевелит усами...

Ну, какой же это сон,

Посудите сами?

Спать собрался –

вдруг налим

Очутился рядом с ним,

В самой гуще камыша

Два поссорились ерша,

Щука щелкнула зубами,

Что за сон – судите сами?

Сом усами шевельнул,

Рассердился и... заснул!

[Не позднее 5 сентября 1945 г.]

Весна

Курится даль в горячем свете,
Но тает по логам снежок,
И долго сохраняет ветер
Насторожённый холодок.

Перекликаются незримо
Кукушек первых голоса,
Прозрачных листьев нежным дымом
Одеты светлые леса.

И облако на небе синем
Уже не в силах отойти,
Запутавшись в сквозной вершине
Берёзки, вставшей на пути.

Над синим бархатом медунок,
Что на пригорке расцвели
Гудят, как золотые струны,
От солнца пьяные шмели.

[1945 г.]

* * *

Что мне припомнится такое,
Когда кончины час придёт?...
Должно быть краткий миг покоя –
Май месяц, сорок пятый год...

Потом далёкий отзвук детства
Возникнет в смертной темноте,
Ещё – вручённая в наследство
Звезда в зелёной высоте,

Кремлёвских стен узор суровый,
Где ели тёмные тихи,
Да Ярослава Смелякова
Нерукотворные стихи.

[1945 г.]

Выпускница

Лежит на подоконнике тетрадка,
Но в школу ты уже не ходишь с ней –
Её листы запорошил украдкой
Нетающий черёмуховый снег...

Ещё вчера над нею ты сидела,
И, соревнуясь в эти дни с тобой,
Весна сдала экзамены на зрелость
Листвой, цветами, теплою грозой! ...

...Вот ты идёшь к дверям знакомой школы...
Здесь пионерский галстук был надет,
Здесь ты в ряды вступала комсомола
И с гордостью носила свой билет.

Вот стёршиеся под ногой ступени,
Ты вверх спешишь – который в жизни раз! –
И с небывалым до сих пор волнением
Всё по-иному видишь в этот час.

Десятый класс... И солнце заливает
Его горячим светом из окна...
Вон карта на стене висит немая,
Но сколько сердцу говорит она!

Как часто возле этой карты мира
Ты отвечала школьный свой урок...
Как этот мир раздвинулся и вырос,
Тебе открывши тысячи дорог.

[1945 г.]

Чайка

Я помню тёплый пасмурный денёк,
Зелёный сумрак загородной дачи
И плеск реки и берега песок,
Что влажною каймою обозначен.

И тишину, которую на миг
Лишь в августе случается услышать,
И вдруг разноголосый звонкий крик
Собравшихся я на берегу мальчишек.

Им где-то чайку удалось поймать,
И крепко ей они связали крылья,
И принимались громко хохотать,
Когда взлететь рвалась она с усилием.

Я подошла. И тот, что первым был
Среди своих вихрастых однолеток,
Мне на ладони чайку положил
За медные и тусклые монеты! ...

Она клевала руки мне, пока
Я крылья развязала торопливо...
Внизу плескалась медленно река
И тишина стояла над обрывом.

Но чайка не могла ещё понять,
Что стала снова гордой, вольной птицей,
И холодно смотрела на меня,
Как на врага, не смея шевелиться.

Тогда я руку быстро подняла,
И птица потеряла равновесье.
И ветерок раскрытого крыла
Был для неё свободы первой вестью.

И вот она прижалась, оперлась
Живым, незабываемым движеньем
И от руки моей оторвалась,
Сверкнув тугим и плотным опереньем...

Далёк тот день на тихом берегу...
Но сколько горя в жизни ни случится,
Я, как надежду, в сердце сберегу
Вот эту улетающую птицу! ...

[1945 г., 1947 г.]

СПРАВОЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ДОКУМЕНТАХ, ВКЛЮЧЁННЫХ В СБОРНИК

1 Ручеек («Из-под снега в поле чистом...») (4 апреля 1941 г.)

Оп.1. Д. 18. Л. 33. Автограф. Рукопись.

Впервые опубликовано в сокращенном виде под названием «Ручейки» в сборнике Е. Стюарт «Ласковое солнце» (Новосибирск: ОГИЗ. – 1945. С. 6).

2 Расставанье («Нам расставаться не впервой с подругой...») (25 апреля 1941 г.)

Оп.1. Д. 3. Л. 4. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

3 В Констанцу! («В Констанцу на седом рассвете...») (23 июля 1941 г.)

Оп.1. Д. 3. Л. 8–9. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

Речь идет о рейде Черноморского флота СССР 25–26 июня 1941 года на крупный румынский порт Констанца, где базировались немецко-фашистские войска. Атака проводилась совместными действиями кораблей и авиации Черноморского флота. Порт был подвергнут обстрелам и бомбардировкам, однако достичь скоординированных действий не удалось, врагу был нанесен лишь незначительный ущерб. Тем не менее советские газеты в июне–августе писали о нем как о большом военном успехе. Налёты советской авиации на Констанцу возобновились с осени 1943 г. Наиболее успешным из них был рейд 20 августа 1944 года, когда ПВО порта была буквально смята, а 26 вражеских кораблей и плавсредств уничтожены.

Впервые опубликовано в газете «Советская Сибирь» (Новосибирск). 1941. № 197 (6766), 21 августа. С. 2.

4 «За капли нашей драгоценной крови...» (2 августа 1941 г.)

Оп.1. Д. 3. Л. 10. Автограф. Рукопись.

Текст перерабатывался автором, вариант стихотворения получил название «Война».

Впервые опубликовано в литературном сборнике «За честь Родины» (Новосибирск: Новосибиргиз. – 1941. С. 11).

5 **Мобилизованные («Ещё за жизнь они цеплялись...»)** (25 августа 1941 г.)

Оп.1. Д. 3. Л. 15–16. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

6 **Выселение («Всё выносили – стулья, стол...»)** (26 августа 1941 г.)

Оп.1. Д. 3. Л. 19. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

7 **1941 год («Мы в этот год извели до дна...»)** (1 декабря 1941 г.)

Оп.1. Д. 3. Л. 21. Автограф. Рукопись.

Впервые опубликовано в другой редакции в сборнике Е. Стюарт «Города будущего» (Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1943. С. 2).

8 **Неотправленное письмо («Я не могу ничем тебя приветить...»)** (3–4 декабря 1941 г.)

Оп.1. Д. 3. Л. 29. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

9 **Письмо («Я с тобой простилась у вокзала...»)** ([1941 г.]

Оп.1. Д. 3. Л. 30. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в сборнике «За честь Родины» (Новосибирск: Новосибиргиз. – 1941. С. 10), в сокращенном варианте – в сборнике Е. Стюарт «Города будущего» (Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1943. С. 4–5).

10 **Города будущего («Я вижу улицы ночные...»)** (15 марта 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 1. Машинопись.

Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни» (1942, кн. 1. С. 44–45), затем, в другой редакции, в сборнике Е. Стюарт «Города будущего» (Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1943. С. 17–18).

11 **Женщине («Ты будешь жить на много лет позднее...»)** (18–19 апреля 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 2–3. Автограф. Рукопись.

Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни» (1942, кн. 2. С. 75), в другой редакции в литературном сборнике «Огненные дни» (Кн. 2. Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1942).

12 **Весна 1942 года («Полгода нету писем с фронта...»)** (22–24 мая 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 8–9. Автограф. Рукопись.

Впервые опубликовано в газете «Сибирские огни: Специальный выпуск Новосибирского отделения Союза советских писателей для сибиряков-фронтовиков. Июнь 1943 г.» (С. 6).

13 **Суд («Если ты в эти грозные годы...»)** (11 июня 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 16. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни» (1942, кн. 2. С. 75), литературном сборнике «Огневые дни» (Кн. 2. Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1942).

14 **Статуя («Через много лет, когда покой и счастье...»)** (31 июля–5 августа 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 21. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Города будущего» (Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1943. С. 19–20).

15 **Родина («Родина! ... Поля и перелески...»)** (19 августа 1942 г.)

Оп.1. Д. 27. Л. 9. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано без названия в сборнике Е. Стюарт «Города будущего» (Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1943. С. 10–11).

16 **«Мне некому прочесть любимые стихи...»** (19–20 сентября 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 23. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

17 **«Все испытай – лишенья и страданья...»** (30 сентября–6 октября 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 24. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Города будущего» (Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1943. С. 14–15).

18 **Москва («Ты навсегда запомнилась такой...»)** (11–12 октября 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 28. Автограф. Машинопись с комментариями неустановленного лица. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Города будущего» (Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1943. С. 7).

19 **«Вам чудится далекий светлый город...»** (12–13 октября 1942 г.)
Оп.1. Д. 4. Л. 31. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в другой редакции в сборнике Е. Стюарт «Города будущего» (Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1943. С. 20).

20 **Мы никогда забыть не сможем («Об этом память уничтожить...»)** (16–17 октября 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 32–32об. Автограф. Рукопись.

По потрясенной мостовой... – строка из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник».

Впервые опубликовано в другой редакции под названием «Никто из нас забыть не сможет...» и первой строкой «Воспоминаний уничтожить...» в сборнике Е. Стюарт «Города будущего» (Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1943. С. 3).

21 **Эвакуированные («Осеннее хмурое утро...»)** (25 октября 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 35–36. Автограф. Рукопись.

Впервые опубликовано с названием «На путях» в сборнике Е. Стюарт «Города будущего» (Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1943. С. 8–9).

22 **«Жестокое время. Суровые годы...»** (2 ноября 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 38. Автограф. Машинопись с комментариями неустановленного лица. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Города будущего» (Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1943. С. 1).

23 **Забвение («На мраморе листва осенняя видна...»)** (4 ноября 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 40. Автограф черновой. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф.

24 **«Прекрасный мир... Он был иль не был?...»** (6 ноября 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 44. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в другой редакции в сборнике Е. Стюарт «Города будущего» (Новосибирск: ОГИЗ – Новосибиргиз. – 1943. С. 16).

25 **«Лучи луны свет беспощадный пьют...»** (29 ноября 1942 г.)

Оп.1. Д. 4. Л. 45. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

26 **«Мы все любили так... Точь-в-точь, как...»** ([3 декабря 1942 г.]

Оп.1. Д. 4. Л. 47. Машинопись текст.

Фрагмент стихотворения из цикла «Пути сердца». *В те баснословные года...* – строка из стихотворения Тютчева «Я знал её ещё тогда...» (1861).

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 6–8).

27 **«Здесь яблони не помнили о том...»** (25 января 1943 г.)

Оп.1. Д. 5. Л. 1. Автограф. Машинопись с комментариями неустановленного лица. Подпись-автограф.

Фрагмент стихотворения из цикла «Пути сердца». Эпиграф из стихотворения Ф. И. Тютчева «Я знал её ещё тогда...» (1861).

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 6–8).

28 **Раздумье («Давай, товарищ, вместе помечтаем...»)** (Январь 1943 г.)

Оп.1. Д. 5. Л. 3. Автограф черновой. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в однодневной газете «Сибирские огни: Специальный выпуск Новосибирского отделения Союза советских писателей для сибиряков-фронтовиков. Январь 1944 г.» (С. 2).

29 **«Для жизни нужно много света...»** (4 февраля 1943 г., 20 марта 1976 г.)

Оп.1. Д. 5. Л. 4. Машинопись с правкой.

Стихотворение переработано автором в марте 1976 г., строфа «Бывает, что беда большая... ~ ...И не снимает с сердца гнет» исключена.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Зимний праздник» (Новосибирск. – 1980).

30 **«Все пройдет... Даже наши печали...»** (23 марта 1943 г.)

Оп.1. Д. 5. Л. 5. Машинопись.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 26).

31 **«Ты пишешь другу: «Будь за нас спокоен...»** (31 марта 1943 г.)

Оп.1. Д. 5. Л. 10–11. Автограф. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в другой редакции в журнале «Сибирские огни» (1943, кн. 3. С. 32).

32 **«Больше мне в мире тебя не найти...»** (7 июля 1943 г.)

Оп.1. Д. 5. Л. 14–15. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано журнале «Сибирские огни» (1943, кн. 3. С. 32), затем – в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 21–22).

33 **«Мы научились покидать...»** (Ноябрь 1943 г.)

Оп.1. Д. 5. Л. 19. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 20).

34 **«Я вижу этот час, добытый...»** (Ноябрь–декабрь 1943 г.)

Оп.1. Д. 5. Л. 17. Автограф черновой. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф.

35 **«Молчи. Мужайся. Нет еще конца...»** (1 декабря 1943 г.)

Оп.1. Д. 5. Л. 22. Автограф черновой. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано с названием «К победе!» в Краснофлотских газетах «За Родину» (1944, 13 августа), «Североморский летчик» (ВВС СФ) (1944, 13 августа), «За победу!» (1944, 17 сентября), в журнале «Сибирские огни» (1944, кн. 4. С. 45).

36 **«Россия... Родина... рассвет...»** (1943 г.)

Оп.1. Д. 5. Л. 41. Автограф. Рукопись.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Стихи» (Новосибирск. – 1966).

37 **«Ты лети, моя дума...»** (1943 г.)

Оп.1. Д. 5. Л. 39–40. Автограф. Машинопись.

Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни» (1943,

кн. 3. С. 31). В дальнейшем публиковалось в других редакциях: «Ты лети, моё слово...», «Встань, послушай слово...».

38 **«Как это трудно – взгляд последний кинуть...»** ([1943 г.]

Оп.1. Д. 5. Л. 25. Машинопись.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 22–23).

39 **«Когда последний выстрел грянет...»** ([1943 г.]

Оп.1. Д. 5. Л. 28. Автограф черновой. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф. Строфа «А в городах поутру рано... ~ ... Взволнованные голоса» исключена.

Впервые опубликовано в Красноармейской газете СибВО «Красноармейская звезда» (1944, 4 ноября, С. 4), в полном варианте – в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 28–29).

40 **«Нет облачка над пыльною дорогой...»** ([1943 г.]

Оп.1. Д. 5. Л. 31. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

По мнению литературоведа И. Е. Ложилова строка *Заря с востока просится в окно...* – Намек на латинское выражение «*Ex oriente lux*», парафраз евангельского рассказа о пришествии волхвов, видевших звезду на востоке, на поклонение Христу (Мф. 2:1–2). Выражение стало названием стихотворения Владимира Соловьева (1890); ср. также стихотворение сибирского поэта Александра Воцакина «Омску («*Ex oriente lux* – сказали...»)» (Наша газета (Омск). 1919. № 28. 17 сентября. С. 3).

41 **«Тихон Шишкин – парень бравый...»** ([1943 г.]

Оп.1. Д. 5. Л. 32–34. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф. Строфа «И ещё такого факта... ~ ... Тракториста заменить...» исключена.

Литературовед И. Е. Ложилов отмечает, что успех «книги про бойца» Александра Твардовского «Василий Тёркин» породил спрос на стихотворные циклы со сквозным героем-солдатом. Известны сибирские альтернативы Тёркину: старшина Иван Боек Марка Юдалевича, «сибиряк Тарас Клинков» Александра Смердова, Саша Сибиряков Георгия Доронина. Опыт Елизаветы

Стюарт остался без продолжения, а имя героя было использовано в 1953 г. как имя школьника-озорника в шуточном стихотворении для детей (Стюарт Е. Тихон Шишкин // Сталинское племя (Новосибирск). 1953. № 150, 16 декабря. С. 3).

Впервые опубликовано с названием «Тихон Шишкин» в газете «Сибирские огни: Специальный выпуск Новосибирского отделения Союза советских писателей для сибиряков-фронтовиков. Январь 1944 г.» (С. 7).

42 **Сыну («Мой сын, мой мальчик! ... Я тебя...»)** ([1943 г.]

Оп.1. Д. 5. Л. 35–36. Автограф черновой. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф. Из поэтического цикла «Пути сердца».

Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни» (1944, кн. 4. С. 45), в другой редакции – в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 11–13).

43 **Одиночество («Когда мужей от сердца отрывали...»)** (Январь 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 4. Автограф. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф.

44 **«Над головою – вешний крик гусей...»** (21 марта 1944 г.)

ГАНУ. Ф. Р-2072. Оп.1. Д. 6. Л. 10. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

45 **«На обтаявшем тротуаре...»** (Ночь на 26 марта 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 14. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

Эпиграф из баллады Р. Л. Стивенсона «Вересковый эль» (1880) в русском переводе С. Я. Маршака «Вересковый мёд» (1941).

46 **«Я не могу писать стихов...»** (Март 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 15. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

47 **Портрет дочери («Одна далёко. Улучив минуту...»)** (19 апреля 1944 г., 1967 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 69–70. Автограф черновой. Машинопись с правкой автора. Доработано в 1967 г., добавлены строфы «Для той привычно от меня таиться ... ~ ... Ей преданней не отыскался-б друг».

Впервые опубликовано в альманахе «Томск» (Томск, – 1955. Кн. 8. С. 131).

48 **Весенняя ночь («Сегодня внешними каплями...»)** (Весна 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 17. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

49 **В старом городе («Как сад запущен – он ещё тенистей! ...»)** (14 июня 1944 г.)

Оп.1. Д. 25. Л. 7. Автограф черновой. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф. Первоначальное название «В Томске». Из поэтического цикла «Пути сердца».

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 8–9).

50 **«Я верно-б легче умерла...»** (Июнь 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 21–22. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

51 **Идёт солдат в окопы... («Вершины голых сопок...»)** (17 августа 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 27–28. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

52 **На Рыбачьем («Кто в эти годы воевал...»)** (Август 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 37. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

На полуострове Рыбачьем... – место дислокации базы боевых катеров Северного морского флота. Е. К. Стюарт посещала Рыбачий в составе шефской делегации трудящихся Новосибирской области к морякам. Муста-Тунтури – фьельд, отделяющий полуостров Средний от материка, и ставший единственным местом, где немецкие войска были остановлены в первый день наступления (29 июня 1941 г.) и не сумели продвинуться до окончания боевых действий в Заполярье.

Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни» (1945, кн. 5. С. 152–153), в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 17–18).

53 **Морские охотники («Здесь старшему едва-ли двадцать шесть...»)** (август 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 38. Машинопись.

Впервые опубликовано в газете «Советский воин» (Новосибирск) (1976. 23 октября).

54 **Морская застольная («Полярный ветер песне вторит...»)** (Август 1944 г.)

Оп.1. Д. 482. Л. 9об.–10. Автограф. Рукопись из рабочей тетради.

55 **«В окне землянки с самого утра...»** (август 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 76. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 16).

56 **Во фронтовом клубе («В холодных северных широтах...»)** ([август] 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 64. Автограф. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф.

Петсамо – историко-географическая область и название города (административного центра, ныне – пгт Печенга Мурманской обл.).

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 18–19).

57 **П-ов Рыбачий («Землянки были целый день пусты...»)** ([Август 1944 г.]

Оп.1. Д. 6. Л. 41–42. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано под названием «Гитара» в сборнике Е. Стюарт «Путь» (Новосибирск. – 1955. С. 13).

58 **В поезде («В купе вагона медленно стемнело...»)** ([11] сентября 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 53. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

59 **Север («Ни птичьих криков. Ни полёта пчёл...»)** ([23 сентября] 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 43. Автограф. Машинопись с комментариями неустановленного лица. Точная дата установлена по записным книжкам поэтессы.

Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни» (1945, кн. 5. С. 152), сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 14–15).

60 **В освобождённом городе («Он был разрушен весь, когда вошли...»)** (19 ноября 1944 г.)

Оп.1. Д. 482. Л. 13. Автограф черновой. Рукопись из рабочей тетради с правкой автора.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 25–26).

61 **Песня («При свете первых робких звёзд...»)** (24 ноября 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 43а–44. Автограф. Машинопись с комментариями неустановленного лица. Подпись-автограф.

62 **«И твой наступит час, когда...»** ([14 декабря 1944 г.]

Оп.1. Д. 6. Л. 57. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

63 **«Мне все знакомо здесь – пустынный этот сад...»** (28 декабря 1944 г.)

Оп.1. Д. 6. Л. 58. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в газете «Советская Сибирь» (Новосибирск) (1983. 30 января).

64 **Украинка («Я впервые тебя повстречала...»)** ([1944 г.]

Оп.1. Д. 6. Л. 73–74. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 23–25).

65 **Святки («Ещё в сарае где-то мерзнет ёлка...»)** (1 января 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 4–5. Автограф. Машинопись с правкой автора. Из поэтического цикла «Путь».

Ёлкич – отсылка к новелле Ф. К. Сологуба «Январский рассказ (Ёлкич)» (1907).

Впервые опубликовано под названием «Праздник» в сборнике Е. Стюарт «Новый дом» (Новосибирск. – 1948. С. 5). В дальнейшем неоднократно публиковалось, в том числе под названием «Ёлка».

66 **«Что может быть печальнее, чем пристани...»** (23 января 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 6. Автограф белойой. Машинопись. Подпись-автограф.

67 **За городом («Две берёзы стоят над ручьём...»)** (5 февраля 1945 г.)

Оп.1. Д. 482. Л. 21об.–22. Автограф. Рукопись из рабочей тетради.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Новый дом» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1948. С. 6/н).

68 **Полярные ромашки («Где в скалах стелются метели...»)** (5–7 февраля 1945 г.)

Оп.1. Д. 482. Л. 24об. Автограф черновой. Рукопись из рабочей тетради с правкой автора.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 15).

69 **«Мы знали всё, что поздно или рано...»** (8 февраля 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 11. Автограф черновой. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф. Первоначальные названия «Победа», «Мы знали все...».

Юрий Борисович Левитан (1914–1983) – диктор Всесоюзного радио. В годы Великой Отечественной войны читал сводки Совинформбюро и приказы Верховного Главнокомандующего И. Сталина. Еще в начале войны Гитлер лично отдал приказ, чтобы после взятия Москвы первым повесить Левитана. Голос Левитана звучал порой приглушенно и скорбно, но твердо и вселял надежду, что победа непременно придет. Он умел, как никакой другой диктор, выразить и общую печаль народа, и его общую радость.

Битва за Берлин началась 16 апреля 1945 г., 19 апреля войска 1-го Белорусского фронта завершили прорыв вражеской

обороны и 21–22 апреля вышли к Берлину, отражая многочисленные вражеские контратаки. Ликвидация Берлинской группировки противника непосредственно в городе продолжалась до 2 мая 1945 г.

70 **«На бледном небе северной весны...»** (18 февраля 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 14. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

71 **«В моих руках роман Бьёрнсона...»** (25 февраля 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 15. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

Рагни – имя героини романа норвежского писателя Бьёрнстьерне Бьёрнсона (1831–1910) «По Божьему пути» (1889), в русском переводе М. Н. Чинаева «На Божьем пути» (СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1895); Линнея – род древесных цветковых растений, распространенных в Северном полушарии, назван в честь знаменитого шведского естествоиспытателя Карла Линнея.

По мнению литературоведа И. Е. Лоцилова, в подтексте стихотворения – память о поэте Георгии Вяткине (1885–1938); о его интересе и познаниях в скандинавской литературе см.: Капинос Е. В., Лоцилов И. Е. Кнут Гамсун в Сибири // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 319–320; Капинос Е. В., Лоцилов И. Е. «Сибирская гамсуниана» // Уход в лес. Сибирская гамсуниана: 1910–1920 годы. М.: Common place, 2019. С. 13–15. В фонде Стюарт есть стихотворение Вяткина 1932 г. «Поэтессе с легкомысленным коком на лбу, Елизавете Стюарт, которая должна, но не хочет писать, и которая 25 июля испугалась во сне людоедов» (ГАНУ. Ф. Р-2072. Оп.1. Д. 897. Л. 1–2).

72 **Путь («Теперь крепись. И ни на что не сетуй...»)** (29 марта 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 75–76. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф. Из поэтического цикла «Путь».

Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни» (1945, кн. 6. С. 116–119).

73 **Школа («Рядами чинно выстроились парты...»)** (Март 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 19. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф. Из поэтического цикла «Путь».

Впервые опубликовано в другой редакции в журнале «Сибирские огни» (1945, кн. 6. С. 115–116).

74 **Апрель («На светлом небе веток вязь...»)** (Ночь на 30 апреля 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 20. Автограф Беловой. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «На вольной воле – в лесу и в поле» (Новосибирск. – 1960).

75 **«Чем ночь темней, тем ярче звёзды в небе...»** (30 апреля 1945 г.)

Оп.1. Д. 482. Л. 36. Автограф Черновой. Рукопись из рабочей тетради с правкой автора.

76 **День Побед («В тот день уже была весна...»)** (9 мая 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 21. Автограф. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф.

77 **Лето («Даль слегка дрожит от зноя...»)** (17 мая 1945 г.)

Оп.1. Д. 482. Л. 37–37об. Автограф Черновой. Рукопись из рабочей тетради с правкой автора. Строфа «Облака остановились... ~ ...На себя залюбовались» исключена.

78 **Паучок («На травинке под талинкой....»)** (19 мая 1945 г.)

Оп.1. Д. 482. Л. 37об.–38об. Автограф Черновой. Рукопись из рабочей тетради с правкой автора. Строки «Слышно птичьего голоса, Пала тёплая роса...» и «И глядится в них луна – Ей то ночью не до сна!..» исключены.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Мы ходили в дальний лес» (Новосибирск. – 1959).

79 **«Мы были вместе здесь когда-то...»** (19 мая 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 24. Автограф Беловой. Машинопись. Подпись-автограф.

Посвящено поэту и прозаику Евгению Николаевичу Березницкому (1909–1941), литературному сотруднику газет «Советская Сибирь» (Новосибирск) и «Кузбасс» (Кемерово). В тот же день, 19 мая 1945 г., Е. К. Стюарт записала в рабочей тетради: «Я бесконечно одинока и совершенно лишена возможности уединения... – Какое ужасное сочетание!» (ГАНО. Ф. Р-2072. Оп.1. Д. 482. Л. 38).

80 **«Был день с утра отмечен грозами...»** (20 июня 1945 г.)

Оп.1. Д. 482. Л. 42об. Автограф черновой. Рукопись из рабочей тетради с правкой автора.

81 **Мир повторится («Мир повторится: в шорохе капли...»)** ([Не позднее 22 июня 1945 г.]

Оп.1. Д. 7. Л. 82–82об. Автограф белой. Рукопись. Датировано по сведениям о подписи в печать поэтического сборника «Второе рождение».

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» под названием «Весна» (Новосибирск: Новосибиргиз. – 1945. С. 27).

82 **На даче («Весь день крепчала солнца ярость...»)** ([24 июня 1945 г.]

Оп.1. Д. 7. Л. 26–27. Автограф белой. Машинопись. Подпись-автограф.

83 **Дождь («Дождь сначала шёл робея...»)** (12 июля 1945 г.)

Оп.1. Д. 482. Л. 44–44об. Автограф черновой. Рукопись из рабочей тетради с правкой автора.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Стрижи» (Новосибирск. – 1948).

84 **Дятел («Утром тысячи солнечных пятен...»)** (18 июля 1945 г.)

Оп.1. Д. 482. Л. 47. Автограф черновой. Рукопись из рабочей тетради с правкой автора.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «С добрым утром!» (Новосибирск. – 1953. С. 3).

85 **«За вечную тоску в груди...»** (18 июля 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 34. Автограф черновой. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф.

86 **«Прозрачным белым кружевцем...»** (Июль 1945 г.)

Оп.1. Д. 482. Л. 39об. Автограф черновой. Рукопись из рабочей тетради с правкой автора. Строфа «А шалый ветер – выскочка... ~ ...В тени над стогом сена! ...» исключена.

87 **«Берут пыльцу заботливые пчёлы...»** ([Июль 1945 г.]

Оп.1. Д. 482. Л. 40. Автограф. Рукопись из рабочей тетради.

88 **«Когда прощать душа устанет...»** ([6 августа 1945 г.]

Оп.1. Д. 7. Л. 38. Автограф Беловой. Машинопись. Подпись-автограф.

Первый вариант стихотворения был создан в марте 1945 г. (ГАНУ. Ф. Р-2072. Оп.1. Д. 7. Л. 16), публикуемый автограф дополнен строфой «Когда с холодным удивленьем ... ~ ... Не проклиная, не любя», строка «И отыщи звезду во мгле» заменена на «Огонь затепли на столе».

89 **«Вот жизнь моя! ... Как тяжко чашу клонит...»** ([6 августа 1945 г.]

Оп.1. Д. 7. Л. 38. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

По мнению литературоведа И. Е. Лощилова, словосочетание «мёртвая пчела» – отсылка к стихотворению Гумилева «Слово» (1919): «И, как пчелы в улье опустелом, / Дурно пахнут мёртвые слова».

90 **«С какой печалью горестной и строгой...»** (8 августа 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 44. Автограф Беловой. Машинопись. Подпись-автограф.

91 **Весна («Весною ты лениво шла из школы...»)** (8–13 августа 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 46–47, 51. Автограф Черновой. Машинопись с правкой автора. Подпись-автограф. Из поэтического цикла «Путь».

Вторая часть стихотворения в другой редакции под названием «Первая любовь» опубликована в сборнике Е. Стюарт «Новый дом» (Новосибирск. – 1948. С. 11).

92 **Ночь («Все в доме спят и лишь тебе не спится...»)** (13 августа 1945 г.)

Оп.1. Д. 7. Л. 66. Машинопись. Из поэтического цикла «Путь».

Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни» под названием «Маугли» (1945, кн. 6. С. 116–119).

93 **Утка («У резиновой утки горе...»)** ([Не позднее 5 сентября 1945 г.]

Оп.1. Д. 21. Л. 48. Машинопись.

Впервые опубликовано в другой редакции в сборнике Е. Стюарт «Ласковое солнце» (Новосибирск: ОГИЗ. – 1945. С. 14).

94 **Шутка («Весёлая старушка...»)** ([Не позднее 5 сентября 1945 г.]

Оп.1. Д. 21. Л. 75. Машинопись.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Ласковое солнце» (Новосибирск: ОГИЗ. – 1945. С. 15).

95 **Сом («Под корягой дремлет сом...»)** ([Не позднее 5 сентября 1945 г.]

Оп.1. Д. 21. Л. 103. Машинопись с правкой автора.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Ласковое солнце» (Новосибирск: ОГИЗ. – 1945. С. 40).

96 **Весна («Курится даль в горячем свете...»)** ([1945 г.]

Оп.1. Д. 482. Л. 49об. Автограф. Рукопись из рабочей тетради.

97 **«Что мне припомнится такое...»** ([1945 г.]

Оп.1. Д. 482. Л. 48. Автограф черновой. Машинопись с правкой автора, вклеенная в рабочую тетрадь.

По мнению литературоведа И. Е. Лощилова, стихотворение написано под впечатлением от подборки из шести стихотворений Ярослава Смелякова в журнале «Знамя» (1945, № 12. С. 105–107); Кремлёвских стен узор суровый, / Где ели тёмные тихи... – Парафраз строк «Пусть кремлевские темные ели, / будто тайна, стоят на заре» из открывавшего подборку Смелякова стихотворения «Это кто-то придумал счастливо...». Звезда в зелёной высоте... – Парафраз строк «в изголовье поставьте / ночную звезду» из стихотворения «Если я заболēju...». Стихотворение было опубликовано И. О. Фоняковым в его воспоминаниях о встречах со Смеляковым: «Помню только, что прочел специально для Ярослава Васильевича маленькое стихотворение Елизаветы Стюарт, кажется, до сих пор не опубликованное... <Далее приводился текст стихотворения.> Смеляков был явно тронут. И уже много позже, когда мы встретились снова, в какой-то компании вдруг попросил еще раз напомнить ему эти три строфы сибирской поэтессы» (Фоняков И. О. Письма о поэзии другу в Иркутск. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство. С. 217).

98 **Выпускница («Лежит на подоконнике тетрадка...»)** ([1945 г.]

Оп.1. Д. 7. Л. 43. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф.

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Путь» (Новосибирск. – 1955).

99 **Чайка («Я помню тёплый пасмурный денёк...»)** ([1945 г., 1947 г.]

Оп.1. Д. 7. Л. 56–57. Автограф. Машинопись. Подпись-автограф. Из поэтического цикла «Пути сердца».

Впервые опубликовано в сборнике Е. Стюарт «Второе рождение» (Новосибирск: Новосибгиз. – 1945. С. 9–11).

«У книг моих своя судьба – моя судьба вторая...»

О литературном пути поэта Елизаветы Стюарт

Представляемый ныне читателю свод автографов Елизаветы Стюарт 1941–1945 годов – целостный ансамбль стихотворений, отражающий творчество поэта этого времени. Те из них, что были опубликованы своевременно, выдержали испытание временем. Часть стихотворений – такие, как «Выселение», «Что мне припомнится такое...» или «В моих руках роман Бьёрсона...» – явно не предназначалась автором для публикации, и представить их себе в советской печати 1940–1950 (да и последующих) годов невозможно.

Виктор Соснора писал в книге «Дом дней» (1985–1986): «Новосибирск. Я дружил с русской, Елизаветой Константиновной Стюарт»¹. В 1980-х, да и в 1960-х, когда Соснора познакомился со Стюарт, доставшаяся от шотландских предков династическая фамилия и дворянское происхождение воспринимались как невинный курьез: русская, и вдруг Елизавета Стюарт. В 1920–1950 годы это было серьезным препятствием для вхождения в литературу, вызывало недоверие и подозрения. Покровительствовавшая начинающему детскому поэту из Сибири Агния Барто, например, отметив литературное качество стихотворений Стюарт, верный тон в разговоре с детьми, говорила: «Но что досадно? Прежде всего то, что перед ней какой-то узкий мирок, замкнутый. Хотелось бы, чтобы она нашла более глубокие темы и поставила бы перед детьми вопросы, которые их волнуют. О зверях можно писать для детей и обо всем можно и нужно писать, но в каждой теме может и должен звучать сегодняшний день, в каждой теме должно быть ярче ощущение современности, ощущение нашего сегодняшнего дня. Этого у Е. Стюарт нет. У нее темы взяты вне времени и пространства»². Сибирская критика также отмечала

¹ Соснора В. Дом дней. СПб., 2014. С. 89. См. о знакомстве Сосноры с Стюарт и о других его новосибирских связях: Лоцилов И. Е., Соснора Т. В. Сибирские поэтические турне Виктора Сосноры (1960-е гг.) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 104–131.

² [Без подписи]. Сибирские писатели в Москве // Сибирские огни. 1937. № 3, май–июнь. С. 151–152.

«манерность», «тяжеловесность», «тематическую узость» и «срывы» в детских стихах Стюарт, признавая при этом, что они выдерживают конкуренцию со стихами, которые печатаются в журналах «Чиж» и «Мурзилка»³.

Первые двадцать лет литературной работы Елизаветы Стюарт отнюдь нельзя назвать благополучными. Неоднократно отмечалась, что только в 1960–1980-е годы эта работа была оценена издательствами, читателями и критиками по достоинству.

Фундамент литературной культуры Стюарт восходит к дореволюционному прошлому, и это отличало ее от многих других поэтов того же поколения, воспитанных уже на «комсомольской поэзии». В последнем интервью 1983 года Елизавета Стюарт говорила: «...я выросла из Бунина – поэта и прозаика, в котором меня привлекали внимание к деталям, тонкость, органичное соотношение внутреннего и внешнего. Впервые я открыла его в тринадцать-четырнадцать лет. Открыла сама – никто мне в семье о нем не говорил. Правда, у меня была этажерка... Вы знаете, что такое этажерка? Там стояли все классики, изданные в особой серии. До сих пор помню те книги – объем, цвет. Метерлинк был синий, Андреев – серый, Фет – светло-зеленый, Бунин – желтый, цвета увядшего листа, и по обложке из угла в угол летели, словно взметенные ветром, листья... Не помню, какого цвета был Чехов, вероятно, потому, что это было уже другое издание. Так вот, когда я сняла с этажерки Бунина и прочла первые строки, я поняла, что это то самое... мое. И уже не расставалась с ним. В пятнадцать лет я прочитала Ахматову и до сих пор благодарна человеку, который дал мне ее книгу. Цветаева пришла позже — я ее люблю выборочно, Ахматову – всю»⁴. И еще, там же: «Есенина очень люблю. Хотя некоторое его насилие над языком меня шокирует. Очень люблю Гумилева, Волошина»⁵.

---

³ Смердов А. Про мальчика Додика: О стихах Е. Стюарт // Сибирские огни. 1939. № 2, март–апрель. С. 159–160.

⁴ Цит. по: Уляшов П. С. Последнее интервью // Воспоминания о Елизавете Стюарт / Сост. А. Е. Меликова. Новосибирск, 1988. С. 217.

⁵ Там же. С. 218–219. В прижизненную публикацию интервью этот фрагмент, разумеется, не вошел (Елизавета Стюарт: «Быть поэтом нелегкое право» / Беседу вел Павел Уляшов // Литературная Россия. 1983. № 40 (1080), 30 сентября. С. 8).

От литературных учителей Елизавете Стюарт досталась «парнасская» ориентация на отточенность, четкость высказанной мысли или переживания, зримость в описании картины. И в поздние годы из старших современников ей были наиболее близки самый «классичный» из конструктивистов Николай Ушаков⁶, «неоклассик» Арсений Тарковский и Мария Петровых⁷. «К Анне Ахматовой она относилась благоговейно. Портрет Анны Андреевны, – автолитография М. В. Лянглебена – висел на стене рабочей комнаты Стюарт. Однажды на Втором съезде писателей СССР места А. Ахматовой и Е. Стюарт оказались почти рядом, но Елизавета Константиновна “не осмелилась – как она потом признавалась, рассказывая этот эпизод – заговорить с любимым поэтом”»⁸.

Елизавета Стюарт вошла в печатную литературу в 1929 году – в год «великого перелома», в год, когда в Ленинграде вышли «Столбцы» Николая Заболоцкого. В новосибирском детском журнале «Товарищ» были напечатаны два стихотворения и рассказ, отобранные и посланные ее друзьями еще из Томска, где тогда Стюарт жила и посещала литературную студию Федора Тихменёва⁹. Первое из этих стихотворений, «Медведь»¹⁰, удачно поддержало замечательный детский бестиарий Александра Оленича-Гнененко из прошлогодних выпусков, когда журнал еще носил другое название¹¹. Второе – исполненный подлинного драматизма, трагический рассказ об охоте на лису, написанный совсем не предназначенным, казалось бы, для детской поэзии экспериментально-многоstopным

---

⁶ См. ее замечательное эссе о стихотворении Ушакова «Патефон»: Стюарт Е. Власть поэзии // День поэзии. Новосибирск, 1970. С. 135–137.

⁷ Ольшанская Е. М. «С колокольчиком внутри» (Елизавета Стюарт) // Ольшанская Е. М. Поэзии родные имена: Воспоминания. Стихи. Письма. Киев, 1995. С. 149.

⁸ Шленская Г. «Быть поэтом нелегкое право...» // Воспоминания о Елизавете Стюарт. С. 209.

⁹ См.: Тихменёв Ф. И. Избранное. Томск, 2014 (Книжная серия «Томская классика»). С. 14.

¹⁰ Стюарт Е. Медведь («Он сначала ежился со сна...») // Товарищ: Журнал школьников и пионеров Сибири (Новосибирск). 1929. № 3. С. 33.

¹¹ Оленич-Гнененко А. Крот; Уж // Сибирский детский журнал (Новосибирск). 1928. № 2. С. 7; Оленич-Гнененко А. Еж // Сибирский детский журнал. 1928. № 5. С. 7.

размером¹². Рассказ «Полярная сова» – блестящий образец новеллистики 1920-х годов, жизненный материал которого (повествование о судьбе мальчика – сына запойного таксидермиста) напоминает о «жестокой прозе» Бунина, а композиция и система повторов – о поэтике Бориса Пильняка¹³. Несмотря на детскую адресованность, стало очевидно, что в литературу входит не малоопытный, а вполне зрелый мастер слова.

В 1930-х годах детские стихи Стюарт нечасто, но встречаются на страницах новосибирских газет «Октябрятская звездочка» и «Юный ленинец»; два ее стихотворения опубликовал московский «ежемесячный журнал для деревенских октябрат и школьников» «Искорка»; можно предположить, что эта публикация состоялась благодаря опосредованному участию Владимира Зазубрина, сохранявшего и после отъезда из Новосибирска в 1928 году связи с Сибирью, несмотря на работу в столичной «Крестьянской газете», которая и издавала «Искорку»¹⁴. Идеологический контроль в детской печати советского времени был слабее, чем во «взрослой», и многие поэты нашли себе здесь пристанище, позволяющее удерживать статус литератора. Уместно, может быть, вспомнить, что единственным прижизненным изданием поэзии графини Нины Михайловны Подгоричани (Подгоричани-Пётрович; 1889–1964) была восьмистраничная книжка для детей старшего дошкольного возраста «Сначала – налево, потом – направо» (М.: Детский мир, 1961)¹⁵.

---

¹² Стюарт Е. Лисица («Жила, как всякая лиса: весною – серенький лисенок...») // Товарищ. 1929. № 7. С. 16. Дедушка автора, Павел Эдуардович Стюарт (1856 – ?) написал и издал книгу «Сборник охотничьих рассказов. Уральского охотника и рыбака» (Томск, 1909. 205 с.), а также «Руководство для лиц, исполняющих обязанности весовщика на железных дорогах» (Томск, 1909. 34 с.). Память о нем отражена в посвященном отцу, Константину Павловичу Стюарту, рассказе «Заряничка» (Сибирские огни. 1956. № 6, ноябрь–декабрь. С. 48–56).

¹³ Стюарт Е. Полярная сова // Товарищ. 1929. № 8. С. 2–6.

¹⁴ Стюарт Е. Белый медведь; Лакомка // Искорка. 1933. № 1. С. 6–7. По воспоминаниям писавшего о Зазубрине Николая Яновского, Стюарт говорила ему: «О многом я и не подозревала. Знала звонкий термин “зазубринщина”, а кто и зачем пустил его в оборот, представляла смутно. <...> В статье видна душа писателя, душа Зазубрина... И ваша душа» (Яновский Н. Мужество // Воспоминания о Елизавете Стюарт. С. 84).

¹⁵ См. книгу: Подгоричани Н. Четки из ладана. Стихи / Сост., подгот. текста и примеч. А. Р. Кентлера и В. В. Нехотина. М., 2015. 428 с.

В энциклопедической статье о Стюарт точно отмечено, что «стихи для детей <...> наложили отпечаток на поэтику Стюарт в целом: для нее характерны необычные олицетворения, соприсутствие в рамках одного текста наивной “детской” и серьезной “взрослой” точек зрения»¹⁶.

В 1934 году стихи Стюарт впервые появились на страницах журнала «Сибирские огни»; это были детское стихотворение «Слон» и первое опубликованное стихотворение для взрослых, «На севере», – драматическое и вполне самостоятельное, «стюартовское», хоть и отмеченное влиянием Гумилева, и, может быть, Петра Драверта¹⁷. В следующем году в «Сибирских огнях» появилось еще одно детской стихотворение¹⁸; на страницах взрослого журнала детские стихи Стюарт читались как образцы литературного профессионализма. Если в середине 1930-х годов «Сибирские огни» публиковали небольшие подборки стихотворений Стюарт для детей и взрослых примерно раз в год, к концу десятилетия частота и объем публикаций росли¹⁹. Строки о колхозных бригадирах, доблестных пограничниках и «светлом будущем» в этих, достаточно сложных и свидетельствующих о большой поэтической культуре стихах, кажутся нарочно приклеенными ради возможности публикации: по неписаным законам времени, «у каждого поэта должны быть “стихи-паровозики”, с помощью которых можно было бы проталкивать в книжку или журнальную подборку свои лучшие стихотворения»²⁰. Эти стихи создавались как бы в невольном соавторстве с эпохой.

Поэтическое мастерство Стюарт отмечали и высоко оценивали представители старшего поколения сибирских поэтов, Вивиан

¹⁶ Капинос Е. В. Стюарт Елизавета Константиновна // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С – Я. Новосибирск, 2009. С. 197.

¹⁷ Стюарт Е. Слон: Сказочка для детей; На севере // Сибирские огни. 1934. № 5, сентябрь–октябрь. С. 50–52.

¹⁸ Стюарт Е. У страха глаза велики // Сибирские огни. 1935. № 2, март–апрель. С. 125–126.

¹⁹ Стюарт Е. Ветер; Осень // Сибирские огни. 1936. № 5, сентябрь–октябрь. С. 26–27; Стюарт Е. Пушкину // Сибирские огни. 1937. № 1, январь–февраль. С. 38; Стюарт Е. Песня о дружбе // Сибирские огни. 1937. № 3, май–июнь. С. 28; Стюарт Е. Отдых // Сибирские огни. 1937. № 4, июль–август. С. 85; Стюарт Е. Разговор с капитаном; Утро в лесу; Шутка; Утка; Осень // Сибирские огни. 1938. № 2, март–апрель. С. 29–30.

²⁰ Заболоцкий Н. Н. Николай Заболоцкий. История жизни. СПб., 2018. С. 327.

Итин и Георгий Вяткин, ставшие вскоре жертвами репрессий²¹. «Дочь – Антонина Евгеньевна, рассказывает, что мама всегда пыталась уберечь ее от тревожных подробностей тогдашней жизни. Но она помнит, как в 37-м прислушивались по ночам к шуму подъезжающих к дому машин. И как однажды мама мучилась и тревожилась, потому что назавтра нужно было явиться на собрание в Союзе писателей – на одно из тех собраний, на которых возмущенные трудящиеся выражали свой праведный гнев против очередного “врага”. И все-таки нашла повод не пойти. И как на следующее утро в газетах был опубликован отчет с резолюцией этого собрания, и среди прочих негодующих подписей была там и подпись Стюарт»²².

Первое обращение Стюарт к военной тематике было связано с советско-японским конфликтом 1938 года. Драматическое стихотворение об этих событиях, появившееся в «Сибирских огнях»²³, было написано по всем канонам балладного жанра и вызвало резкий партийный окрик: «Неужели у сибирских писателей не нашлось ничего лучшего для того, чтобы отразить на страницах журнала всемирно известные события у озера Хасан, кроме слезоточивых и сентиментальных упражнений в поэзии Е. Стюарт. Эта поэтесса из своего укромного будуара оценила разгром наглых самураев, как расплату “за обиды”. В ее воображении “самураи отступили”, в то время как общеизвестно, что наглых самураев наголову разгромила доблестная Красная Армия. Не вдаваясь в подробное обсуждение этого “произведения”,

---

²¹ Г. В-ин [Вяткин Г.] Творчество Пушкина и сибирские писатели // Советская Сибирь. 1937. № 37 (5201), 14 февраля. С. 2; Итин В. Пять лет // Советская Сибирь. 1937. № 95 (5259), 24 апреля. С. 2. Стюарт вспоминала: «Дружеская заинтересованность в судьбе начинающего автора была характерной чертой Г. А. Вяткина на протяжении всей его жизни. И, конечно, не я одна, а многие, вероятно, с благодарностью вспоминают его заботливое внимание к их литературной судьбе... Внимание Георгия Андреевича ко всем молодым авторам было пристальным и неизменным, а помощь безотказной...» (Цит. по: Шоломова С. Скорбная житейская дорога: Харьковские страницы творческой биографии Георгия Вяткина // Сибирские огни. 1991. № 2, февраль. С. 162).

²² Мамонтова Е. А. «Быть поэтом нелегкое право...»: К 100-летию со дня рождения Елизаветы Стюарт // Советская Сибирь. 1987. № 187, 26 сентября. С. 4.

²³ Стюарт Е. Озеро Хасан («Мой брат погиб у Заозерной...») // Сибирские огни. 1938. № 3–4, май–август. С. 8.

можно сказать только одно: ограниченность автора и замкнутость редакции не замедлили преподнести читателю никчемное (если не сказать большего) творение»²⁴.

Прочитав эту «критику», Стюарт обратилась с письмом к тогдашнему секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) Г. А. Боркову: «Если даже критикуемые стихи действительно так плохи (я за них не заступаюсь), то зачем же говорить об этом так оскорбительно и грубо. Ведь ошибки могут быть у всякого <...> И если это – критика, то что же тогда – публичное оскорбление? <...> Я больше чем кто-либо из сибирских поэтов имею право претендовать на внимание к себе газеты “Большевицкая смена”: я живу в Новосибирске шесть лет и все эти шесть лет я пишу стихи для детей. За это время в Новосибирском издательстве вышло четыре книжечки моих стихов, кроме того, я систематически печатаюсь в журнале “Сибирские Огни” (для взрослых пишу стихи очень редко). <...> Почему, нарушив наконец обет молчания, газета заговорила не об основном в моей работе, а об одном неудачном стихотворении, да еще заговорила таким далеким от литературы языком? Ведь говоря о моем “укромном будуаре”, автор был так же далек от истинно критической оценки моих стихов, как если бы он заговорил о том, что у меня длинный нос или некрасивое платье. Эта заметка ошеломила меня не только своим явным желанием убить автора критической “оглоблей”, но и своей несправедливостью. <...> Ведь такие отзывы создают до некоторой степени литературную репутацию: – “Какая это Стюарт, ах, это та, что из будуара?”»²⁵

Стихи Елизаветы Стюарт военных лет ничем не напоминают «стихи-паровозики»: это сильное, серьезное и глубокое поэтическое высказывание о трагедии и подвиге народа. Лишь немногие из них предназначались для агитации и пропаганды, и были опубликованы в газетах («В Констанцу!», «Тихон Шишкин», и др.), что вполне естественно для литературы военного

---

²⁴ Боркеев Н. На задворках общественной жизни // Большевицкая смена: Орган Западно-Сибирского крайкома и Новосибирского горкома ВЛКСМ. 1939. № 9 (2139), 18 января. С. 4.

²⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 299. Л. 14–17. Цит. по: Власть и интеллигенция в сибирской провинции: Сборник документов. Новосибирск, 2013. С. 59–62.

времени; вспоминая о своем сотрудничестве с радиопередачей «Огонь по врагу», Стюарт говорила: «– Раза два я даже писала для нее частушки»²⁶. Свою работу ночным редактором ТАСС в годы войны Стюарт осмыслила позже, в опубликованной полностью лишь в год ее смерти поэме «Обращение к старому городу»²⁷, как очистительный катарсис в своих отношениях с городом, миром и историей.

Поэзия Стюарт военного времени – подлинная переплавка тягчайшего жизненного и психологического опыта в строгие литературные формы. Вслед за Георгием Вяткиным, не только писавшим стихи и прозу о войне, но и работавшем в «Архиве войны»²⁸, она глубоко понимала и трагически переживала литературность жизненного материала, поставляемого поэту войной; войну как «исследование любопытной литературности реальной жизни»²⁹.

В 1943 году в Новосибирске вышел двадцатистраничный сборник стихотворений Стюарт «Города будущего», куда вошли стихотворения 1941–1942 годов; это было ее первое отдельное издание для взрослых. Военные годы укрепили голос поэта, по-акмеистски «утяжелили» его слово. К этому времени Стюарт окончательно находит свою неповторимую интонацию, узнаваемую на всех этапах ее творческого пути.

На книгу «Города будущего» и на книжку «оборонных стихов для детей среднего и старшего возраста» «Отважные ребята», выпущенную еще в 1941 году, обратил внимание известный литературный погромщик Владимир Ермилов, к тому времени уже прославившийся политико-идеологическими

---

²⁶ Крещик В. «На всех земных пирах...» // Воспоминания о Елизавете Стюарт. С. 128.

²⁷ Стюарт Е. Обращение к старому городу. Монолог // Стюарт Е. Моя рябина. Новосибирск, 1984. С. 77–88.

²⁸ Вяткин Г. Война в народной психологии (Очерк) // Сибирский вестник (Омск). 1918. № 51, 24 октября. С. 4; Г. Вяткин. Музей великой войны // Сибирская жизнь (Томск). 1917. № 14, 18 янв. С. 2. См. об этом: Устинов А. Б., Лоцилов И. Е. Великая война и сибирская память: Георгий Вяткин в американской поэтической антологии 1916 года // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 106–128.

²⁹ Фассел П. Великая война и современная память / Пер. с англ. А. Глебовской. СПб., 2015. С. 21. В оригинале: «An Inquiry into the Curious Literariness of Real Life» (Fussell P. The Great War and Modern Memory. London; Oxford; New York, 1975. P. IX).

«разгромами» Владимира Маяковского, Николая Заболоцкого, Андрея Платонова и многих других. Признавая «искреннее волнение» и «единую поэтическую тему» автора, Ермилов писал о Стюарт в московской рецензии на новосибирские издания: «...не выработана еще своя поэтическая интонация, и много общих слов, стертых, потерявших выразительность. <...> Не достает строкам Ел. Стюарт остроты, цепкости поэтического видения. Несомненная искренность, волнение автора не находят еще для себя настоящего поэтического выхода. Это особенно ясно видно в тех стихах, где автор хочет не только выразить лирическое чувство, но и нарисовать объективную картину. В стихотворении “Никто из нас забыть не сможет” автор хочет воспроизвести небывалую новизну впечатлений первых дней войны <...> Но в том-то все и дело, что в стихотворении нет ни одной такой “подробности”, которая могла бы “запомниться”, ввести в атмосферу незабываемых дней, если не считать такой, например, довольно странной строфы:

И как, предвидя все утраты.
Был город грозно напряжен.
Отметив дверь военкомат
Толпою молчаливых жен (?),

или попытки автора опереться на Пушкина:

Нам сохранит навеки память.
Как, враз перечеркнув покой,
Ползли орудия ночами
По потрясенной мостовой.

Пушкинская строка, быть может, прозвучала бы здесь поистине потрясающе, если бы... если бы автор смог передать новое чувство, новое восприятие – по сравнению с тем, какое было у нас на довоенных наших парадах 1 мая, 7 ноября, когда орудия ведь тоже “ползли по потрясенной мостовой”. Пушкинская строка оказывается очень невыгодной для стихотворения

Ел. Стюарт, подчеркивая, что его автор не справился с главной своей задачей выразить небывалую новизну великих дней, грозных событий. Ведь у Пушкина “потрясенная мостовая” выражает грозную необычность событий, происходящих в поэме, их небывалую новизну. А в стихотворении Стюарт как раз этого и нет. Мало одной искренности и взволнованности, нужно еще многое другое, – и в том числе более глубокое, более конкретное чувство реального значения слова»³⁰.

Как уже было сказано, стихи Стюарт военного времени выдержали испытание временем, – и в первую очередь то, которое дало название этой книге: «Об этом память уничтожить и годы счастья не вольны». Строка из пушкинского «Медного всадника», выделенная при первой публикации разрядкой (С. 3), производит исключительно сильное впечатление, создает глубокую историософскую перспективу: новый контекст придал неожиданный смысл строкам великой поэмы, связал современность со временем Пушкина и эпохой Петра I, а слову самой Стюарт придал дополнительный вес. Показательно, что в написанной в 1972 году автобиографии она упоминает как факты своей биографии не одну, а две войны: «Казалось бы, внешними событиями жизнь моя на редкость бедна, но она вместила в себя и революцию 1917 года, и разруху, и войны, в том числе две войны с Германией – 1914 и 1941 годов»³¹. Вмонтированная в стихотворение пушкинская строка была для Стюарт еще и продолжением разговора с ушедшим на фронт поэтом Наумом Гольштейном (погиб от несчастного случая в 1944 году) – другом Стюарт, о котором много позже она написала прочувствованное мемуарное эссе³². В финале стихотворения «Ленинград» Гольштейн напомнил о «Медном всаднике»:

---

³⁰ Ермилов В. Книги новосибирских писателей // Литература и жизнь. 1944. № 21 (125), 20 мая. С. 3.

³¹ Елизавета Стюарт. [Автобиография] // Писатели о себе. Новосибирск, 1973. С. 221.

³² Стюарт Е. Душевная щедрость // Литературное наследство Сибири. Т. 3. Новосибирск, 1974. С. 329–331.

Знали мы, что час
Великий грянет!
Торопясь
На запад, за спиной
Враг услышит тяжкое скаканье,
Как безумец – помните – другой.
Славный город! Сколько вынес мук ты,
Гордый, как ты мог бы быть забыт?
Повторяет каждый репродуктор
Первый звук прославленных копты³³.

Вслед за Ермиловым выступила Александра Бруштейн: «До войны Стюарт писала для детей – о зайчатах, медвежатах, живых и плюшевых, писала, как многие, и, во всякой случае, не хуже. <...> Хотелось бы, чтобы в поле зрения поэтессы вошли и те “молчаливые жены”, которые вокруг нее, рядом с нею, встали к станкам своих мужей, взяли за их орудия и инструменты. Без такой полноты восприятия жизни миру поэтессы угрожает опасность остаться “микром”»³⁴.

---

³³ Наум Гольдштейн. 1923–1944 // Литературное наследство Сибири. Т. 3. С. 338. 7 февраля 1945 года писатель Савва Кожевников сообщал родным о получении письма от Стюарт: «Она пишет мне о гибели Наума Гольдштейна. Смерть эта ее очень потрясла. Она высоко ценила поэта. Это был действительно очень способный, начитанный, одаренный юноша...» (Кожевников С. Е. Статья, воспоминания, письма. Новосибирск, 1976. С. 157–158).

³⁴ Бруштейн А. Новосибирцы // Литература и искусство. 1944. № 5 (109), 29 января. С. 3. Писательница и драматург Александра Яковлевна Бруштейн (1884–1968) в начале войны оказалась в эвакуации в Новосибирске и сблизилась с местными литераторами; в письме к Савве Кожевникову уже из Москвы, от 19 июня 1943 г. называет Стюарт «домашним именем» «Лиля» («Саша <А. Смердов> и Лиля <Е. Стюарт> уже читаются редакторами») (Кожевников С. Е. Статья, воспоминания, письма. С. 148). Способствовала ее принятию в члены Союза советских писателей; 3 января 1944 года писала Кожевникову: «Помните, когда я приехала в последний раз из Москвы и рассказала на Правлении, что просила здесь Скосырева не ставить в мое отсутствие вопроса о принятии в ССП Стюарт и Смердова – у меня было ощущение, что Вам это было почему-то неприятно. А между тем как я была права!.. Скосырев, хотя обещал не ставить этого вопроса без меня, – все-таки поставил!.. И если бы не оказался Шагинян, которая, по ее собственным словам, “дралась, как бешеная”, они бы не прошли» (Там же. С. 150–151).

Следующий сборник Стюарт, с пастернаковским названием «Второе рождение», вышел в 1945 году; тогда же она стала членом редакционной коллегии журнала «Сибирские огни». «Зашифрованности я не люблю»³⁵, – говорила Стюарт, однако ей был хорошо знаком принцип действия «культурного пароля», заветного слова «для своих». Таким паролем, безусловно, была отсылка к названию поэтической книги Бориса Пастернака. Много позже, в 1979 году, Стюарт назовет свой московский сборник «Полынь и солнце», в точности повторив название книги, известной значительно более узкому кругу – харбинцам. В 1938 году в Харбине вышел сборник «Полынь и солнце» поэта Алексея Ачаира (1896–1960), последние годы жизни которого были связаны с Новосибирском.

Вторую книгу Стюарт критика встретила лучше, чем первую: «В книжке “Второе рождение” собраны стихи, написанные в основном в 1943–1944 гг. На них лежит явственный отпечаток пережитых суровых и трудных лет: горечь утрат, неровное биение сердца, мужественная и непоколебимая решимость...»³⁶ «Книжка Елизаветы Стюарт “Второе рождение” – хорошая книжка»³⁷.

Почти чудесным образом на сборник новосибирского поэта отозвался Михаил Зенкевич – живой участник гумилевского «Цеха поэтов». Это была взвешенная рецензия мастера, содержащая профессиональную оценку и доброжелательную критику: «Стихи ее совсем не претенциозные, а сдержанные, вдумчивые и искренние, а влияние Б. Пастернака, если кое-где и заметно в описании пейзажа, то не более других поэтов, у которых училась Стюарт. <...> У Стюарт есть зоркость глаза, и подчас она умеет по-своему остро, образно подметить какую-нибудь деталь в старом, не раз виденном. <...> Заключительные строфы во многих, даже удачных стихах <...> бледнее остальных»³⁸.

³⁵ Макарова Н. «Пока горит в моем окошке свет...» // Воспоминания о Елизавете Стюарт. С. 111.

³⁶ Бялясников Н. «Второе рождение» // Советская Сибирь. 1945. № 168 (7873), 26 августа. С. 3.

³⁷ Сидоренко Н. «Второе рождение» // Сибирские огни. 1946. № 1, январь–февраль. С. 152.

³⁸ Зенкевич М. «Второе рождение» // Литературная газета. 1945. № 48 (2259), 24 ноября. С. 3.

Две новые волны обвинений Стюарт, на этот раз уже в политических «просчетах» и даже в литературном «делячестве», приходится на послевоенные годы. Первая связана с печально известным постановлением оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 года, вторая – с кампанией «по борьбе с космополитизмом» 1948–1953 годов.

16 октября 1946 г. «Советская Сибирь» напечатала статью Афанасия Коптелова, где детская книжка-гармошка Стюарт и художника Григория Ликмана «Неряха» оценивалась как злостная халтура³⁹. Эта откровенно несправедливая оценка могла бы показаться относительно безобидной, если бы не дата публикации: Стюарт явно предназначалась роль сибирского аналога Зоценко и Ахматовой. «Центральный Комитет партии показывает всю вредность клеветнических писаний пошляка Зоценко о Советской стране и советских людях и безыдейных стихов Ахматовой, пропитанных духом упадничества и пессимизма. <...> В книжке Елизаветы Стюарт “Ласковое солнце”, изданной Новосибирским ОГИЗом, нет ничего, что говорило бы о советском времени, о советском народе, о его борьбе и победах»⁴⁰. При этом до и после «Стотысячных свиристелей» Коптелов был ее другом, что делало ситуацию вдвойне обидной и двусмысленной. Возможно, подобные проявления «дружбы» имела в виду Стюарт, когда, много позже, было создано афористическое стихотворение:

Коль всё прощу врагам,
В ворота рая
Мне обещают душу пропустить.
Но я прощать врагам не собираюсь –
Найти бы силы всё друзьям простить...⁴¹

От детских стихов Стюарт недавние друзья перешли к взрослым – возможно, из лучших побуждений: чтобы привести

---

³⁹ Коптелов А. Стотысячные свиристели // Советская Сибирь. 1946. № 207 (8163), 16 октября. С. 3.

⁴⁰ [Без подписи]. За большевистскую идейность в работе писателей-сибиряков! // Советская Сибирь. 1946. № 182 (8143), 11 сентября. С. 1.

⁴¹ Стюарт Е. Лиственница за моим окном // Сибирские огни. 1966. № 8, август. С. 88.

поэта на «единственно верный», по установившемуся мнению, путь отражения военных событий⁴². Поэт Александр Смердов писал: «...уже в “Городах будущего” мотив страданий, трагический мотив войны иногда превалировал над волевой, оптимистической, мужественной верой в жизнь, в победу, этой характернейшей и органической чертой советского человека. Во “Втором рождении”, смотря на испытания военных лет уже с некоторого расстояния, поэтесса все-таки и прежде всего ощущает трагический элемент войны. <...> В самой лексике стихов преобладает мотив страдания, мы часто встречаемся в стихах со словами: “мука”, “тоска”, “горе”, “боль” в разнообразных вариациях: “неповторимая мука”, “сведенные мукой губы”, “непомерная боль”, “непомерная утрата”, особенно же часто употребительное слово “тоска” – оно проникает и в стихи сугубо лирического плана, и даже в стихи о войне. Страдание само по себе никогда не являлось предметом подлинного искусства, поэзии – в преодолении его, в преодолении боли. Советские люди тем и сильны и непобедимы, что высокое сознание и вера в жизнь, в свой народ, в партию большевиков делают их стойкими, мужественными и в личном горе и в общих тяжелых испытаниях. Стюарт, избрав для себя тему преодоления страдания, не смогла с необходимой идейной глубиной раскрыть, показать это жизнеутверждающее начало в чувствах советских людей. И о этом причина ее срывов, односторонности и ограниченности ее лирики»⁴³.

В 1947 году имя Стюарт исчезает из списков членов редколлегии «Сибирских огней», а вскоре к ее имени критика прочно прикрепляет ярлыки «упадочничество», «ахматовщина», «комнатный мирок», «камерная поэтесса», «культ страдания».

---

⁴² И Коптелов, и Смердов оставили трогательные воспоминания о Стюарт: Коптелов А. Светлый родниковый талант // Воспоминания о Елизавете Стюарт. С. 17 – 31; Смердов А. Автографы поэта. Там же. С. 32–46. В декабре 1954 года Стюарт, Смердов и Коптелов втроем представляли Новосибирск на Втором Съезде писателей СССР (Без подписи). Навстречу II Всесоюзному Съезду писателей: Наказ делегатам // Советская Сибирь. 1954. № 292 (10444), 10 декабря. С. 2).

⁴³ Смердов А. Поэты советской Сибири (Заметки) // Сибирские огни. 1947. № 6, ноябрь–декабрь. С. 125–126.

«Идеологическая кампания по борьбе с “космополитизмом”, начало которой положила редакционная статья “Правды” “Об одной антипатриотической группе театральных критиков”⁴⁴ <...> проводилась интенсивно и жестко по всей стране»⁴⁵. В соответствии с исходной установкой, кампания в Новосибирске в первую очередь обрушилась на «театральных критиков» с нерусскими фамилиями, но вскоре дело дошло и до литературы. Тон задавала статья Саввы Кожевникова с показательным названием «Вредители в советской литературе»⁴⁶. Громить «безродных космополитов» в Новосибирск приехал «тяжеловес» партийной критики поэт Александр Жаров. В последнем интервью Стюарт вспоминала об этих событиях: «Когда-то из Москвы приезжал поэт Ж. и усиленно критиковал меня за то, что я насаждаю ахматовщину»⁴⁷. 9 марта 1949 года состоялось собрание деятелей литературы и искусства Новосибирска, где Жаров произнес грозную речь, опубликованную в сокращении на посвященной собранию странице под общим заголовком «До конца разгромить критиков-космополитов!»⁴⁸. Главным «космополитом» и «формалистом» был назначен поэт Лев Кондырев (1910–2002), но собрание отметило и то, «что в творчестве Е. Стюарт, создавшей ряд интересных произведений, еще прорываются в отдельных стихах декадентские мотивы»⁴⁹.

Особый гнев Жарова навлекло «насквозь гнилое упадочное стихотворение “Средь черных искалеченных лесов”.

---

⁴⁴ Правда. 1949. № 28 (11135), 28 января. С. 3.

⁴⁵ Савина Е. А. Кампания по борьбе с «космополитизмом» в 1949 году в художественной жизни Новосибирска // Вестник НГУ. Серия «История. Филология». 2007. Т. 6. Вып. 1 (История). С. 193–198.

⁴⁶ Кожевников С. Вредители в советской литературе // Советская Сибирь. 1949. № 45 (8763), 6 марта. С. 3.

⁴⁷ Ульяшов П. С. Последнее интервью // Воспоминания о Елизавете Стюарт. С. 217.

⁴⁸ Об одной антипатриотической группе театральных критиков [Сокращенная стенограмма выступления тов. Жарова на общегородском собрании работников литературы и искусства] // Советская Сибирь. 1949. № 48 (8766), 11 марта. С. 3. Другим материалы, опубликованные на этой странице, носили названия «Сметем с пути клеветников-антипатриотов!» (выступление В. Вихлянцева) и «Как они вредили» (выступление актрисы Е. Агароновой).

⁴⁹ [Без подписи]. За советский патриотизм в литературе и критике // Сибирские огни. 1949. № 2, март–апрель. С. 128.

Тут Е. К. Стюарт уподобляет сердца советских людей минированной земле»⁵⁰. Злополучным оказалось одно из самых сильных стихотворений Стюарт о войне; при жизни поэта оно не перепечатывалось и заслуживает быть приведенным здесь целиком:

Средь черных искалеченных лесов,
Где все-таки весной пробилась зелень,
Еще недавно, словно в дни боев,
«Минировано» – надписи виднелись.

А это значит – обойди вокруг
И до поры не думай прикоснуться,
Иначе потревоженная вдруг
Захочет смерть в сырой земле проснуться...

Есть и в сердцах такие уголки,
Которых лучше не касаться тоже,
Иначе захлебнешься от тоски,
Воспоминаньями ее умножив.

Но – жить живым! Уже цветет земля
Войны недавней сбрасывая бремя, –
И, как сапер на минные поля,
Придет печали обезвредить Время⁵¹.

12–13 апреля 1949 года состоялось собрание писателей Новосибирска. На второй день работы собрания взял слово поэт Иван Иост, публиковавшийся под псевдоним «Иван Ветлугин». Он, в частности, сказал: «Существует почему-то такое мнение, что Стюарт сделала для себя серьезные выводы из постановлений ЦК партии по вопросам идеологической работы, покончила со своими заблуждениями и даже, как однажды заявила “Советская Сибирь”, “освободилась от камерных

⁵⁰ Жаров А. Десять поэтов Сибири // Сибирские огни. 1949. № 3, май–июнь. С. 136.

⁵¹ Стюарт Е. «Средь черных искалеченных лесов...» // Из новых тетрадей: Стихи сибирских поэтов. Новосибирск, 1949. С. 133–134.

настроений”. Такие выводы ошибочны. Они вводят в заблуждение читателей и приносят огромный вред самой поэтессе. Стюарт все еще держится на своих прежних позициях, а если изредка, на время, отходит от них, то делает это не совсем искренне. <...> Она никак не хочет окончательно расстаться со своим мещанским, комнатным мирком. <...> В прошлом году Стюарт выпустила книжку стихов “Новый дом”. <...> Сразу же за первым стихотворением “Праздник”, которое с таким же успехом могло бы быть напечатано в рождественском номере какого-нибудь дореволюционного журнала, и вслед за очень бледным стихотворением “Школа” идет стихотворение “Ночь”. Лирический герой этого стихотворения в тяжелую для него минуту находит утешение в словах кипплинговской героини о том, что “слезы бывают только у людей”. Не говоря уже о содержании стихотворения, само по себе обращение за помощью к Кипплингу ошибочно⁵². Помещение этого стихотворения в сборник говорит о политической близорукости и автора и ее редактора. На таком же низком идейном уровне и стихотворение “Первая любовь”. Оно проникнуто настроениями безнадежности. <...> Второй раздел, “Новосибирск”, совершенно не отвечает своему названию. В нем нет стихов ни о городе, ни о людях. А строки –

---

⁵² На языке советской критики «киплингианство» часто означало влияние запрещенного к упоминанию Гумилева. См., например: *Тарасенков А. Против пацифизма и кипплингианства // ЛОКАФ. 1932. № 6. С. 150–153; Козлов А. Под грязным продажным знаменем: Русская шовинистическая поэзия в годы империалистической войны 1914–17 г. // Забайкальский рабочий (Чита). 1934. № 138 (4028), 3 сентября. С. 2–3. В памяти новосибирских литераторов еще была жива память о поэте Константине Беседине (сыне второго и последнего городского головы Новониколаевска), отлученном от печатного станка после того, как стало известно, что он написал посвященную Гумилеву поэму «Путешествие». См. об этом: *Лоцилов И. Е., Тименчик Р. Д. Поэт Константин Беседин: муза странствований и путешествий // Русский травелог XVIII–XX веков: Коллективная монография. Новосибирск, 2015. С. 246–652. См. также: Тименчик Р. Д. Подземные классики: Иннокентий Анненский, Николай Гумилев. М.–Иерусалим, 2017. С. 572–578; Тименчик Р. Д. История культа Гумилева. М., 2018. С. 53–54; 270–271.**

И такая кругом тишина,
И такие спокойные дали,
Словно мы ничего не теряли,
Словно горя в упор не видали
И не слышали слова – война,

не могут не вызвать возмущения. Так может сказать только человек, забывший о том, что война явилась для советских людей и большим испытанием, и большой школой. Мы хорошо помним и будем помнить о том, что и “горе в упор видали” и что “слышали слово – война”... Характерен для стихотворений Стюарт и другой порок, на который ей почему-то не указывают. У нее нет счастья, любви и других земных радостей в настоящем времени. Все это она ожидает встретить в каком неопределенном будущем, очень расплывчатом и туманном. Для нее всё – в обещаниях. <...> ...нельзя рассматривать стихотворение Стюарт “Средь черных искалеченных лесов”, как случайные, необдуманые строки, как сделал это в своем выступлении тов. Смердов. Они вытекают из всего творчества Стюарт. И недаром это стихотворение, так же, как и многие другие, заканчивается робкой надеждой на то, что когда-то в будущем придет время и обезвредит в сердце “минные уголки”»⁵³.

Стюарт вынуждена была оправдываться, сохраняя при этом литературное и человеческое достоинство: «Напечатание стихов в сборнике “Из новых тетрадей”, о которых говорилось в рецензии А. Жарова, я признаю ошибкой, большой своей ошибкой. Я поняла это сразу, как только получила в руки вышедший сборник. Что касается рецензии тов. Жарова, то, правильно критикуя меня, он совершенно неверно связывает мою ошибку с влиянием творчества Ахматовой. Это совсем неверно и принять это нельзя. Выступление Иоста. Хорошо оно потому, что оно страстно, убежденно. У человека нагорело, что называется. Но его выступление плохо тем, что его убежденность ошибочна и предвзята. О неискренности. Обвинение очень

⁵³ Протокол собрания писателей города Новосибирска, состоявшегося 12 и 13 апреля 1949 года // Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1597. Оп.1. Д. 98. Лл. 21–22.

естественное. Это ощущение очень трудно выявить. Переубедить словом человека в таких случаях трудно. Только упомянув о моих новых стихах <...>, посвященных труду и победе, он цитировал предвзято. Он приводил одни строчки и не приводил идущие следом за ними, которые меняют смысл. (Объясняет смысл стих<отворения> “Ночь”). Преднамеренно Иост подобрал несколько концовок. Действительно – все в будущем у поэта, судя по этим концовкам, ничего в настоящем. Книжка издана в 1948 году, и речь в них идет о том будущем счастье, которое придет с победой»⁵⁴.

Смердов сказал в заключительном слове: «Неверные ноты в отдельных стихотворениях Е. Стюарт соприкасались с мотивами Ахматовой. Но никто не собирался установить тождество, а задача состояла в том, чтобы помочь т. Стюарт покончить навсегда с этими неверными нотами в ее творчестве. А т. Стюарт прежде всего отрицала какое-либо влияние на свои стихи ахматовских мотивов, и, тем самым, вообще неверные ноты в своих стихах. Очевидно, она не поняла еще направления критики»⁵⁵.

«На другом заседании высокопоставленный критик вещает: “После выступлений Стюарт, Кондырева, Герман и Алексеева”⁵⁶ я понял, что они не только не поняли решений ЦК партии, не сделали выводов для себя, но и пытаются оправдать линию, осуждающую ЦК партии”. И делает вывод: “...Я доволен, что у нас в Сибири нет ахматовых и зощенко. Но подголоски есть”. А Елизавета Константиновна на эти обвинения отвечает: “Книжка <речь идет “Втором рождении”> написана не о страдании и тоске, а о преодолении страдания и тоски. И я ощущаю свое поэтическое право на эту тему <...> какую-то свою долю <стихи>

---

⁵⁴ Там же. Лл. 27–28.

⁵⁵ Там же. Лл. 39–40.

⁵⁶ Анна Ивановна Герман (1903–1982) – очеркист, прозаик; в 1927–1951 годы жила в Новосибирске. Никандр Алексеевич Алексеев (1891–1963) – поэт, прозаик; жил в Новосибирске в 1929–1959 годы. В годы Первой мировой войны в составе русского экспедиционного корпуса оказался в Шампани и под Парижем. Выпустил в Париже три поэтических сборника, на один из них отозвался рецензией Николай Гумилев: *Гумилев Н. Венок павшим // Русский солдат-гражданин во Франции (Париж). 1917. № 98, 4 ноября. С. 5. Был лично знаком с Гумилевым; см.: Степанов Е., Устинов А. Николай Гумилев: Встречи в Париже в 1917–1918 годах (По материалам архивов Михаила Ларионова и Глеба Струве) // Наше наследие. 2012. № 101. С. 108–110, 126.*

внесли в народное дело, какую-то долю мужества внесли в человеческое сердце»⁵⁷.

9 сентября 1949 года имя Стюарт было упомянуто на страницах газеты «Правда»: «В некоторых стихотворениях способной поэтессы Е. Стюарт, написанных в послевоенные годы, заметны были чуждые духу нашей поэзии меланхолические тона, пессимистические нотки. <...> Ответственный секретарь Новосибирского отделения ССП тов. А. Смердов и редактор журнала “Сибирские огни” тов. С. Кожевников долгое время всячески ограждали писательницу от справедливой критики, тем самым мешая ей закрепиться на новых позициях, полностью преодолеть в себе старое»⁵⁸.

Открывший «сезон охоты» на «безродных космополитов» Савва Кожевников писал в 1950 году: «Одним из активно работающих сибирских писателей является поэтесса Елизавета Стюарт. Но в ее творчестве было далеко не все благополучно. Наряду со стихами активными, воспевающими советскую жизнь, поэтесса написала немало созерцательных аполитичных стихотворений. В некоторых ее стихотворениях из военного цикла было любование страданием, чрезмерный интерес к проблеме преодоления страдания, причем это преодоление поэтесса не всегда изображала правильно. Литературные критики резко выступили против созерцательности, против любования страданиями, против элементов упадничества, в творчестве Е. Стюарт»⁵⁹.

В нелепых придирках даже к детским стихам Стюарт подчеркивалась их «старорежимность»: «В сборнике “Ласковое солнце” есть стихотворение “Слон”. Воспевается в нем слоновое одиночество; экзотическая природа Индии противопоставляется “неприветливому” Северу. Мы знаем другую Индию, “Индию без чудес”, где высокая смертность, жестокая эксплуатация

---

⁵⁷ Мамонтова Е. А. «Быть поэтом нелегкое право...». С. 4.

⁵⁸ Дремов Ан. За высокую требовательность и принципиальность: О журнале «Сибирские огни» // Правда. 1949, № 252 (11359), 9 сентября. С. 2; То же // Советская Сибирь. 1949. № 180 (8898), 11 сентября. С. 2.

⁵⁹ Кожевников С. Заметки о литературной критике в Сибири // Сибирские огни. 1950. №. 3, май–июнь. С. 150.

детского труда, а не Индию, где “слоны нянчат детей”, как это описывалось в географии времен Крубера, Григорьева, Баркова и Чефранова»⁶⁰.

Обвинение в создании «культы страдания» сближают официальную критическую оценку поэзии Елизаветы Стюарт, как это ни парадоксально, с оценкой прозы Андрея Платонова. В большой статье, посвященной творчеству Стюарт, московский тогда критик Сарра Бабенышева, писала: «Война, переживания советского человека во время войны – вот темы, которые занимают центральное место в творчестве поэтессы. <...> Но чрезмерный интерес к людским страданиям, любованию страданьем снижает идейную значимость военных стихов Е. Стюарт. Особенно неудачно справедливо раскритикованное в печати стихотворение К. Стюарт “Средь черных искалеченных лесов”. <...> Советским людям действительно пришлось в годы войны пережить много тяжелого. Но чувство патриотизма, любовь к родине настолько вошли в плоть и кровь советского человека, что личное горе, личные переживания оказывались на втором плане. <...> Не так чувствуют лирические герои стихов Е. Стюарт, их интересы сосредотачиваются на “кристаллизации” страданий. Страдание и преодоление страданий – вот что занимает центральное место в военных стихах Е. Стюарт. Но в чем же видит поэтесса выход? К чему зовет она своих героев? Время и природа – вот, оказывается, великий исцелитель. Время и природа возвращают людей к жизни. <...> Не советский коллектив, не труд, не товарищество, а время приносит отдохновение. Если в стихах поэтессы о детях “самый маленький” знал, что рядом с ним друзья, товарищи, то в стихах о войне это ощущение коллектива, атмосфера дружбы отсутствует. Рядом со временем, которое Е. Стюарт пишет с большой буквы, шагает природа. Неосознанный руссоизм звучит в военных стихах поэтессы. Лирическая героиня не может забыть войны, ее виденья парализуют волю мешают начать новую жизнь в “новом доме”. <...> Добрый подсолнух, ласковая и щедрая

---

⁶⁰ Протопопова М. Больше заботы о книгах для детей // Советская Сибирь. 1950. № 75 (9050), 15 апреля. С. 4.

природа помогают преодолеть страдание. Поэтесса не смогла показать новые черты характера советского человека, поэтому и проблема преодоления страданий разрешается в ее стихах по-старому, абстрагированно. Если в стихах Е. Стюарт для детей сказывались элементы пассивности, то во “взрослых” стихах также сказывается созерцательность»⁶¹. Остается лишь порадоваться, что автор этих строк вошла в историю XX века не ортодоксальной критикой 1940–1950-х годов, а политической борьбой и участием правозащитном движении⁶².

В следующем году в «Сибирских огнях» писалось: «В дни обсуждения писательской общественностью Постановления ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград” были подвергнуты острой и справедливой критике стихи ряда новосибирских поэтов, в том числе лирические стихи Елизаветы Стюарт из ее книг “Города будущего” и “Второе рождение”. В ряде стихотворений Е. Стюарт были нездоровые мотивы уныния, неверное отображение душевного мира советского человека в тяжелые и героические военные дни, указывалось на наличие в некоторых стихах старых литературных влияний. <...> Стюарт почти перестала в последнее время выступать как лирический поэт, не видно в печати новых ее стихов на актуальные и жизненно-важные темы советской действительности, – и это, очевидно, следствие все еще слабой связи поэта с сегодняшним днем»⁶³. При этом отмечалась «неправильность» реакции на «на критику областной печати»; ответные выступления на писательских собраниях Юрия Сальникова и Елизаветы Стюарт были названы «тенденциозными»: «– Часть писателей, – сказал т. Воронин, – тт. Стюарт и Сальников – вносит разлад в нашу среду,

---

⁶¹ Бабенышева С. О творчестве Елизаветы Стюарт // Сибирские огни. 1950. № 1. С. 152–153.

⁶² Сарра Эммануиловна Бабенышева (урожденная Коренблат; 1910–2007), литературный критик, преподаватель Литературного института в 1950-х–1960-х. С 1981 года жила в эмиграции в США (Бостон). См.: Stevanovic B.; Wertsman V. Free Voices in Russian Literature, 1950s–1980s: A Bio-Bibliographical Guide. New York, 1987. Pp. 40–41. Благодарю Г. Г. Суперфина (Бремен) за эти биобиблиографические сведения.

⁶³ [Без подписи]. К новым творческим успехам // Сибирские огни. 1951. № 4, июль–август. С. 81.

а секретарь партийной организации оказался на поводу у них»⁶⁴.

Уже на излете печально известных кампаний, после смерти Сталина, Смердов писал: «Елизавета Стюарт выступила и с несколькими книгами лирических стихов в годы Великой Отечественной войны и после войны, стихов, часть из которых была недостаточно идейно полноценной, страдала недостаточным знанием жизни, за что и подверглась в свой время острой критике в печати. Преодолевая эти недостатки, вдумчиво и настойчиво вглядываясь в окружающую действительность и людей, Стюарт в последние годы выступила с рядом удачных стихов, лучшие из которых свидетельствуют и о росте поэтического мастерства, и о более зрелом отношении поэтессы к жизни. Однако Стюарт далеко не все удается в этих новых стихах. Вероятно, и тут сказываются те же причины – недостаточно активное проникновение в смысл и глубину происходящего в нашей действительности»⁶⁵.

Елизавете Стюарт удалось выдержать напор смертельно опасной в те годы «литературной критики» с поистине королевским достоинством. Эти драматические, иной раз трагические коллизии стоят за строками полного горького юмора «автопортрета» 1970 года:

Ванька-встанька

Целлулоидный, глазастый
Ванька-встанька – мой собрат –
Очень часто,
        очень часто
Веселить мне душу рад.

---

⁶⁴ *Савкин И.* Парторганизация и творческий рост писателей // Советская Сибирь. 1954. № 275 (10427), 20 ноября. С. 2. Юрий Васильевич Сальников (1918–2001) – детский писатель, прозаик, журналист; жил в Новосибирске в 1947–1961 годах. Соавтор Стюарт по очерку об актрисе Зое Федоровне Булгаковой (1914–2017): *Стюарт Е., Сальников Ю.* Четверть века на сцене // Сибирские огни. 1956. № 2, март–апрель. С. 158–166. См. также их совместные литературные работы: *Стюарт Е., Сальников Ю.* Рождение героя // Женщины нашей родины: Очерки и стихи. Новосибирск, 1950. С. 94–111; *Стюарт Е., Сальников Ю., Куклин А.* Из истории одного села. Новосибирск, 1951.

⁶⁵ *Смердов А.* Навстречу Второму съезду советских писателей // Сибирские огни. 1954. № 5, сентябрь–октябрь. С. 170–171.

публикациями, книгами для детей и взрослых. Темы ее поэзии этого времени – память, любовь и тайны поэтического ремесла, поэтической техники: «Нечастый мой гость – амфибрахий...»⁷⁰, «Веселый, звонкий ямб кукушки...»⁷¹

«В последние месяцы жизни случилось важное для Елизаветы Константиновны событие: самый любимый ею из современных поэтов Арсений Тарковский, прислал ей свою книгу и письмо, в котором очень тепло отзывался о ее стихах. Признание большого мастера было приятно поэту, жившему далеко от столицы и поэтому недооцененному столичными критиками»⁷². Письмо и книга были откликом на посланную Елизаветой Стюарт Тарковским по совету их общей хорошей знакомой Евдокии Ольшанской книгу «Зимний праздник» (1980)⁷³.

7 октября 1983 года Тарковский писал Ольшанской: «Книжку Стюарт я вышлю, как только приедем в Москву. Я очень благодарен ей за дорогой подарок – ее книгу, в которой так много хорошего, так много добра и духовной силы. Книга ее мне очень понравилась своей чистотой и непредвзятостью, ее стойкостью перед натиском новых стилей. Верно, она человек чистейшей души и душевного благородства»⁷⁴.

Игорь Лоцилов
Институт филологии СО РАН,
Новосибирск

---

⁷⁰ Стюарт Е. Моя рябина. С. 75.

⁷¹ Стюарт Е. [Стихи] // Сибирские огни. 1978. № 4, апрель. С. 6.

⁷² Ольшанская Е. М. Поэзии родные имена: Воспоминания. Стихи. Письма. Киев, 1995. С. 152.

⁷³ Там же. С. 234.

⁷⁴ Там же. С. 233.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Елизавета Стюарт не любила рассказывать о себе – «Говорить и писать о себе не умею и не люблю... То сокровенное, что я могла сказать о жизни и о себе и что, как мне кажется, могло быть интересным читателю, есть в моих стихах».

Елизавета Константиновна Стюарт родилась 15 (28) сентября 1906 г. в губернском городе Томске, в семье железнодорожного служащего. Отец – потомственный дворянин Константин Павлович Стюарт являлся представителем старинного шотландского рода, переселившегося в Россию в XVIII веке. В 1920-е годы он служил счетоводом счетной службы Томской железной дороги. Мать – Любовь Осиповна Стюарт (р. 1889), урожденная Длугач, украинка, дочь надворного советника по ведомству земледелия и государственных имуществ, окончила Томскую Мариинскую женскую гимназию. В 1904–1922 гг. она трудилась конторщиком и счетоводом на Томской железной дороге, в 1922–1926 гг. была актрисой в Томской, затем в Бийской драматических труппах. С 1927 года работала счетчиком и контролером в Сибирском краевом статистическом отделе, в 1930-х годах – экономистом-плановиком. Свою роль в воспитании Елизаветы Стюарт сыграл и отчим – Иннокентий Александрович Тыжнов (1889–1968), инженер-строитель из семьи священнослужителей.

До 4-го класса Елизавета Стюарт училась в гимназии, в 1922 г., в 15 лет, она закончила 1-ю Томскую политехническую школу-семилетку. В школьные годы уже всерьез была увлечена литературой и слагала первые стихи. Так как путь на филологический факультет университета, в силу ряда причин (юный возраст, дворянское происхождение, иностранная фамилия) был закрыт, она приобрела профессию машинистки и по направлению биржи труда работала в различных учреждениях г. Томска. Со второй половины 1920-х годов она посещала литературную студию сибирского писателя Ф. И. Тихменева. Вступила в брак и в октябре 1928 г. родила дочь Антонину – Нину, как звали её в семье.

Свой путь в литературе Е. К. Стюарт начинала как автор стихов для детей. Первые произведения – два стихотворения

(«Медведь» и «Лиса») и рассказ («Полярная сова»), – были направлены в редакцию издававшегося в Новосибирске юношеского журнала «Товарищ», где и были опубликованы в 1929 г.

В 1932 г. она с семьей переехала из Томска в Новосибирск. Поступила на работу в радиокомитет в качестве машинистки, а уже через три месяца была переведена на должность литературного редактора. С этого времени её произведения стали печататься уже систематически – в газетах для детей «Октябрьская звёздочка», «Юный ленинец», в московском детском журнале «Искорка», в журнале «Сибирские огни» и отдельными изданиями. Первая книга детских стихов «Книжка про нас» вышла в 1935 г.

В 1930-е – начале 1940-х гг. Елизавета Константиновна работала инструктором областного отдела по делам искусств, консультантом-методистом по репертуару в Доме народного творчества, заведующей литературной частью театра «Красный факел». В эти годы в издательствах Новосибирска и Омска вышли её книги для детей: «Слон» (1936), «Паровоз» (1937), «В лесу» (1938), «Страшный зверь» (1938), «Маленьким о маленьких» (1940), «После дождя» (1940), «Отважные ребята» (1941). Иллюстраторами книг стали замечательные новосибирские художники А. Туркин, Г. Ликман, Н. Фомичев, В. Кондрашкин, Е. Кутиков.

С 1936 г. Е. К. Стюарт обучалась на заочном отделении Московского литературного института при Союзе писателей СССР. Её педагогами были признанный корифей детской литературы Агния Барто и редактор журнала «Мурзилка» Елена Благинина, переписку с которой Стюарт поддерживала до конца своих дней. Но весной 1939 г. Елизавета Стюарт отчислилась из ВУЗа, не окончив его. Дочь поэтессы, А. Е. Меликова, считает, что причиной такого решения стали проблемы, связанные с её воспитанием.

В 1938 – начале 1939 г. был организован Новосибирский областной Шевченковский комитет с целью подготовки культурных мероприятий к 125-летию со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. Е. К. Стюарт вошла в состав юбилейной

комиссии, активно выступала с лекциями о творчестве Шевченко и со своими переводами с украинского. В мае 1939 г., как переводчица, была делегирована на Шевченковский пленум Союза советских писателей в Киеве, где была награждена настольной юбилейной медалью, выпущенной к 125-летию выдающегося народного поэта. О своей поездке к «великой могиле» поэта Е. Стюарт рассказала читателям газеты «Советская Сибирь» («Сов. Сибирь». 1939. 6 июня. С. 4).

По состоянию на 1 августа 1939 г. Новосибирское правление Союза советских писателей СССР уже приняло Е. К. Стюарт в состав Союза, но это решение ещё не прошло утверждение правлением Всесоюзного объединения. С сентября 1939 г. на Стюарт возложили работу в бюро Новосибирского отделения Союза советских писателей – она стала руководителем раздела творческой работы, отвечала за организацию и проведение читательских конференций, за командировки писателей «на места», за взаимодействие с работниками искусства.

С ноября 1941 г. по май 1944 г. Е. К. Стюарт работала ночным редактором в сибирском отделении ТАСС, готовила тексты к публикации в Окнах ТАСС. Много и тщательно работала с молодыми поэтами, вела с ними переписку и занималась в рамках кружка, стала инициатором подготовки и редактором молодёжного сборника «Родина» (Новосибирск, 1944). Помимо основной работы Елизавета Стюарт выступала со своими стихами в госпиталях и на заводах.

В 1943 г. вышла первая книжка стихотворений, адресованная взрослому читателю – «Города будущего». Издание имело «карманный» формат (13,5 x 10,5 x 0,2 см), в него вошли 14 произведений поэтессы. Эта книга нашла своего читателя и в тылу, и в окопах. В июле 1943 г. Стюарт получила почтовую карточку с фронта от Бориса Богаткова, молодого новосибирского поэта, сражавшегося в частях 22-й Сибирской добровольческой дивизии, он писал: «...Книжки Ваших стихов я лишился – дал почитать её товарищу, его убило разрывом снаряда, книгу похоронили вместе с ним – она была в кармане окровавленной гимнастёрки. Если можно пришлите мне другой экземпляр».

По словам А. Е. Меликовой, именно благодаря высокой оценке сборника «Города будущего» в 1943 г. Е. К. Стюарт была принята в члены Союза советских писателей СССР.

Постановлением Новосибирского обкома КПСС от 11 июля 1944 г. Е. К. Стюарт, как представитель Новосибирского отделения Союза советских писателей, была включена в состав делегации трудящихся Новосибирской области в подшефное воинское соединение – Северный Военно-Морской флот. На фронте делегация новосибирцев находилась с 31 июля по 1 сентября 1944 г., и разместившись в Полярном, посетила Мурманск, бухты «Долгая», «Грязная», «Ваенга», «Нуманка», полуострова Рыбачий и Средний. В тот визит новосибирцы побывали в 48 подразделениях флота и на боевых кораблях. Е. К. Стюарт рассказывала о поэзии сибиряков, читала свои стихи и стихи сибирских поэтов. Моряки были особенно тронуты поэзией Стюарт, написанной в ходе поездки по Заполярью.

В послевоенные годы Елизавета Константиновна работала литературным консультантом в редакции журнала «Сибирские огни». Много лет Е. К. Стюарт входила в состав правления Новосибирской писательской организации, редколлегии журнала «Сибирские огни» и серии «Библиотека сибирской поэзии», стала составителем и редактором ряда книг и поэтических сборников. На протяжении десятилетий она работала с молодыми авторами: вела поэтические семинары, редактировала и рецензировала произведения поэтов и прозаиков.

Е. К. Стюарт много занималась переводами с украинского, алтайского, шорского, чувашского, белорусского, польского, болгарского, бурятского, тувинского языков, (перевела стихи А. Адарова, П. Кучияка, С. Шавлы, Е. Лось, – всего около 30 авторов). В последний год жизни перевела с украинского книгу Лины Костенко «Неповторність».

Всего вышло в свет около 35 сборников стихов для детей и 20 сборников стихов для взрослого читателя. Стихи и пьесы Е. К. Стюарт переведены и опубликованы на английском, французском, испанском, польском, болгарском, чешском языках. Спектакли по пьесам Е. К. Стюарт «Волшебный цветок», «Дикие

лебеди» шли в театрах городов Барнаула, Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Саратова.

Е. К. Стюарт награждена орденами «Знак Почёта» (1966), Дружбы народов (1976); медалью Комитета по печати Министерства культуры РСФСР за вклад в развитие детской литературы (1966); медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Елизавета Константиновна Стюарт умерла 3 февраля 1984 г. Похоронена на Заельцовском кладбище Новосибирска. На доме, где она жила и работала в 1932–1966 гг. по улице Октябрьская, 33 (Новосибирск), установлена мемориальная доска поэтессе.

После смерти Елизаветы Константиновны продолжают издаваться сборники её стихов «Той осени дожди» (1986), «На зеленых моих островах» (1989), «Утро поздней осени» (1992), «Войди в мой мир...» (1996), «Ветер одиноких дорог» (2006).

Свое отношение к литературному творчеству Е. К. Стюарт описывала так: «... строить свое творчество поэт должен на прочном жизненном фундаменте. Я, например, совершенно не могу стихи выдумывать, писать то, чего никогда не видела и не пережила. Я в основном главное внимание обращаю на жизнь человеческой души. И в чем я абсолютно уверена – не набор профессий и впечатлений определяет качество литературы, а духовный опыт писателя, его человеческая зрелость. В моей личной жизни не так уж много событий, но каждое из них навсегда отпечаталось в памяти и оказало какое-то влияние на мою поэтическую работу... война... это не просто воспоминания, это кусок жизни, засевший в памяти как осколок, который постоянно напоминает о себе. Даже в глубоком тылу война тяжело сказывалась и физически, и морально» («Чудо жизни все длится и длится...»: (В гостях у Е. Стюарт) / Беседу вел А. Горшенин // Молодость Сибири (Новосибирск). 1979. – 8 марта. С. 3).

Настоящий сборник автографов Е. Стюарт не является тематической подборкой стихов о войне, в него вошли произведения, воссоздающие достаточно полную картину творческого проживания поэтессой сложнейшего исторического периода

Отечественной истории XX века – Великой Отечественной войны в условиях тылового города Новосибирска.

За период 1941–1945 гг. у Е. К. Стюарт вышли в свет четыре книги:

Отважные ребята: Сб. оборон. стихов для детей сред. и ст. возраста / Худож. Г. Ликман. – Новосибирск: Новосибиргиз, 1941.– 24 с.;

Города будущего.– Новосибирск: Новосибиргиз, 1943.– 21 с.

Разведчики / [Рис. А. Туркина]; Ред. А. Коптелов. – Новосибирск: Новосибиргиз, 1944. – 16 с.

Второе рождение: Стихи. – Новосибирск: Новосибиргиз, 1945. – 31 с. / Худож. И. Титков. – Новосибирск: Новосибиргиз, 1945, – 46 с.

Другие написанные произведения частично публиковались в различных подборках, газетах и листках, часть из которых в настоящий момент является малодоступной, редкой.

Целый ряд включенных в издание автографов ранее не публиковался или не публиковался в авторитетном издании. Задачей публикации является представление источников конкретного периода творчества поэтессы, работавшей на тот момент редактором Сибирского отделения информационного агентства ТАСС, в рамках одного издания по фондам Государственного архива Новосибирской области (ГАНО).

Литературовед и литературный критик Ю. М. Мостков отмечал, что «в советской литературе военных лет тема тыла, его вклада в победу была освещена несравненно слабее военной, «фронтовой» темы. Если в прозе о трудовом подвиге народа повествовали “Испытание” А. Первенцева, “Клятва” Ф. Гладкова, “Огни” А. Караваевой, то в поэтическом жанре аналогий нет. Стихи Е. Стюарт в какой-то мере восполняют этот пробел. В них не нужно искать изображения индустриального труда или работы на полях. Но зато в них запечатлены думы наших женщин, их заботы, их тревоги о близких, воюющих на фронтах, их беспокойство о детях, их готовность к самопожертвованию» (Ю. Мостков. Мир поэта. // Сов. Сибирь (Новосибирск). 1976. 28 сент. (№ 230). С. 3).

Трогательное, пронзительное творчество Е. Стюарт получило высокое признание современников, находит своего

читателя и ныне. Имя поэтессы, несомненно входит в список лучших поэтов России.

Павел Ульяшов, литературный критик и журналист, считал, что «природе поэтического дара Е. Стюарт чужды как излишняя утонченность и сладкопевность (пресловутый “туман”), так и громогласность, чаще всего являющаяся в риторическом и декларативном одеянии: “Любви и правде мощный усилитель не нужен. Я не этот путь торю”. Символ поэтического вдохновения в её представлении – “варакушка” – сибирский “соловей”, не очень приметная, но по-своему замечательная птица.... “Я работаю на старомодном сырье”, “моя старомодная муза” – так характеризовала поэтесса свой дар, и творческую радость видела прежде всего в том, что ее муза “сумела кому-то помочь”... для Е. Стюарт, глубоко проникнувшейся гуманистическими традициями русской классики, это главное. ... Потому на грани жизни и смерти – не плач по себе, не реквием, а благословение всему живущему, счастью и миру на земле» (П. Ульяшов. «...Заклучи с душой своей союз» // Литературная Россия. 1985. 8 февр. С. 14).

«Стихи Елизаветы Стюарт необычайно привлекательны естественностью выражения. Поэт высказывает пронзительную правду со сдержанным благородством чувства, без надрыва и декламации, чураясь как выпренных слов и красивостей, так и нарочитой усложненности, которой часто маскируют пустоту содержания. Неизменно заботясь о доступности, понятности своих стихов, Е. Стюарт стремилась к высокой простоте» – подметил Ю. М. Мостков (ГАНУ. Ф. Р-2072. Оп. 1. Д. 905. Л. 2).

Поэт, переводчик, литературовед, литературный критик Лев Озеров называл Е. Стюарт на лесковский манер «очарованной странницей»: «Странницей потому, что она не останавливалась на своем пути, а очарованной потому, что до нынешних дней она осталась такою же – умеющей удивляться миру, любящей жизнь и поэзию...», и так характеризовал её талант: «... Она не говорит о счастье вообще, о некоем огромном, несбыточном, эфемерном счастье. Она говорит о том, что далось на веку,

о реальном, обозримом чувстве, его-то и умеет ценить поэт» (Л. Озеров. Очарованная странница // Литературная Россия. 1976. – 24 сентября. С. 11).

Литературовед А. Горшенин считает, что у Е. Стюарт «нет произведений эпического размаха, зато бездонны глубины её лирики», и она «создала свой особенный и неповторимый поэтический мир, который наверняка останется в памяти каждого, кто с ним соприкоснется» (А. Горшенин. Чистое золото каждой строки (Поэтический мир Елизаветы Стюарт) // Абрисы. Этюды о поэтах. Новосибирск. 2001. С. 13–22).

Подготовка настоящего сборника к изданию осуществлялась на основе Методических рекомендаций по публикации архивных документов в печатном виде (Москва, ВНИИДАД, 2022) и Методических рекомендаций по отнесению архивных документов к объектам авторского и смежных прав, доступу и порядку использования таких документов (Москва, ВНИИДАД, 2017).

ГКУ НСО ГАНО получил согласие правообладателей на подготовку, тиражирование и распространение издания.

Сборник является пофондовой публикацией документов из разделов «Рукописи» и «Записные книжки» личного фонда Р-2072 «Стюарт Елизавета Константиновна – советская поэтесса, кавалер орденов «Знак почёта» и «Дружбы народов»».

По современной трактовке ВНИИДАД автографом является документ, написанный рукой его автора или подписанный им; рукописная помета, исправление, дополнение или подпись на документе.

Тексты произведений публикуются по последней белой рукописи (автографу), а в случае ее отсутствия – по черновой рукописи. При выборе основного текста произведения предпочтение отдавалось автографам, которые не были подвергнуты редакторскому, цензурному вмешательству.

Большинство публикуемых автографов Е. Стюарт – это машинописные беловики, имеющие подпись-автограф автора, а также сделанные рукой автора записи стихов в рабочих тетрадях. В сборник включены: 90 автографов Е. К. Стюарт,

9 неавторизованных копий, чье авторство не вызывает сомнений, и 20 цифровых копий опубликованных произведений Е. К. Стюарт на иллюстративной вкладке № 1, датированных 1941–1945 гг.

При передаче текста обеспечена точность воспроизведения документа. Сохранены особенности авторского стиля: стилистические и языковые особенности (орфография, синтаксис и др.), в том числе устаревшие, вышедшие из употребления, характерные для времени составления документа слова, особенности написания слов и словосочетаний; не вносились поправки за исключением исправления явных технических описок, опечаток. Воспроизведены указание места и даты составления документа и другие элементы, при их наличии в документе. Сохранена структура выбранного текста, последовательность его изложения, расположения строк; не допускалось составление сводного текста из разных редакций и вариантов документа, с целью оставить публикуемое произведение неизменным и не препятствовать целостности его восприятия.

При воспроизведениях автографов с правкой об исключении строф тексты приводятся в полном объеме, указания об исключении фрагмента приведены в справочных сведениях о документе. Для автографов, содержащих даты создания и последующей переработки («Для жизни нужно много света...», Портрет дочери) приведены сведения о первоначальном тексте и его изменениях.

Для произведений Е. К. Стюарт, содержащих эпиграфы и цитаты из произведений других авторов даются соответствующие указания, сделанные литературоведом И. Е. Лоциловым. Содержательные примечания составлены лишь в исключительных случаях И. Е. Лоциловым, О. В. Выдриной, И. В. Самариным.

Редакционные заголовки не составлялись. Заголовком публикуемого документа является его собственный заголовок и/или первая строка произведения.

При датировке документов преимущественно указана авторская датировка произведения, которая либо имеется на документе, либо обнаружена в записных книжках, предоставленных

для подготовки настоящего издания дочерью поэтессы Антониной Евгеньевны Меликовой. Датировки, сделанные составителями указаны в квадратных скобках, при невозможности точно датировать документ дата указана приблизительно, исходя из контекста произведения или даты его первой публикации: «не ранее», «не позднее». В качестве даты документа допускается указание на год. Датировка документа и сведения о месте его составления указаны после текста, слева.

Основной принцип систематизации документов – хронологический: документы расположены по датам их создания, начиная с самого раннего и заканчивая самым поздним. Документы, датированные только месяцем или годом, помещены в конце соответствующего периода времени вслед за точно датированными документами.

Способ публикации: наборный (шрифтовый), детские стихи из ставших редкими изданий «Отважные ребята» (Новосибирск, 1941) и «Разведчики» (Новосибирск, 1944) публикуются в виде цифровых копий на иллюстративной вкладке № 1. На иллюстративной вкладке № 2 размещены цифровые копии фотографий из фонда Р-2072, связанные с поездкой Е. К. Стюарт в составе делегации трудящихся г. Новосибирска в августе 1944 г. на фронт к подшефным морякам Североморского флота, базировавшимся на полуострове Рыбачий.

В основной части сборника номером отмечен каждый пятый документ.

Справочные сведения о документах, включенных в сборник состоят из археографической легенды, в отдельных случаях – примечаний по содержанию, в установленных случаях – указаний о первой или первой авторитетной публикации.

Археографическая легенда содержит сведения о публикуемом документе: фрагмент архивного шифра (номер описи, номер дела, номер листа); указание на подлинность / копияность документа; указание на способ воспроизведения (машинописный текст / рукописный текст) и наличие правки; исключены повторяющиеся однородные элементы археографического описания (название архива – ГАНУ, номер фонда – Р-2072).

Составители выражают благодарность А. Е. Меликовой – дочери поэтессы Е. К. Стюарт, И. Е. Лоцилову – ведущему научному сотруднику Сектора литературоведения Института филологии СО РАН, Е. А. Гаврилкиной – внучке Ю. М. Мосткова (литературного критика и друга семьи Стюарт), литературоведу Н. И. Левченко, оказавшим помощь в подготовке издания, а также сотрудникам ГКУ НСО ГАНУ, выполнившим необходимые работы для подготовки книги Ю. В. Матвеевой, Н. Н. Деньгиной, Е. А. Бутаковой, Л. Э. Власовой, Е. В. Крюковой.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. К. Стюарт. Автографы 1941–1945 гг.

1 Ручеек («Из-под снега в поле чистом...»)	4
Расставанье («Нам расставаться не впервой с подругой...»)	6
В Констанцу! («В Констанцу на седом рассвете...»)	8
«За капли нашей драгоценной крови...»	11
5 Мобилизованные («Ещё за жизнь они цеплялись...»)	12
Выселение («Всё выносили – стулья, стол...»)	13
1941 год («Мы в этот год извели до дна...»)	14
Неотправленное письмо («Я не могу ничем тебя приветить...»)	15
Письмо («Я с тобой простилась у вокзала...»)	17
10 Города будущего («Я вижу улицы ночные...»)	19
Женщине («Ты будешь жить на много лет поздней...»)	53
Весна 1942 года («Полгода нету писем с фронта...»)	55
Суд («Если ты в эти грозные годы...»)	57
Статуя («Через много лет, когда покой и счастье...»)	59
15 Родина («Родина! ... Поля и перелески...»)	61
«Мне некому прочесть любимые стихи...»	63
«Все испытай – лишенья и страданья...»	64
Москва («Ты навсегда запомнилась такой...»)	66
«Вам чудится далекий светлый город...»	68
20 Мы никогда забыть не сможем («Об этом память уничтожить...»)	69
Эвакуированные («Осеннее хмурое утро...»)	71
«Жестокое время. Суровые годы...»	73
Забвение («На мраморе листва осенняя видна...»)	74
«Прекрасный мир... Он был иль не был?...»	75

25 «Лучи луны свет беспощадный пьют...»	77
«Мы все любили так... Точь-в-точь, как...»	78
«Здесь яблони не помнили о том...»	80
Раздумье («Давай, товарищ, вместе помечтаем...»)	81
«Для жизни нужно много света...»	83
30 «Все пройдет... Даже наши печали...»	84
«Ты пишешь другу: «Будь за нас спокоен...»	86
«Больше мне в мире тебя не найти...»	88
«Мы научились покидать...»	90
«Я вижу этот час, добытый...»	91
35 «Молчи. Мужайся. Нет еще конца...»	93
«Россия... Родина... рассвет...»	95
«Ты лети, моя дума...»	97
«Как это трудно – взгляд последний кинуть...»	100
«Когда последний выстрел грянет...»	102
40 «Нет облачка над пыльную дорогой...»	104
«Тихон Шишкин – парень бравый...»	106
Сыну («Мой сын, мой мальчик! ... Я тебя...»)	110
Одиночество («Когда мужей от сердца отрывали...»)	113
«Над головою – вешний крик гусей...»	115
45 «На обтаявшем тротуаре...»	116
«Я не могу писать стихов...»	118
Портрет дочери («Одна далёко. Улучив минуту...»)	119
Весенняя ночь («Сегодня внешними капелями...»)	122
В старом городе	
(«Как сад запущен – он ещё тенистей! ...»)	123
50 «Я верно-б легче умерла...»	125
Идёт солдат в окопы... («Вершины голых сопок...»)	128
На Рыбачьем («Кто в эти годы воевал...»)	130

Морские охотники («Здесь старшему едва-ли двадцать шесть...»)	132
Морская застольная («Полярный ветер песне вторит...»)	134
55 «В окне землянки с самого утра...»	136
Во фронтовом клубе («В холодных северных широтах...»)	137
П-ов Рыбачий («Землянки были целый день пусты...»)	139
В поезде («В купе вагона медленно стемнело...»)	173
Север («Ни птичьих криков. Ни полёта пчёл...»)	175
60 В освобождённом городе («Он был разрушен весь, когда вошли...»)	176
Песня («При свете первых робких звёзд...»)	177
«И твой наступит час, когда...»	179
«Мне все знакомо здесь – пустынный этот сад...»	180
Украинка («Я впервые тебя повстречала...»)	181
65 Святки («Ещё в сарае где-то мерзнет ёлка...»)	183
«Что может быть печальнее, чем пристани...»	186
За городом («Две берёзы стоят над ручьём...»)	187
Полярные ромашки («Где в скалах стелются метели...»)	189
«Мы знали всё, что поздно или рано...»	190
70 «На бледном небе северной весны...»	192
«В моих руках роман Бьёрнсона...»	193
Путь («Теперь крепись. И ни на что не сетуй...»)	194
Школа («Рядами чинно выстроились парты...»)	197
Апрель («На светлом небе веток вязь...»)	199
75 «Чем ночь темней, тем ярче звёзды в небе...»	200
День Побед («В тот день уже была весна...»)	201
Лето («Даль слегка дрожит от зноя...»)	203

Паучок («На травинке под талинкой...»)	205
«Мы были вместе здесь когда-то...»	207
80 «Был день с утра отмечен грозами...»	208
Мир повторится	
(«Мир повторится: в шорохе капли...»)	209
На даче («Весь день крепчала солнца ярость...»)	210
Дождь («Дождь сначала шёл робея...»)	212
Дятел («Утром тысячи солнечных пятен...»)	213
85 «За вечную тоску в груди...»	214
«Прозрачным белым кружевцем...»	215
«Берут пыльцу заботливые пчёлы...»	216
«Когда прощать душа устанет...»	217
«Вот жизнь моя! ... Как тяжко чашу клонит...»	218
90 «С какой печалью горестной и строгой...»	219
Весна («Весною ты лениво шла из школы...»)	220
Ночь («Все в доме спят и лишь тебе не спится...»)	223
Утка («У резиновой утки горе...»)	225
Шутка («Весёлая старушка...»)	226
95 Сом («Под корягой дремлет сом...»)	227
Весна («Курится даль в горячем свете...»)	228
«Что мне припомнится такое...»	229
Выпускница («Лежит на подоконнике тетрадка...»)	230
Чайка («Я помню тёплый пасмурный денёк...»)	232
Справочные сведения	
о документах, включённых в сборник	234
Лощилов И. Е.	
«У книг моих своя судьба – моя судьба вторая...»:	
О литературном пути поэта Елизаветы Стюарт	252
От составителей	277

Е. К. Стюарт

**“Об этом память уничтожить
и годы счастья не вольны...”**

Автографы 1941–1945 гг.
в фондах Государственного архива
Новосибирской области

Редактор

кандидат исторических наук Д. Г. Симонов

Статья о творчестве Елизаветы Стюарт

кандидат филологических наук И. Е. Лоцилов
(Институт филологии СО РАН)

Составители

О. В. Выдрина, И. В. Самарин

Дизайн, верстка, предпечатная подготовка:
Полиграфическая студия «Master Color»

Подписано в печать 06.05.2024.

Формат: 120 × 180 мм.

Печать офсетная

Тираж 150 экз.

ISBN 978-5-6050827-2-9

9 785605 082729 >